

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ XII

1863—1877

ИЗДАНИЕ

Графа С. Д. Шереметева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1896

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ XII
1863—1877

ИЗДАНИЕ
Графа С. Д. Шереметева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1896

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1863-1877

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюльвича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1896

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВЪ

СТИХОТВОРЕНІЯМЪ

1808—1877 гг.

- Александрійскій стихъ, XI, 31—35.
Александрю Андреевичу Иванову,
XI, 284—286.
Александръ Ильинкинъ Карамзи-
ной, XII, 74—75.
А. О. Смирновой, IV, 273.
Алексѣю Алексѣевичу Перовскому,
III, 20—22.
Альбомъ, III, 406—407.
Англичанкѣ, XI, 192—193.
Андрею Караманну, XI, 122—123.
Аю-Дагъ, XII, 305—306.
- Баденскія Воспоминанія, XI, 145—
146.
Баденъ-Баденъ, XI, 212—214.
Байронъ, III, 423—426; XII, 59—63.
Балтійское видѣніе, IV, 185.
Баркароллы, XI, 84—87.
Басни (съ польскаго изъ Красицеаго),
III, 402—404.
Бастей, XI, 55—56.
Бахчисарай, XII, 307—311.
Башибузукъ литературный, XII,
167—168.
- Бессознательность 5, XII, 551—552.
Бессонница, XI, 406—407.
Береза, XI, 194,
Берлинъ, XI, 330—335.
Битва жизни, XI, 383—384.
Битый песь, III, 176.
Благодарность, XI, 329.
Благополучно я доѣхалъ до Ми-
тавы, XI, 240.
Блюхеръ и Веллингтонъ, XI, 134—
135.
Ворметты, XII, 203—205.
Восфоръ, IV, 347—349.
Брайтонъ, IV, 222.
Былое, XI, 401.
Быль, III, 298—299; IV, 6—7.
Быль въ преневодней, III, 14.
Бѣдный Ротшильдъ, XI, 215—217.
- Важное открытіе, IV, 294—295.
Вакханалия, XII, 93—101.
Вакхическая пѣсня, III, 36, 247.
Вашъ прогрессистъ закуралесняль,
III, 164—165.
Введенскія горы, XII, 410—414.

Вдоль горы, поросшей лѣсомъ, XII, 316—317.
 Вдоль дома вашего, въ одинъ изъ зимнихъ дней, XII, 361.
 Вевейская рябина, XII, 143—144.
 Вездѣ, гдѣ только есть возможность, XII, 167.
 Венеціанка, XI, 81.
 Венеція, XI, 71—75; XII, 25.
 Верона, XII, 111—113.
 Весеннее утро, III, 62—63.
 Весна, XII, 250.
 Весна 1877 года, XII, 541—546.
 Вечеромъ на берегу моря, XII, 200—202.
 Вечеръ, XI, 379—380; XII, 238—239.
 Вечеръ въ Нвцѣ, XI, 315—316.
 Вечеръ на Волгѣ, III, 230—232.
 Взирь Гассанъ, III, 326—328.
 Victoria, XI, 265.
 Висбаденскіе стихи, XII, 441—442.
 Витцлебенъ, чудно здѣсь твой смѣлый карандашъ, XI, 27.
 Витязь, III, 310.
 Виченца, XII, 107—110.
 Вкушая бодрюю прохладу, XI, 394.
 Владиміру Николаевичу Карамзину, IV, 139; XII, 72—73.
 Владиміру Павловичу Титову, IV, 346, 358—359.
 Во внутрь блестящаго чертога, XI, 327—328.
 Возвращаясь изъ Коренза, XII, 314—315.
 Воля не давай рукавъ, III, 350—351.
 Воля и Пастухи, III, 215—216.
 Волненіе, IV, 59—63.
 Волшебная Обитель, IV, 316—318.
 Вопросъ искусства для искусства, XI, 448.
 18 Февраля, 17 Апрѣля 1855, XI, 200—207.
 Воспомнаніе, III, 417—419; XII, 525—526.
 Вотъ и у насъ заводятъ рѣчь о красныхъ, XI, 429—430.
 Вотъ мчится тройка удалая, XI, 120—121.
 Вотъ улыбулаеъ Девенцано, XII, 116.

Вотъ умеръ во время Токвилъ, XI, 374—375.
 Всегда мы черезъ край переполняемъ чашу, XII, 527—528.
 Все въ скорбь мнѣ и во вредъ, XII, 7.
 Всегда, XII, 217—218.
 Все тѣхъ же щей, хоть и пожиже, XII, 287.
 Вснльчивость добродѣтельнаго, III, 435.
 Встрѣча въ Ялтѣ, XII, 341—351.
 Всѣ сверстники мои давно ужъ на ною, XII, 452.
 Всѣ сворби, всѣ яввы покорно, IV, 297.
 Всякій на своей покрое, III, 300—301.
 Въ альбомъ, XII, 443—444.
 Въ альбомъ Т. Н. Остолоновой, III, 32; изъ Байрона, III, 318; К. А. П. Т., III, 271; К. К. Явишь, IV, 90—91.
 Въ воспомнаніяхъ ищу я вдохновенья, XII, 535.
 Въ насъ внутренно идетъ война, XII, 10—11.
 Въ нашъ вѣкъ патріотизмъ хитеръ на проявленье, XII, 16.
 Въ Орландѣ, XII, 340.
 Въ ивсагахъ заморскихъ нашихъ котати, XII, 169—170.
 Въ походъ (Клягинѣ Вѣрѣ Аркадьевиѣ Голицыной), IV, 355.
 Въ принадлежъ зависти заносчивой и грубой, XII, 177—178.
 Въ природѣ ничего нѣтъ цѣльнаго ни въ чемъ, XII, 378.
 Въ Севастополѣ, XII, 352—354.
 Въ сіяньи радуга вошла, XII, 338—339.
 Въ скотахъ и насъ, твердишь, способности однѣ, XII, 16.
 Въ шляпѣ дѣло, III, 352—353.
 Вы гласность любите, но въ одну ночку, съ правомъ, XI, 389—390.
 Выдержка, III, 445—447.
 Вы на небѣ моемъ, покрытомъ ночью темной, XII, 223.
 Выходъ Вдыхалова, III, 275.
 Вѣра и Софія (Бухариной и Горсткнпой), IV, 144—146.

Гдѣ вы, мои ровы, XII, 134—135.
 Географическій вопросъ, XII, 380.
 Герои, славные мужья, XI, 438.
 Глашатыи социальныхъ бредней,
 XII, 160.
 Глядишь — вдругъ умники повздо-
 рять, XI, 446.
 Годъ новый встрѣтя съ безпристра-
 стьей, XI, 397—398.
 Голосъ сердца, III, 218.
 Голосъ съ того евѣта, XII, 376—377.
 Гондола, XI, 83.
 Гора, XI, 402—403.
 Горжусь и радуюсь я вами, XII, 199.
 Горныя вершины, XI, 191.
 Горы ночью, XII, 323—324.
 Горы подъ снѣгомъ, XI, 183.
 Графинѣ ***, IV, 8—9.
 Графинѣ *** (на смерть ея родителя),
 III, 370—372.
 Графинѣ Е. М. Завадовской, IV,
 149—150.
 Графинѣ Лудольфѣ, IV, 78.
 Графинѣ Софіи Алексѣевнѣ Муси-
 ной-Пушкиной, III, 242—244.
 Графинѣ Александрѣ Андреевнѣ
 Олсуфьевой, XII, 466.
 Графинѣ Каролинѣ Потоцкой, IV,
 173—174.
 Графинѣ Толь, XII, 511—512.
 Графинянь Чернышовынь, на про-
 ѣздъ ихъ черезъ Москву, III, 376—
 377.
 Графу Д. Н. Блаудову, XI, 22—26.
 Графу Михаилу Юрьевичу Вьель-
 горскому, XI, 222—223.
 Графу Модесту Андреевичу Корфу,
 XII, 467—468.
 Графу Соллогубу, XI, 368—369.
 Графу Ф. И. Толстому, III, 161—163.
 Грусть, XI, 400.
 Густыя брови тучи хмура, XI, 178—
 179.
 Гусь, III, 309.
 Гусь и Змѣя, III, 83.
 Давно плыву житейскимъ моремъ,
 XII, 132—133.
 Давнымъ-давно, III, 354.
 Давыдовъ говорилъ, XI, 452.

Да, какъ бы не такъ, III, 287—288.
 Даромъ что изъ хладныхъ нѣдръ,
 IV, 286.
 Даръ все дѣлать не внопадъ, III,
 284—285.
 Дарѣ Алексѣевнѣ Шиновой, уро-
 жденной Окуловой, IV, 103—105.
 Дача за Петергофомъ, XII, 228—231.
 Два Адмирала, XI, 139—142.
 Два Ангела, IV, 126—127; XII, 198.
 Два живописца, III, 178.
 Два разговора въ книжной лавкѣ,
 IV, 171.
 26 января 1872, XII, 451.
 Два чижа, III, 173.
 Двухъ вовсе разныхъ левъ въ виду
 ведугъ имѣи, XII, 177.
 Двѣ весны, XII, 271—272.
 Двѣ лупы, III, 388—389.
 12 іюля 1854 года, XI, 130—133.
 Двѣ собаки, III, 176.
 Двѣ строчки Климъ стихами напи-
 салъ, III, 49.
 De mortuis aut nihil, aut bene, XI,
 443.
 Д. В. Давыдову, III, 128—130.
 Дервишъ и ученикъ, III, 173.
 Деревенскій праздникъ (22 іюля
 1860), XI, 346—349.
 Деревни, III, 439—444.
 Дивлюсь всегда тому счастливицу,
 XI, 248—250.
 Дядоны прелести Виргилій выхва-
 ляеть, III, 24.
 Для женщины удѣлъ единый, XII,
 166.
 Для стариковъ я слишкомъ молодъ,
 XI, 343.
 Дня прекраснаго разсвѣтомъ, XII,
 469—470.
 Доброе желаніе, IV, 47.
 Добрый совѣтъ и пріятельское по-
 желаніе А. И. Тиньковому, XII, 465.
 Добчинскій гласности, XI, 430—431.
 Доведь, III, 137.
 Домъ И. И. Дмитріева, XI, 350—355.
 Дорогою, XI, 297—298; XII, 141—142.
 Дорогою въ Шамуни, XI, 197—198.
 Дорогою изъ Ниццы въ Банны,
 XI, 317—318.

Дорожная дума, IV, 73, 175, 254—255.
 До свиданія, IV, 140—141.
 Древніе и новыя, III, 50.
 Дрезденъ, XI, 52—54.
 Другу Сѣверяну, XI, 301.
 Дружеская бесѣда, IV, 99—100.
 Друзьямъ, XI, 408.
 Дунайскія пѣсни, XII, 111—114.
 Дѣвичій сонъ, IV, 123—124.

Европейская легенда, XII, 523—524.
 Екатерина Петровна Ермоловой, XII, 145.
 Е. А. Бологриновой, III, 427.
 Е. Н. Ушаковой, III, 448.
 Елиза, XI, 136—138.
 Если вѣтеръ вдругъ подуетъ, XII, 418.
 Есть прогрессистъ, и изъ числа горячихъ, XII, 163.
 Еще одно послѣднее сказанье, XII, 479—480.
 Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, XI, 241—247, 253—257, 269, 346—349; XII, 35—37, 49—54, 226—227, 235—237, 240, 291—292, 325—327, 330—333, 368, 451, 474—478.
 Ея Императорскому Высочеству Княжнѣ Евгени Максимиліановнѣ Романовской герцогинѣ Лейхтенбергской, XII, 232—233.
 Ея ужь нѣтъ!..., XII, 257—260.

Желаніе, XI, 308—309.
 Je me mis pleurer comme on pleure à vingt ans, III, 234.
 Жизнь и смерть, IV, 172.
 Жизнь, какъ въ дарахъ ни будь обильна, XII, 148—149.
 Жизнь наша въ старости изношенный халатъ, XII, 549—550.
 Жизнь ѣдкой горечью проникнута до дна, XII, 453.
 Giardino Pubbico, XI, 80.
 Жрецъ и Бумиръ, III, 261.

Забыть ли мнѣ прогулки наши, XII, 195—197.
 Заящаніе Амура, III, 366—369.
 Загадка, XII, 485.
 Запѣтки, ракетки, силуэтки, XII, 502—503.
 Запретная роза, III, 393.
 Застѣнчивой рукой виошу кривыя строки, XII, 251.
 Зачѣмъ въ трагедіи, недавно сочиненной, III, 49.
 „Зачѣмъ вы, дни?“ XII, 8—9.
 Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь? XI, 412.
 Зачѣмъ здѣсь левъ съ орломъ въ раздорѣ, XII, 64.
 Здѣсь, гдѣ подъ синевой небесной, XII, 130—131.
 Зима, IV, 325—326; XII, 386—387.
 Зинія каррикатуры, IV, 25—31.
 Зимняя прогулка, XII, 384—385.
 Златомъ и лазурью нѣжной, XII, 88—89.
 Золотая посредственность, XI, 336.
 Зонненштейнъ, XI, 65—66.

И. И. Дмитріеву, III, 262.
 Идти своимъ путемъ свободно, XII, 380.
 Идутъ ли въ прокъ дѣла, XI, 432—435.
 Изъ Ж. Б. Руссо, III, 299.
 Изъ Москвы, III, 253—254.
 Изъ письма къ Золовой арфѣ, А. И. Тургеневу, III, 252.
 Изъ фотографіи Венеціи, XII, 29.
 Изъ Царскаго Села въ Ливадію, XII, 447—448.
 Ильинскія слятки, XII, 421—427.
 Императоръ умираетъ, XI, 208—209.
 Иной—ужь такъ привыкъ—не засыпаетъ, XII, 379.
 Иному жизнь—одна игрушка, XI, 378.
 Ирландская мелодія, IV, 55.
 Исповѣдь, XII, 291—292.
 Исторія человѣка, III, 15.
 И я желалъ бы зрѣть Венецію свободной, XII, 66—68.
 Иерусалимъ, IV, 357.

Кабанъ и Осель, III, 321.
 Кабы молодость да знала, XI, 299—300.
 Какъ Байронъ онъ хромасть, XI, 444.
 Какъ много слезъ, какое горе, XII, 547—548.
 Какъ ни придеши въ нею, XI, 260—261.
 Какъ ни хвали его усердный кругъ друзей, XII, 177.
 Какъ сердце, такъ и вашъ мизничекъ, XII, 492—493.
 Какъ танъ Батона онъ не корчи, XII, 174—177.
 Какъ трудно жить, III, 138—139.
 Калифъ и Дервишъ, III, 324—325.
 Калоша (Е. Л. Игнатъевой), XII, 321—322.
 Калля, III, 316.
 Карлсбадъ, XI, 302—303.
 Картина, XI, 190.
 Китай-валяй, IV, 12—13.
 Kennst du das Land? IV, 201—202.
 Кирничные заводы, XII, 211.
 Киссингенъ, XI, 253—257.
 Кладбище, XII, 146—147.
 Книгиня Вѣръ Аркадіевнѣ Голицыной, IV, 351, 360—361; XI, 28—30.
 Книгиня Елизаветѣ Петровнѣ Урусовой, XII, 261—262.
 Книжнинъ, фонъ-Визинъ, III, 202.
 Книжнѣ Аннѣ Давыдовнѣ Абамеликѣ, IV, 176.
 Князю Александру Ивановичу Барятинскому, XI, 338—341.
 Князю Владиміру Ивановичу Барятинскому, IV, 267—268.
 Князю А. М. Горчакову, XII, 294—298.
 Когда, III, 79—80.
 Когда вамъ нечего сказать мнѣ, XII, 459—460.
 Когда жъ въ чадѣ высокомерья, XII, 286,—287.
 Когда Карамзина не стало, XI, 439—441.
 Когда онъ на кого сердить, XI, 376.
 Когда у насъ возникнутъ пренья, XI, 342.

Когда я былъ душою молодъ, IV, 291.
 Коляска (Отрывокъ изъ путешествія, въ стихахъ), III, 394—400.
 Комаръ и клопъ, IV, 296.
 Комисарову, XII, 252.
 Корнелій Мейерберъ, XII, 3.
 Красавица Венецію забыла, XII, 80—83.
 Красавицей она и умницей слышетъ, XI, 455.
 Красивый Эмсъ, XII, 494—495.
 Крохоборамъ, III, 449.
 Бруговая порука, III, 175.
 Крыловская хавронья, IV, 293.
 Кто въ человекѣ видитъ дрянъ, XI, 418.
 Кто на людей глядитъ сквозъ смѣхъ лукавый, XI, 399.
 Кто но привычекъ ли, на отдыхъ нль со скуки, XI, 377.
 Кто скажетъ мнѣ ною судьбу? IV, 370—371.
 Кто спать не ляжетъ, XII, 160.
 Куда дѣвались вы съ своимъ закатомъ яснымъ, XII, 481—482.
 Куилеты нана Чижевскаго (Изъ оперы-водевилъ: Кто братъ, кто сестра?), III, 355.
 Куилеты, пѣтые на семейномъ праздникѣ Окуловыхъ, IV, 65—66.
 Къ . . . , IV, 76—77.
 Къ ***, III, 270; XI, 279—280.
 Къ ***, IV, 11.
 Къ ***. Въ новый годъ, IV, 64.
 Къ Александру Яковлевичу Книжнину, III, 312—313.
 Къ А. О. Росетти, IV, 82, 122.
 Къ Барановой, III, 42.
 Къ Батюшкову, III, 100—105, 135—136.
 Къ Бухариной, IV, 143.
 Къ Венеціи, XI, 79.
 Къ В. А. Жуковскому, III, 29—30, 226—229.
 Къ В. Л. Пушкину, III, 73—74.
 Къ Воспоминанію, III, 319, 356.
 Къ графу В. А. Соллогубу, IV, 186—187.
 Къ графу Чернышову въ деревню, III, 342—345.

- Въ двоюродной сестрѣ, III, 387.
 Въ друзьямъ, III, 70—72, 81—82.
 Въ Е. С. Огаревой, III, 112—113.
 Въ Ельвирѣ, III, 16.
 Въ Ельминѣ, III, 78.
 Въ журнальнымъ благопріятелямъ,
 IV, 119—121.
 Въ журнальнымъ близнецамъ (М. А.
 Дмитріеву и А. И. Писареву), III,
 388.
 Въ Иллчевскому, III, 430.
 Въ итальянцу, возвращающемуся въ
 Отечество, III, 225.
 Въ картинкѣ, IV, 214.
 Въ кн. Гагариной (при посылкѣ пѣ-
 сень), III, 110.
 Въ княгинѣ Трубецкой, III, 41.
 Въ княжнѣ***, III, 383—384.
 Въ Бокоскину и Мерзлякову, III,
 53—54.
 Въ Красавицѣ уединенной, III, 200.
 Въ лагунамъ, какъ *frutti di mare*,
 XII, 26—27.
 Въ Лаурѣ (въ день ея рожденія), III,
 203—204.
 Въ Межакову, III, 55—56.
 Въ мнимой счастливицѣ, III, 413 —
 416.
 Въ моимъ друзьямъ Жуковскому,
 Батюшкову и Сѣверину, III, 27 —
 28.
 Въ молящейся, III, 434.
 Въ N. N. на смерть его сына, III,
 114—115.
 Въ Неѣлову, III, 105—106.
 Въ нимъ, IV, 74—75.
 Въ Нисѣ, III, 6.
 Въ нѣкоторымъ, XII, 379—380.
 Въ овечкамъ, III, 131.
 Въ Окуневу, III, 109.
 Въ Остолопову, III, 33—34.
 Въ партизану-поэту, III, 66—69, 308.
 Въ перу моему, VII, 120—124.
 Въ подругѣ, III, 95—100.
 Въ подушкѣ Филлиды, III, 59—61.
 Въ портрету Беброва, III, 15.
 Въ портрету болтуна, III, 302.
 Въ портрету Меньшикова, III, 14.
 Въ портрету, III, 39—40.
 Въ прелестной, III, 329.
 Въ пріятелю, III, 364—365.
 Въ Риму, XI, 462—463.
 Въ ружью, XI, 38—39.
 Въ слезливому стихотворцу, III, 51.
 Въ смерти, III, 218.
 Въ Софьѣ, III, 64.
 Въ С. Ѡ. Безобразовой въ деревню,
 III, 272—274.
 Въ С. П. Шиповой, XII, 383, 407,
 430—431.
 Въ снѣжному Амуру, III, 318.
 Въ усоншимъ льнетъ, какъ червь,
 Фигляринъ, IV, 292.
 Въ кн. Шаховской (при посылкѣ
 стихотвореній Жуковского), III, 111,
 Въ Языкову, IV, 180—182.

La biondina in condolotta, XII, 94 —
 95.
Lago di Garda—Яхонтъ синій, XII,
 114—115.
 Ландышъ, III, 341.
 Левъ и Лисица, III, 322—323.
 Ливадія, XII, 325—327.
 Лилія, IV, 79—81.
 Лицеція воды, III, 86.
 Листокъ, IV, 45—46.
 Листу, IV, 266.
 Литературная исповѣдь, XI, 166—
 172.
 Литературы идеальной, XII, 282 —
 283.
 Лишь съли мы въ вагонъ, XII,
 150.
 Лобъ не краснѣющій, XI, 430.
 Логогрифъ, III, 266, 306 — 307; IV,
 83—84.
 Луга, III, 420.
 Лукавый рокъ его обчель, XII, 486.
 Лѣса, IV, 112; XII, 457—458.
 Лѣсъ горитъ, XI, 295—296.
 Любить, молиться, нѣтъ, IV, 240.

 Мадригалъ (къ двумъ красавицамъ:
 матери и дочери), III, 320.
 Мадригалы Е. Н. К., Е. А. Г., Нас-
 тасьѣ Павловнѣ Мансуровой, III,
 76—77.
 Малиутка на лошади, III, 181—182.
Ma profession de foi, XII, 553.

Маріи Максимиліановиѣ, принцессѣ
 Баденской, XII, 44.
 Маріи Федоровнѣ Тютчевой, XII,
 189—190.
 Масляница на чужой сторонѣ, XI,
 3—7.
 Матери отъ дѣтей, XII, 138.
 Матросская нѣсня, XI, 117—119.
 Медвѣдь (апологъ), III, 180.
 Меня вы дразните прекрасными
 стихами, XII, 273—275.
 Меня „За ненависть къ журналамъ“
 судятъ строго, XII, 370—371.
 Меранъ, XII, 117—125.
 Мери-Пери, XII, 219—220.
 Милонову, III, 19.
 М. И. Глинкѣ, IV, 203.
 Младой пѣвецъ, III, 380.
 Младость, IV, 19.
 Мнимому классику, IV, 48.
 Миѣ не въ лицу шутить, не по душѣ
 смѣяться, XII, 435.
 Миѣ нужны воздухъ вольный и ши-
 ровій, XII, 137.
 Мое инѣніе о нынѣшней войнѣ, XI,
 321—323.
 Моей рукой ты раненъ былъ слегка,
 III, 94.
 Мои желанія, III, 314—315.
 Моленіе Лауры, III, 205.
 Молись, IV, 237—239.
 Молитва, IV, 242—243, 356.
 Молитва Ангелу Хранителю, IV, 362.
 Молитвенныя думы, III, 255—258.
 Молодой Эпикуръ, III, 12.
 Молотокъ и гвоздь, III, 341.
 Море, IV, 14—17; XI, 88—93; XII,
 334—335.
 Море широкое, море пространное,
 XII, 191—193.
 Москва, XII, 369—372.
 Моя конната въ Вене, XI, 180—182.
 Моя Легенда, XII, 554—557.
 Моя молитва, IV, 305—307.
 Мудрецъ или лѣнтяй, или просто
 добрый малый XII, 485.
 Мудрость, III, 293.
 Мужество, XI, 414.
 Мы въ сторонѣ чужой, но сердце
 наше дома, XI, 160—163.

Мы дѣйствуемъ и мыслимъ съ ними
 розно, XI, 376—377; XII, 163—164.
 Мы за собой не примѣчаемъ, XII,
 379.
 Мѣсячная ночь, XII, 318—320.
 Мѣсячной ночи сіянье, XII, 419—
 420.
 Мюнхенъ, XI, 165.
 На берегу Леманскаго озера, XI,
 147—153.
 На болѣзни принца Наполеона, XI,
 158.
 На бракосочетаніе княжны Е. А.
 Вяземской, III, 8.
 На взяточниковъ громъ, все съ
 каждымъ днемъ сильнѣй, XII, 504.
 Надгробная надпись С. С. Бушн-
 кову, IV, 241.
 Надменный нуль, пигмей, крикунъ
 картавый, III, 299.
 Надпись надъ бюстомъ Императора
 Александра I-го, III, 45.
 Надпись на памятникѣ супругѣ
 П. П. Новосильцева, IV, 170.
 Надпись солдату, III, 246.
 На желѣзной дорогѣ, въ день отъ-
 ѣзда изъ деревни, XII, 265—266.
 На жиломъ берегу, XII, 136.
 Назвалъ бы ты журналъ свой заве-
 деньемъ, XII, 361.
 На Canal grande леди. миссы, XII,
 28.
 Накинуть на гондолу Фельде, XII,
 96.
 Намъ кое-что еще темно въ натурѣ,
 XI, 427—428.
 На нашей почвѣ урожайной, XII,
 161.
 На нвхъ вы клепете напрасно,
 XII, 361.
 На новый годъ (графинѣ Софіи Але-
 всѣевнѣ Мусиной-Пушкиной), III,
 65.
 На новый 1828 годъ, IV, 3—5.
 На нѣкую поэму, III, 239.
 На открытіе въ Москвѣ дома Рос-
 сійскаго Благороднаго Собранія,
 III, 88—90.
 На память, IV, 207—208.

На нанять о носѣщеніи Великимъ
 Княземъ Государемъ Цесаревичемъ
 домника Петра Великаго иъ
 Сардамѣ, XII, 374—375.
 На память о себѣ, какъ надписъ на
 гробницѣ, XII, 194.
 На помы въ честь Петра Великаго,
 III, 52.
 Намрасно говорятъ, что будто По-
 лидоръ, III, 11.
 На пріѣздъ принцессы Дагмары,
 Великой Княгини Маріи Феодо-
 ровны, XII, 267—270.
 На пріѣздъ Словенъ въ Россію, XII,
 293.
 На прощанье, XI, 219—221.
 Нарвскій водопадъ, III, 408—409.
 Наружностью твоей спасется честь
 твоя, XI, 454.
 На смерть А. А. Иванова, XI, 287—
 291.
 Наталіи Николаевнѣ Пушкиной,
 IV, 262.
 Нахимовъ, Бебутовъ побѣды близ-
 нецы! XI, 98—99.
 На церковное строеніе, XI, 231—233.
 Наши дачи хороши, IV, 284—285.
 Наши Ларошфуко, III, 401.
 Нашъ вѣкъ, IV, 259—261.
 Нашъ вѣкъ, всѣмъ жертвуя идеѣ,
 XII, 288.
 Нашъ днелетаютъ Молсшотъ, XII,
 164.
 Невыгоды лѣта, III, 241.
 Не глупо сказано: пожалуй, и Брыз-
 галовъ, XI, 455.
 Не говорю, что я пишу умно, XII,
 530.
 Негодованіе, III, 164—169.
 Не даромъ здѣсь вода, вездѣ вода,
 XII, 69—71.
 Не даромъ нашъ должникъ слызеть
 и краснобаемъ, XI, 454.
 Не для меня, IV, 128—130.
 Недовольный, III, 381—382.
 Не жди себѣ отъ бляжняго нособья,
 XI, 451.
 Не надо грустныхъ словъ прощанья,
 XI, 381—382.
 Ненастье, XI, 189.

Не помните? XI, 115—116.
 Не рѣдко намъ, XI, 373.
 Не спорю я: онъ не глупецъ, XI, 453.
 Нетлѣнный цвѣтокъ, III, 436—437.
 Не тѣмъ трудна житейская дорога,
 XII, 416—417.
 Нигдѣ такъ роза не алѣетъ, XII,
 221—222.
 Николаю Аркадіевичу Кочубею, XII,
 31—32.
 Ни лѣтъ, ни старшинства, XII, 362.
 Иицца, XI, 313—314.
 Н. М. Д., IV, 92—93.
 Н. И., IV, 21.
 Nottugno, XII, 33—34, 209—210, 212—
 213, 216.
 Ночь, IV, 271.
 Ночь въ Венеціи, XI, 76—78.
 Ночь въ Ревелѣ, IV, 274—277.
 Ночь на Босфорѣ, IV, 344—345.
 Ночью на желѣзной дорогѣ, XI,
 67—70.
 Нравоучительными четверостишія,
 (Изъ Вольтера), IV, 67—68.
 Нѣмецкая природа, XI, 456—457.
 Нѣтъ, на него поклепомъ не грѣши,
 XII, 167.
 Нѣтъ, я отъ гласности не прочь,
 XII, 172—174.
 Объявленіе, III, 13.
 Объясненіе и разрѣшеніе Восточ-
 наго вопроса, XII, 553.
 Одесса, XI, 124—125.
 Одно сокровище, XI, 48—51.
 Одному изъ многихъ, XII, 13.
 Одну весну онъ знаетъ иривыкъ, XII,
 178.
 О. С. Пушкиной, III, 405.
 О Матери Его, о Матери Царицѣ,
 XI, 210—211.
 О нашихъ нигилистахъ, XII, 13.
 Онъ вовсе не Гомеръ, а общее съ
 нимъ что-то, XII, 166.
 Онъ говоритъ и дѣло, но такъ вяло,
 XI, 452.
 Онъ золъ, но крайней мѣрѣ злится,
 XI, 376.
 Онъ общимъ мнѣніемъ былъ раз-
 битъ на обѣ корки, XII, 167.

Оправданіе, XII, 18—20.
 Оправданіе Вольтера, III, 33.
 Оправданіе Тургенева, IV, 131—132.
 Орландо, XII, 330—333.
 О Русскій Вогъ! Какъ встарь, Ты
 намъ вастунникъ буди! XI, 173.
 Осель и быкъ, III 305.
 Осень, XI, 404—405; XII, 473.
 Осень 1830 года, IV, 96—98.
 Остафьево, XI, 262—264.
 Отвѣтъ, IV, 190—191.
 Отвѣтъ древняго мудреца, III, 341.
 Отвѣтъ фонъ-Визвна, III, 202.
 Отличнымъ вкусомъ, острословьемъ,
 XI, 372.
 Отложенныя похороны, III, 281—
 283.
 Отрывки изъ журнала исповѣди,
 IV, 157—163.
 Отрывокъ, III, 245.
 Отрывокъ изъ стихотворенія Де-
 режня, III, 143—145.
 Отсутствующій виновать, XII, 432.
 Отшельникъ, спрятанный въ Ка-
 преръ, XII, 283—286.
 Отъездъ, XI, 195—196.
 Очарованіе, IV, 350.
 Очерки Карлсбада, XI, 304—307.
 Ошибка врача, III, 237.
 Очерки Москвы, XI, 272—277.

Палестина, XI, 43—47.
 Памфилъ забавенъ за столомъ, III,
 94.
 Паяти***, XII, 151—155.
 Паяти графа Д. Н. Бладова, XII,
 45—48.
 Памяти Авраама Сергѣевича Норова,
 XII, 402—406.
 Памяти живописца Орловскаго, IV,
 217—221.
 Памяти М. П. Погодина, XII, 505—
 507.
 Памятникъ Петру I-ну въ Карлс-
 бадѣ, XI, 62.
 Пастухъ и овца, III, 265.
 Пеняты цензурѣ намъ не встати,
 XII, 168—169.
 Первый отдыхъ Вадыхалова, II
 276—279.

Первый свѣтъ, III, 146—149.
 „Per obedir la“, XII, 102—104.
 Петербургская ночь, IV, 249—251.
 Петербургъ, III, 157—160.
 Петергофъ, XII, 224—225.
 П. А. Плетневу и Ф. И. Тютчеву,
 XII, 126—127.
 Петръ Алексѣевичъ, XII, 299—304.
 Печально видѣть, какъ кавармы,
 XII, 65.
 Пиши пропало, III, 373—374.
 Плачь изъ Петергофа, XII, 381—
 382.
 Plutôt être que paraître, XI, 36—37.
 Погребъ, III, 117—118.
 Подмосковная, XII, 235—237.
 Подъ каннейъ симъ лежитъ Надаль,
 III, 75.
 Подъ фирмой перваго апрѣля, XI,
 199.
 Пожалуй, онъ и однородецъ, XI,
 453.
 Пожаръ на небесахъ, XII, 37.
 Поздравить ли мнѣ Васъ, XII, 226—
 227.
 Поздравленіе, XII, 248—249.
 Покажется она, XI, 454.
 Полтава, IV, 339—343.
 Польской (пѣснь на взятіе Парижа),
 III, 46—47.
 Поминаніе, IV, 167—169.
 Поминки, XI, 8—21; XII, 139—140,
 536—540.
 Поминки по Бородинской битвѣ,
 XII, 391—401.
 По мнѣ—онъ просто скучный враль,
 XI, 445.
 По мосту, мосту, XII, 30.
 Попробуй съ рьянымъ неофитомъ,
 XI, 442.
 Пора нересмотрѣть все наши сло-
 вари, XII, 16—17.
 По поводу новыхъ пріобрѣтеній
 Россійскаго языка, XII, 484.
 Пора стихами заговѣться, XII, 359—
 360.
 Порученіе въ Ревель, IV, 177—179.
 Португальская пѣсня (изъ Байрона),
 III, 196.
 Посвященіе, XI, 270.

Посланиѣ въ *** въ деревню, III, 3—5.
 Посланиѣ въ А. А. Б., IV, 49—51.
 Посланиѣ въ графу Д. Н. Блудову, IV, 368—369.
 Посланиѣ въ И. И. Дмитріеву, III, 294—297.
 Посланиѣ въ М. Т. Каченовскому, III, 219—223.
 Посланиѣ въ Д. П. Сѣверину, XI, 362—367.
 Посланиѣ въ А. И. Тургеневу (съ пирогомъ), III, 189—191.
 Послушать—вѣкъ нашъ вѣкъ свободы, XI, 344—345.
 Послѣдній Олимпіецъ, XII, 449—450.
 Но современному зоологическому вопросу, XII, 483.
 Потокъ и рѣка, III, 177.
 Пошла писать, III, 240.
 Поэтическій вѣнокъ Шутовскаго, III, 84—85.
 Поэту-Археографу, XII, 463—464.
 Поэтъ, чтобъ быть великъ, не долженъ подражать, III, 7.
 Поэты стараго ночега, XII, 161—163.
 Прага, XI, 63—64.
 Н. Ѡ Перфильевой, рожденной графинѣ Толстой, IV, 282—283.
 Предопредѣленіе, IV, 142.
 Предостереженіе, IV, 52.
 Прекрасенъ міръ! Театръ великолѣпно-чудный! XII, 178.
 Прекрасной Итальянкѣ, III, 82.
 Прелести деревни, III, 339—340.
 Прелестный край! Надъ свѣтлой Брентой, XII, 105—106.
 При возвращеніи долго задержаннаго альбома, III, 197.
 Привычка, XII, 521—522.
 Привѣтствіе В. А. Жуковскому, IV, 331—334.
 Признанье, III, 23.
 Примѣру слѣдуй ученаго народа, III, 49.
 При Ней намъ вѣсть на чужбинѣ, XI, 143—144.
 Принцессѣ Ольденбургской, XI, 164.
 При посылкѣ двухъ моихъ портретовъ, XI, 278.

Природа всѣмъ намъ мать родная, XII, 165.
 При старости, откланявшись веселью, III, 298.
 Природы странною игрой, XI, 453.
 Пріятель мой, въ тѣну жь риомачь, XI, 454.
 Пробудится ль мой слухъ нанѣвами Травяты, XII, 489—491.
 Прогулка, XI, 184—185.
 Прогулка въ степи, IV, 106—108.
 Простоволосая голова, IV, 23—24.
 Простосердечный отвѣтъ, III, 386.
 Противорѣчишь ли ему хоть маломальски, XII, 177.
 Прощаніе, IV, 166.
 Прощаніе война, III, 347—348.
 Прощаніе съ Индцею, XI, 319—320.
 Прощаніе съ халатомъ, III, 150—153.
 Проѣздомъ чрезъ Кишиневъ, XII, 355—358.
 Проѣздъ чрезъ Францію въ 1851 г., IV, 372—374.
 Путь въ честности, III, 31.
 Пьянство, IV, 20.
 Пѣсни, III, 35, 124, 140—142, 286, 332; IV, 125, 164—165.
 Пѣсь въ день рожденія Государя Императора Александра I-го, III, 87.
 Пѣсь въ день юбилея графа Д. Н. Блудова, IV, 365—367.
 Пѣсь въ день юбилея И. А. Крылова, IV, 211—213.
 Пѣсь вѣваки, III, 349.
 Пѣсь лейбъ-гусаровъ, XII, 365—367.
 Пѣсь на день рожденія Жуковскаго, IV, 329—330.
 Пѣсь Русскаго ративва, XI, 40—41.
 Разбитая статуя, III, 119.
 Разговоръ, III, 251; IV, 147—148.
 Разгуляевскому обществу, III, 126—127.
 Раздумье, IV, 281.
 Разнообразной остротою, XII, 530.
 Разъ кѣмъ-то сказано остро и очень кстати, XII, 166.
 Рейнъ, XI, 458—461.
 Ренейникъ, III, 264.

Римъ, IV, 287—288.
 Ристори, XI, 359—361.
 Родительскій домъ, IV, 113—118.
 Роза и Кипарисъ (Графиня Потоц-
 кой), IV, 197.
 Романсъ, XII, 408—409.
 Романцери, XI, 385.
 Ройъ, XI, 186—187.
 Русскіе проселки, IV, 256—258.
 Русскій богъ, III, 450—453.
 Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Па-
 рижя, III, 91—93.
 Русскій романтикъ Русскому клас-
 сикъ, IV, 18.
 Русской крылатой дружины, IV,
 377—379.
 Р—у, III, 433.
 Рыбакъ, XI, 94—97.
 Рябина, XI, 154—157.

 С., III, 183.
 Саловка (глава изъ путешествія въ
 стихахъ), IV, 56—58.
 Самоваръ, IV, 225—228.
 Santa Elena, XII, 57—58.
 Сбылось мое пророчество предъ свѣ-
 томъ (Мадригалъ), III, 109.
 Свободой дорожу, но не свободой
 вашей, XI, 386—388.
 Своей новадкой неусыпной, XII,
 436—437.
 Своею славой безымянной, XI, 453—
 454.
 Своишь перомъ тунимъ и бурнымъ,
 XII, 166—167.
 Святая Русь, IV, 311—315.
 Святочная шутка, IV, 110—111.
Se que j'aime et se que je hais, XII,
 206—208.
 Сельская пѣсня, IV, 86—87.
 Сельская церковь, XI, 234—236.
 Семь ятницъ на недѣлѣ, III, 410—
 412.
 Сергѣю Александровичу Николаев-
 скому, XII, 471—472.
 Сибирякову, III, 210—212.
 Сицилійская пѣсня, XI, 218.
 Скажи, какъ могъ инакъ ты въ
 либералы, XII, 529.

Скажите, отчего иной такъ въ душу
 вьется, XI, 454.
 Сказать о Фирсѣ мнѣнье трудно,
 III, 94.
 Сквозь вѣлень блѣдныхъ маслянъ,
 XII, 156.
 Скользя налѣво и направо, XII,
 165—166.
 Слеса, IV, 94.
 Слезная компанта, XII, 241—242.
 Слезы, IV, 85.
 Слезы прощанія, III, 438.
 Слово примиренія, XI, 281—283.
 Слово Шамфора, XII, 484.
 Слуху милая названья, XII, 328—
 329.
 Слухъ изъ Ливадіи, XII, 429.
 Смирненіе, XI, 415.
 Снѣгъ, XI, 188.
 Современная легенда, XII, 496—
 500.
 Современныя замѣтки, XI, 107—110.
 Совѣмъ я выбился изъ мочи, XII, 6.
 Сознаніе, XI, 128—129.
 Спросите Бисмарка, XII, 179—180.
 Спрошу, зачѣмъ землетрясенье, XII,
 501.
 Сравненіе Петербурга съ Москвой,
 III, 289.
 Стансы (А. И. Готовцовой), IV, 53.
 Станція, IV, 32—41.
 Старое поколѣніе, IV, 247—248.
 Старону гусару, IV, 151—153.
 Старость, XI, 413.
 Старый гондольеръ, XII, 84—87.
 Статуя Геркулеса и прохожіи, III,
 331.
 Стень, IV, 335—336.
 Стенью, IV, 337—338.
 Стихи, вырѣзанные на мертвой го-
 ловѣ, обращенной въ чашу, III,
 206—207.
 Стихи на обѣдъ барону Сажону, III,
 125.
 Столъ и постеля, III, 238.
 Сумерки, IV, 323—324.
 Судьба насъ за носъ водить всѣхъ,
 XII, 530.
 Сфинксъ, не разгаданный до гроба,
 XII, 373.

- Съ его ль душоюкою свободѣ цѣну
знать, XII, 529.
- Съ наружности ужь онъ не лысъ
ли? XI, 453.
- Съ одними бѣлъ онъ, то-есть, зе-
лень, XII, 529—530.
- Съ перомъ въ рукѣ, враждой онъ
пышетъ, XI, 376.
- Съ раздуміемъ смотрю, IV, 272.
- Съ тѣхъ поръ, какъ упрядняютъ
будку, XI, 447.
- Сѣтованіе, III, 346.
- Сѣтованіе араба, III, 363.
- Сюда, IV, 265.
- Тамъ на земной границѣ, XII, 90.
- Теперь всему и всѣмъ законъ, XII,
170—172.
- Теперь мнѣ недосугъ, III, 428—
429.
- Тихія равнины, XII, 415—417.
- Того-сего, III, 378—379.
- Тому сто лѣтъ, XII, 276—281.
- Торчело, XII, 91—93.
- Тоска, IV, 137—138; XII, 214—215.
- Тоска по запоздаломъ, XII, 181—
186.
- Три вѣка поетовъ, IV, 88—89.
- Тройка, IV, 188—189.
- Тройка. Пѣсня, басня и быль, XII,
246—247.
- Тропинка, IV, 319—322; XI, 409—
411.
- Трудная задача, III, 201.
- Ты свѣтлая звѣзда, IV, 216.
- 1854-й годъ, XI, 103—106.
- Убогій и камень, III, 174.
- Уголокъ, XII, 263—264.
- Ударомъ молніи растрескается ка-
мень, XII, 531.
- Умъ и у насъ въ большомъ ходу,
XII, 160.
- У насъ и дважды-два все какъ-то
лѣзетъ въ пять, XII, 379.
- Уныніе, III, 193—195; XI, 258—259.
- Усладъ, III, 184—185.
- Уставъ столовой (подражаніе Па-
нару), III, 198—199.
- У страха глаза велики, XI, 292—294.
- Утро на Волгѣ, III, 233—236.
- Утѣшеніе, IV, 289—290.
- Ухабъ, III, 154.
- Уѣздный врачъ, Эрастъ, въ часы
свободы, III, 75.
- Ферней, XI, 324—326.
- Флоренція, IV, 192—193.
- Фонтаны! жаль васъ, отдохните,
XII, 407.
- Фотографія Венеціи, XII, 21—24.
- Французскіе журналы, XII, 14—16.
- Французы — хвастуны и не таятъ
того, XII, 378.
- Фрегатъ Александръ Невскій, XII,
158—159.
- Фрейбергъ, XI, 57—61.
- Фрейлинъ Огаревой, XII, 245.
- Хандра, IV, 135—136; XII, 4—5.
- Хандра съ проблесками, XII, 513—
520.
- Характеристика, III, 401.
- Хорошіе люди, XI, 419—425.
- Хоть съ вѣчнымъ поздравленьемъ,
XI, 42.
- Царица красоты, XI, 82.
- Царскосельскій садъ зинною, XI,
391—393.
- Царскосельскія снѣтки, XII, 428.
- Царь-Горохъ, XI, 237—239.
- Цвѣтокъ, XII, 517—518.
- Цвѣты, III, 303—304.
- Цензоръ, IV, 95.
- Чего-то нѣтъ въ его натурѣ, XII,
529.
- Человѣкъ и нотылекъ, III, 179.
- Чернильница и перо, III, 177.
- Черныя очи, IV, 42.
- Черта мѣстности, III, 385.
- Чертогъ Твой вижу, Спасе мой, XI,
271.
- 14 января въ Веве, XI, 177.
- Чистосердечный врачъ, III, 237.
- Что мой свѣтикъ луна, IV, 301—
302.
- Что такъ шуните вы? XI, 426.
- Чуфуть-Бале, XII, 312—313.

16 апрѣля 1866, XII, 253—256.
6 декабря 1854, XI, 159—160.
6 мая 1868 года, XII, 368.
Шлогсъ Плана, XII, 128—129.
Шутка, III, 335—336, 359—360; IV,
252—253.
Шуточные замѣтки, XII, 445—446.

Щеголеву, XI, 126—127.
Щипцы и свѣчи, III, 432.

Эперне, IV, 229—233.
Эпиграмы, III, 7, 70, 192, 208—209,
217, 248—250, 267—269, 305, 311,
330, 333—334, 348, 361—362, 390,
401, 431; IV, 54, 71—72, 109.
Эпитафія И. П. А., IV, 22.
Эпитафія себѣ заживо, XII, 439.
Эрнестинѣ Федоровнѣ Тютчевой, XII,
76—79.
Эсмемальда, XI, 224—227.

Юпитеръ, Фебъ и Момъ, III, 280.

Я было разлюбилъ красавицу свою,
XII, 55—56.
Я вѣкъ тебя хвалю, ты вѣкъ меня
ругаешь, III, 11.
Я жду тебя, III, 116.
Языкъ и зубы, III, 317.
Ялта, XII, 336—337.
Я не умѣлъ постигнуть жизни
смысла, XII, 12.
Я пережилъ, IV, 215.
Я пѣнье соловьевъ любилъ въ свой
возрастъ дѣтскій, XII, 440.
Я тихъ и кротокъ сталъ, XII,
362.

Федору Ивановичу Тютчеву, XII,
41—43, 157.

1863 г.

DLXXXV.

КОРНЕЛИИ МЕЙЕРБЕРЪ.

Нѣтъ, въ темные мои и поздніе года
На радость въ будущемъ безумны упованья:
Не смѣю вамъ сказать я: до свиданья!
И силы нѣтъ сказать: простите навсегда!
Но позабыть ли мнѣ день милой съ вами встрѣчи?
Мнѣ помнится не разъ, что, скорбь свою тая,
Я вашей молодой заслушивался рѣчи,
На свѣтлый образъ вашъ заглядывался я.
Когда, подъ сумракомъ недуга и печали,
Тянулись медленно болѣзненные дни
И чувства хладныя во мнѣ такъ одичали,
Что ласки дружеской чуждались они, —
Вы облако мое улыбкой озарили:
Унынья моего не испугались вы,
И съ вашей розами увѣнчанной главы
Мнѣ свѣжихъ нѣсколько листковъ вы удѣлили.
Весной повѣяло отъ васъ зимѣ моей:
Такъ роза иногда алѣетъ на могилѣ;
Такъ на владбищѣ при ночномъ свѣтилѣ
Пѣснь звонкую поетъ весенній соловей.

DLXXXVI.

Х А Н Д Р А.

А есть же гдѣ-нибудь пріютный уголокъ,
Гдѣ бѣ могъ я отыскать спокойство и здоровье,
Гдѣ бѣ жизнь моя вошла въ свой обыденный токъ,
Гдѣ сонъ дало бы мнѣ ночное изголовье?

Есть этотъ уголокъ. Мерещится онъ мнѣ,
Какъ пристань тихая пловцу въ дали туманной,
Но нѣтъ попутнаго мнѣ вѣтра къ той странѣ,
Но недоступенъ мнѣ тотъ край обѣтованный.

Вездѣ ищу его, но тщетенъ поискъ мой:
Какъ оный Агасферъ, на коемъ Божья кара,
Изъ края въ край гонимъ и день и ночь тоской,
Отвсюду такъ и я бѣгу, какъ отъ пожара, —

Но лютый сей пожаръ переношу въ себѣ;
Куда ни брошусь я, вездѣ одно и то же:
И день томительный въ безвыходной борьбѣ,
И ночь бессонная, и огненное ложе!

Мужайся, говорятъ. Есть воля. Ею ты,
Какъ воинъ, облепись въ доспѣхъ и ратуй смѣло.

Слова и ложь одна! Все гордости мечты:
И воля въ насъ больна, когда хвораетъ тѣло.

Соль — вещь полезная, сказалъ Учитель нашъ:
Но, если и она вдругъ оскудѣетъ силой,
Чѣмъ осолишь ее, чѣмъ крѣпость ей придашь?
Не то же ль съ волею болящей и унылой?

Мужайся, говорятъ! — Премудръ и благъ совѣтъ.
Но чѣмъ упавшій духъ воспрянуть приневолю?
На черный день у насъ запасной воли нѣтъ,
Чтобъ ею подкрѣпить разслабленную волю.

Не знаю, что бь могло утѣшить и развлечь
Тоскующей души томительную праздность.
Чужда мнѣ ближняго привѣтливая рѣчь,
Не радуеть меня весны благообразность.

Лѣнивый сонъ души не могутъ пробудить
Высокаго ума сказанья и уроки.
Не въ силахъ чувствъ моихъ увядшихъ освѣжить
Когда-то милой мнѣ поэзиі потоки.

Къ прекрасному душой усталой охладѣвъ,
Не упиваюсь я ихъ звучными волнами;
Не увлекаетъ вдаль ихъ родственнѣйшій напѣвъ,
И на мечты пѣвца не отзовусь мечтами...

Не чую струй живыхъ въ душевной глубинѣ:
Оледенили ихъ болѣзнь, тоска и годы.
Какъ буква мертвая — и книга жизни мнѣ,
И книга чудная таинственной природы.

Я пережилъ себя: развалинъ рядъ за мной.
Во мнѣ страдать одна способность уцѣлѣла,
И полумертвый жду, чтобъ хладною рукой
Смерть разрушительный свой трудъ запечатлѣла.

DLXXXVII.

Совсѣмъ я выбился изъ мочи!
Бессонница томить меня,
И дни мои чернѣе ночи,
И ночь моя бѣлѣе дня.

Днемъ жизни шумъ надоѣдаетъ,
А въ одиночествѣ ночей
Во мнѣ досаду возбуждаетъ
Сонъ и природы, и людей.

Ночь вызываетъ злыя мысли,
Чувствъ одичалость, горечь думъ:
Не перечислишь, какъ ни числи,
Все, что взбредетъ въ мятежный умъ.

Ночь злой наушникъ, злобный Яго,
Цѣдитъ онъ въ душу ядъ тайкомъ.
Вы говорите: жизнь есть благо,
Что жь послѣ назовете зломъ?

DLXXXVIII.

Tout m'afflige et me nuit et conspire à me nuire.

Racine.

Все въ скорбь мнѣ и во вредъ. Все въ общемъ заговорѣ
Мнѣ силится вредить и нанести мнѣ горе.
Сдается, что судьбой я отданъ съ давнихъ поръ
Ея чиновникамъ подъ мелочной надзоръ,
Что каждому изъ нихъ особымъ порученьемъ
Дано за мной слѣдить и съ злобнымъ ухищреньемъ,
Чего бъ ни пожелалъ, что дѣлать ни начну,
Все мнѣ въ бѣду зачестъ, иль ставить мнѣ въ вину.
Отъ сихъ лазутчиковъ усердныхъ и прилежныхъ,
Невидимыхъ всегда и всюду неизбежныхъ,
Укрыться не могу: ихъ тяжкая рука,
То явно, то въ тиши таясь, исподтишка,
Царапиной, щелчкомъ или ударомъ грома —
Мнѣ чуется во всемъ и на людяхъ, и дома,
Гдѣ съ глазу на глазъ я съ собой назаперти
Хотѣлъ бы въ самого себя отъ нихъ уйти.
Иль я игрокъ плохой, иль жизнь игра плохая:
Но все я въ дуракахъ, въ накладъ себѣ играя,
То въ картахъ синглетонъ, то на бильярдѣ киксъ.
Такъ къ лучшему идетъ все въ лучшемъ нашемъ мѣрѣ,
Гдѣ для меня успѣхъ — все неизвѣстный *x*,
А неудача сплошь — какъ дважды два четыре.

DLXXXIX.

„Зачѣмъ вы, дни?“ сказалъ поэтъ ¹⁾.
А я спрошу: „Зачѣмъ вы, ночи?“
Зачѣмъ вашъ мракъ сгоняетъ свѣтъ
И занавѣшиваетъ очи?

И такъ жизнь наша коротка,
И время годы быстро коситъ,
А сонъ изъ этого влочка
Едва ль не треть еще уносить.

Счастливцу — сонъ? Онъ у него
Часы блаженства похищаетъ,
А налету и безъ того,
Онъ ихъ такъ мало насчитаетъ.

Счастливцу сонъ — разрывъ со всѣмъ,
Чѣмъ сердце радостью дышало:
Какъ мертвый, слѣпъ онъ, глухъ и нѣмъ,
Души, какъ будто, не бывало.

Смерть называютъ вѣчнымъ сномъ,
А въ здѣшнемъ временно мертвѣемъ.
Зачѣмъ намъ спать? Когда потомъ
Мы вдоволь выспаться успѣемъ.

---

¹⁾ Баратынскій.

Когда бъ я съ счастьемъ былъ знакомъ,
О, какъ бы соиъ я ненавидѣлъ!
На владъ мой, на святыню въ немъ
Я посягателя бы видѣлъ.

Страдальцу сонъ же не съ руки,
Средь тяжкихъ думъ, средь грозныхъ мраковъ,
На одръ недуга и тоски
Не сыплетъ онъ прохладныхъ маковъ.

Весь мутный илъ, вторымъ дни
Заволокли родникъ душевной,
Изъ благъ, обломки ихъ одни,
Разбитые волною гнѣвной,

Всплываетъ все со дна души
Въ тоскѣ бессонницы печальной,
Когда въ таинственной тиши,
Какъ будто отзвѣвъ погребальной,

Несется съ башни бой часовъ;
И мнѣ въ тревогу и смущенье
Шумъ собственныхъ моихъ шаговъ,
И сердца каждое бѣенье...

Умъ весь въ огнѣ; безъ сна горять
Неосвѣжаемая очи,
Злость и тоска меня томятъ...
И вопію: зачѣмъ вы, ночи?

ДХО.

Въ насъ внутренно идетъ война,
Война вражды междоусобной:
Жизнь и дѣйствительностью злобной,
И злобнымъ призракомъ страшна.

Зло осаждаеть жизнь кругомъ:
А смертный одаренъ искусствомъ,
Вдобавокъ — потаеннымъ чувствомъ
Быть собственнымъ своимъ врагомъ.

Къ тому, что есть, умѣемъ мы
Придумать вредъ еще сторицной,
И если нѣтъ бѣды наличной,
Спѣшимъ бѣду схватить займы.

Бѣда и счастье—все слова:
Прямой ихъ смыслъ не въ лексиконѣ:
Ищи его въ душевномъ лонѣ,
Гдѣ буква мертвая жива.

Успѣхъ твой былъ бы мнѣ въ накладъ:
Что горечь мнѣ—другому сладость,
Что скорбь инымъ—другимъ на радость,
И что мнѣ владъ—другому владъ.

Сонъ счастья есть условный знакъ,
И каждому онъ снится разнo,
Но на яву однообразно
Страданье общій всѣмъ законъ.

DXCI.

Я не умѣлъ постигнуть жизни смысла,
Ни ей, ни силамъ я своимъ не зналъ цѣны.
Дѣла и дни мои—разбросанныя числа,
Которыя въ итогъ не сведены.

Все смѣшано: приходъ, расходъ и смѣты:
Богатымъ ли рожденъ или бѣднымъ—Богъ вѣсть!
Пожалуй, роскоши найдешь во мнѣ примѣты,
Но нищеты примѣты также есть.

ДХСІІ

ЗАМѢТКИ.

1.

Одному изъ многихъ.

Напрасно мыслишь ты, прекрасный либераль,
Что отъ толпы впередъ далеко ты удраль,
Что ты опередилъ свой вѣкъ столѣтьемъ цѣлымъ,
Что разумомъ своимъ, все свѣдущимъ и смѣлымъ,
Порядка новаго предтеча и пророкъ,
Народамъ и царямъ преподаешь урокъ.
Не вѣренъ твой расчетъ, и ложь въ твоей послылкѣ.
Ты не впередъ ушелъ: съ глазами на затылкѣ,
Ты за-семьдесятъ лѣтъ перескочилъ назадъ.
Стара и рѣчь твоя, и старъ твой весь нарядъ,
И съ новизной своей ты только-что заплатя
Въ кровавомъ рубищѣ Дантона и Марата.

2.

О нашихъ нигилистахъ.

(Avec circonstances atténuantes).

Грѣхъ ихъ преслѣдовать упрекомъ или свистомъ.
На нѣтъ — нѣтъ и суда: плодъ дастъ ли нустоцвѣтъ?
Ума въ нихъ нѣтъ, души въ нихъ нѣтъ,
Тутъ по неволѣ будешь нигилистомъ.

3.

ФРАНЦУЗСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

(Sans circonstances atténuantes).

Французамъ-кривунамъ молчанье хуже пытки:
 Имъ дома велѣно чиннехонько сидѣть,
 На привязи держать языкъ свой, слишкомъ прыткій,
 И къ старшимъ должное почтеніе имѣть.

Ихъ дядьва разгадалъ и вышколилъ ихъ толкомъ;
 И школьники, предъ нимъ съ испуга присмирѣвъ,
 Съ досадою на душѣ, глотають тихомолкомъ
 Свой обезьянскій смѣхъ и дикій львиный ревъ.

Но иногда, чтобъ ихъ потѣшить хоть немножко,
 Имъ разрѣшается, съ горячкой прежнихъ лѣтъ,
 Ругаться и кричать на улицу въ окошко, —
 И ужъ тогда чужимъ проходимъ спуску нѣтъ.

Всю злость и весь задоръ, что накопили дома,
 Имъ любо выкинуть и желчи волю дать:
 Заносчивая брань издавна имъ знакома,
 И старый ихъ букварь опять идетъ въ печать.

Журнальные врали въ своей казенной школѣ
 По даннымъ прописямъ даютъ размѣръ перу:
 Но дома трезвые, постыся по неволѣ,
 Ужасно пьянствуютъ они въ чужомъ пиру.

Теперь они ордой на насъ возстали дружно.
 Имъ вѣрить — пробудилъ въ нихъ жалость Польши стонъ;
 Нѣтъ, власть законную поколебать имъ нужно:
 Имъ нравится мятежъ, какой бы ни былъ онъ.

Средь бѣшенства страстей бѣснуются ихъ перья.
 Ни Польшей, ни дѣтьми ея не дорожа,

Играютъ жертвами слѣпного легковѣрья,
И лакомы они до крови мятежа.

Имъ весело, таясь подъ безопаснымъ кровомъ,
Вести дневникъ убійствъ, пожаровъ, грабежей
И раздражительнымъ, и ядовитымъ словомъ
Растравливать вражду двухъ родственныхъ семей.

Въ невѣжествѣ, своемъ преданій ихъ не зная,
Толкуютъ веривъ и вкось смыслъ древней ихъ борьбы,
И Промысла пути въ минувшемъ исправляя,
Кроятъ по своему народныя судьбы.

Чѣмъ баснь безсовѣстнѣй, чѣмъ клевета нелѣпнѣй,
Чѣмъ больше гнусной лжи въ доносахъ, тѣмъ вѣрнѣй,
Тѣмъ лучше имъ пріемъ въ журнальномъ ихъ вертепѣ,
Въ бумажной фабрикѣ поддѣланныхъ вѣстей.

Краснѣешь за печать, за гласность, за журналы;
Призванье ихъ — людей смирать и просвѣщать;
Но вы, ханжи любви, а въ дѣлѣ зла нахалы,
Вы опозорили и гласность, и печать.

Орудье мирныхъ благъ, страстямъ своимъ въ угоду,
Преобратили вы въ губительный снарядъ:
Въ честь, въ добросовѣстность и въ самую свободу
Онъ мечетъ пламень свой и свой тлетворный ядъ...

Не власти, не цари, не строгіе законы
Умовъ развитію враждебны въ наши дни,
И на пути побѣдъ гражданственныхъ препоны
Насильственной рукой воздвигли не они.

Нѣтъ! вы одни — враги свободы и народа,
Вы лжеучители съ программой лживыхъ благъ:
Кровавымъ пугаломъ возставшая свобода,
Мятежъ — союзникъ вашъ, единственный рычагъ,

Которымъ двигать вы умѣете толпою,
 Насильство и обманъ, гдѣ мало грубыхъ силъ,
 И подстрекаемый корыстью и алчбою
 Разнузданныхъ страстей неутомимый пылъ.

Вотъ чѣмъ беретесь вы создать порядокъ новый,
 Въ народахъ водворить и братство, и любовь,
 Сорвать съ прозрѣвшихъ глазъ ихъ темные покровы
 И вѣкомъ золотымъ утѣшить землю вновь.

Прелестный этотъ вѣкъ и ваше Эльдорадо!
 Въ пастушеской любви, предавшись снамъ своимъ,
 Въ своей Аркадіи свое стрежете стадо,
 Чтобъ послѣ на пиру полакомиться имъ.

4.

Въ скотахъ и въ насъ, твердишь, способности однѣ.
 Не спорю я съ тобой; но подражая знати,
 Множественнымъ числомъ честишь себя нектати:
 Скромнѣй и правильнѣй сказалъ бы ты во мнѣ.

5.

Въ нашъ вѣкъ патріотизмъ хитеръ на проявленье.
 Тамъ подчинилъ себѣ онъ моды производъ
 И новый комитетъ народнаго спасенья
 Въ наряды черные одѣлъ весь женскій полъ,—

Здѣсь лозунгъ есть другой, и при народномъ кличѣ,
 Оставляя въ сторонѣ журналъ портныхъ и модъ,
 Патріотизмъ велитъ не открывать Фениче
 И бомбами пускать въ гуляющій народъ.

6.

Пора пересмотрѣть всѣ наши словари.
 Осталась внѣшность словъ все та же; но внутри

Значенье ихъ прошло мытарствомъ измѣненій.
Что прежде звали: плуть, теперь читайте: геній,
Что звали чернымъ мы, мы бѣлымъ признаемъ.
Тасуя масти словъ и душу ихъ вверхъ дномъ,
Что прежде звали мы насильствомъ въ черствой прозѣ,
Теперь, благодаря тѣхъ словъ метампсихозѣ,
Есть полюбовныхъ чувствъ и сдѣловъ договоръ.
И много словъ такихъ! Вотъ, напримѣръ, съ тѣхъ поръ,
Что невмѣшательство—правительство лозунгъ модный—
Торжественно вошло въ законъ международный,
По старымъ словарямъ поймешь не безъ труда:
Вмѣшательство во все, повсюду и всегда,
Съ которымъ многіе, гдѣ вовсе нѣтъ и слѣду,
Идутъ къ сосѣду въ домъ и даже не къ сосѣду
Хозяйничать, все съ тѣмъ, что, ближняго любя,
Никто не долженъ быть хозяинъ у себя.
Но тамъ, гдѣ лексиконъ, не двигаясь, коснѣеть,
Политика свою лингвистику имѣеть;
И хитрый грамотей, играющій въ слова,
По свѣдѣму даетъ и толкъ имъ, и права.
Такъ видимъ въ наши дни, что силой обстоятельствъ
Вмѣшательствъ множество и столько жъ замѣшательствъ.

ДХСШ.

ОПРАВДАНИЕ.

Вы спросите меня: кабая мнѣ охота,
Усердною рукой смѣшного стихоплета
Играл приемами, какъ будто въ меледу,
Съ раздумьемъ общимъ быть такъ рѣзко не въ ладу?
Теперь не до стиховъ, до пѣсней, до идиллій.
Нѣтъ, дѣло ждетъ другихъ заботъ, другихъ усилій.
Когда подъ тучами собирается гроза,
И все, что слышится и колетъ намъ глаза,
Такъ возмутительно, насильственно и грустно;
Когда ложь наглая и письменно, и устно
Насъ травить клеветой вездѣ и вѣжды часъ,
И свору злыхъ страстей навликала на насъ,
Дипломатической насъ окруживъ облавой:
Тутъ время ль тѣшиться ребяческой забавой?
На строгій вашъ вопросъ, похожій на упрекъ,
Скажу вамъ напрямикъ: я — русскій человекъ.
Когда не сломить онъ бѣды, съ судьбою спора,
Онъ, выбившись изъ силъ, зашьетъ, бѣдняжка, съ горя,
Чтобъ грусть свою топить въ забвеньи и винѣ.
Запоемъ приемъ пришлось упиться такъ и мнѣ,
Съ попыткой потопить въ хмельныхъ своихъ чернилахъ
Печаль, которую я отвратить не въ силахъ.

Укора камнемъ вамъ швырнуть въ меня грѣшно.
 У каждаго свое сподручное вино,
 Которымъ онъ себя куражить въ горѣ. Каждый
 Имѣетъ свой червякъ какой-нибудь до жажды.
 Что жь дѣлать? Сознаюсь, что жаждою стиховъ
 Вторымъ изданьемъ я—покойный графъ Хвостовъ.
 Вы судите меня: нѣтъ, лучше пожалѣйте.
 Великій Фридрихъ самъ, и тотъ игралъ на флейтѣ,
 Чтобъ развлекать свою державную хандру.
 Хоть я и не великъ, примѣръ съ него беру.
 Мнѣ также нужно желчь и скорбь свою разсѣять:
 Забывшись, нужно мнѣ на вѣтеръ риѣмы сѣять,
 Хотя извѣстно мнѣ, что съ этого труда
 Не будетъ ни цвѣтовъ, ни сладкаго плода.

Указанный мнѣ путь я измѣнить не воленъ,
 Я европейскими повѣтріями боленъ,
 Я ими до души проникнуть, до костей.
 Я боленъ отъ газетъ, депешъ, рѣчей, статей,
 Отъ этой гнусной лжи, какъ хляби при потопѣ,
 Залившей здравый смыслъ и совѣсти въ Европѣ.
 И сыщется ль, иль нѣтъ, спасительный ковчегъ,
 Чтобъ истину сберечь и высадить на брегъ?
 Предвидѣть мудрено при общемъ катаклизмѣ.
 И стовъ всей этой лжи—въ парижскомъ журнализмѣ.

Всѣхъ пуще я взбѣшенъ Журналомъ де деба:
 Въ немъ съ жалкой трусостью надменности борьба.
 Двуличный либераль съ улыбкой сладко-кислой,
 Смиреникъ у себя и злой крикунъ надъ Вислой,
 Кудряво расцвѣтивъ увертливую рѣчь,
 Не прочь Европу онъ изъ края въ край зажечь,
 Чтобъ грѣясь предъ огнемъ, въ приличномъ разстояннѣ,
 Народамъ толковать объ ихъ преуспѣяннѣ.
 Читать терпѣннѣя нѣтъ, тоска и злость беретъ;
 А не читать нѣтъ силъ: на пытку такъ и претъ.

Туть чувствуешь себя предъ злобой безоружнымъ,
Здоровья не придать безвыходно недужнымъ,
Не выпрямишь того, въ комъ совѣсть на боку:
Ихватишь чарку риемъ, чтобъ заморить тоску.

DXCIV.

ФОТОГРАФІЯ ВЕНЕЦІИ.

Князю Павлу Петровичу Вяземскому.

Луна взошла, и чуднымъ блескомъ
Осеребрилась ночи мгла:
Чуть зыблется вода подъ плескомъ
Легко скользящаго весла,
Какъ тучка, молча, тѣнью черной,
Перебѣгаетъ синій сводъ,
Нѣмая гондола проворно
Скользитъ по лону свѣтлыхъ водъ.

Кругомъ волшебныя картины
И баснословный міръ чудесъ:
Изъ лона зервальной пучины,
Подъ синей крышею небесъ,
Встаютъ изящныя громады,
Искусства смѣлаго труды;
И поражаетъ мысль и взгляды
Сей міръ, возникшій изъ воды.

Въ объемѣ чудной панорамы
Земли не видно: все вода.

Пловучіе дворцы и храмы,
Какъ бы на якорѣ суда,
Какъ будто ждуть, чтобъ вѣтръ попутной
Расшевелилъ ихъ паруса!
Глядитъ задумчиво и смутно
Дворцовъ маститая краса!

На ихъ стѣнахъ столѣтій почеркъ,
Но нѣтъ ихъ прелестямъ цѣны,
Когда рисуется ихъ очеркъ
Подъ бѣлымъ заревомъ луны.
Рѣзецъ твердынямъ этимъ мрачнымъ
Даль мягкость, выпуклость и грань,
И словно кружевомъ прозрачнымъ
Сквозитъ ихъ каменная ткань.

Какъ все таинственно, какъ странно,
Въ семь царствѣ дивной красоты:
На все ложится постоянно
Тѣнь поэтической мечты,
И жадно выжидаютъ очи,
Что жизнью облекутся сны,
Что выступятъ изъ мрака ночи
Дѣла и лица старины.

Тамъ выдается островъ темный
Въ громадной стройности своей,
Красуясь, чашею огромной,
На синей скатерти зыбей.
За нимъ, пустыню оживляя,
Чернѣетъ сквозь ночной покровъ
Въ просторѣ волнъ, купаясь, стая
Другихъ роскошныхъ острововъ.

Вотъ разноцвѣтными огнями
Ходъ гондолы вдали блеснулъ,

И сладкозвучными волнами
 По воздуху несется гуль.
 Поют родныя баркаролы
 Народныхъ думъ языкъ живой;
 Напѣвъ то грустный, то веселый —
 Смѣхъ звонкій пополамъ съ тоской.

Слетѣлись гондолы на Фреско,
 Стоять внимательно кругомъ,
 Во тьмѣ обозначаясь рѣзко
 Потѣшнымъ, праздничнымъ огнемъ.
 Мостъ ди рѣяльто звучной аркой
 Эскадру гондолъ приютилъ,
 И пѣсней кликъ, и пламень яркой
 Мравъ огласилъ и освѣтилъ.

Любуясь роскошью ночью,
 Блескъ двухъ картинъ собравъ въ одну,
 Припоминали мы съ тобою
 Другія ночи и луну,
 И дальній берегъ на чужбинѣ,
 Гдѣ также блещутъ небеса,
 И море — пеленою синей.

Тамъ кипарисныя лѣса,
 Тамъ льется розъ благоуханье
 Съ воздушной, теплою струей;
 Тамъ нѣга, тамъ очарованье
 Такъ полновластны надъ душой;
 Тамъ подъ охраною столѣтій
 Созданья зодческихъ затѣй,
 И минареты, и мечети
 Плѣняютъ странностью своей!

Такъ настоящимъ наслажденье
 И память чувства о быломъ

Въ одно сливались упоенье
Своимъ таинственнымъ сродствомъ.
И мы ночей восточныхъ съ южной
Рѣшали любовно споръ,
Привѣтствуя хвалою дружной
Адріатическій Босфоръ.

DXCV.

ВЕНЕЦІЯ.

Ни движенья нѣтъ, ни шуму
Въ этомъ царствѣ тишины;
Поэтическую думу
Здѣсь дѣлѣять жизни сны.

Дни и ночи беззаботны,
И прозрачны ночь и день!
Все — какъ призракъ мимолетный,
Молча все скользитъ, какъ тѣнь.

Но въ роскошной нѣгѣ юга
Всюду чуюсь скрытый гнѣвъ;
И сердито другъ на друга
Дуются орелъ и левъ.

Не дошло еще до драки;
Тишина передъ грозой:
Но по небу ходятъ мраки
Надъ напуганной землей.

DXCVI.

Къ лагунамъ, какъ frutti di mare,
Я вѣрно и сонно приросъ.
Что было — съ днемъ каждымъ все старѣй,
Что будетъ? Мнѣ чуждъ сей вопросъ.

Сегодня второе изданье
Того, что прочелъ я вчера:
А завтра? Напрасно гаданье!
Еще доживу ль до утра?

А если дожить и придется,
Не сыщется новая цѣль:
По прежнему мнѣ придется
Все ту же тянуть ванитель.

Спросите улитку: чего бы
Она пожелала себѣ?
Страстями любви или злобы
Горить ли, томится ль въ борьбѣ?

Знакома ль ей грусть сожалѣній?
Надежда — сей призракъ въ тѣни?
И мучить ли жажда сомнѣній
Ея равнодушные дни?

И если вашъ розыскъ подмѣтитъ
Въ ней признакъ и смыслъ бытія,
И если улитка отвѣтитъ,—
Быть можетъ, отвѣтъ дамъ и я.

DXCVII.

На Canal grande леди, миссы
Слетѣлись, будго саранча;
Подъ шляпкой образъ бѣлобрысый,
А шляпка словно балапча.

Плывуть; въ рукѣ ихъ книга, очи
Прикованы въ ея листкамъ,
Читають всѣ изо всей мочи —
И не глядятъ по сторонамъ.

Дворцы и храмы идутъ мимо,
И берега, и острова —
Окаменѣвъ невозмутимо,
Не обернется голова.

Пытливый умъ ихъ любознатель,
Но не того, что есть: милѣй
Имъ знать, что скажетъ указатель,
И подтвердить имъ лонлакей.

Придутъ ли въ статуѣ, къ картинѣ, —
Сейчасъ разспросъ у нихъ готовъ:
А сколько футовъ въ той холстинѣ?
А сколько въ мраморѣ пудовъ?

DXCVIII.

ИЗЪ ФОТОГРАФІИ ВЕНЕЦІИ.

Прелестенъ видъ, когда, при замираньи дня,
Чудесной краскою картину отгѣня,
Все дымкой розовой одѣнетъ парь прозрачный
Громадныхъ зданій рядъ величественно-мрачный,
Лагуны, острова и высь Евгейскихъ горъ,
Которыхъ снѣговый, серебряный узоръ
Сіяетъ вдалекѣ на темномъ небосклонѣ.
Все призрачно глядитъ: и зыбь на влажномъ лонѣ,
Какъ марево глазамъ обманутымъ пловцовъ,
И городъ мраморный вдоль сжатыхъ береговъ,
И Невскій сей проспектъ, иначе Каналь-гранде,
Съ дворцами, перлами на голубой гирляндѣ,
Которая легко, съ небрежностью струясь,
Вкругъ стана стройнаго царицы обвилась.
Міръ фантастическій, причудливый, прелестный!
Кому твои мечты и тайнства извѣстны,
Кто могъ уразумѣть ихъ сладостный языкъ,
Кто чувствомъ въ этотъ міръ загадочный проникъ,
О, тотъ поэзіи сокровища извѣдалъ,
И если чувствъ своихъ созвучно онъ не предалъ,
И въ томъ, что скажетъ онъ, имъ отголоска нѣтъ,
То все жь въ душѣ своей онъ былъ и есть поэтъ.

ДХОІХ.

ПО МОСТУ, МОСТУ.

Народная пѣсня.

Здѣсь нашу пѣсенку неволью
Припомнишь: по мосту, мосту.
Мостовъ раскинулось довольно
Въ длину, и въ ширь, и въ высоту.

На зло ногамъ, на зло колѣнямъ,
Куда, пожалуй, не ходи,
Все лазишь по крутымъ ступенямъ,
А мостъ все видишь впереди.

Иной изъ нихъ глядитъ картинно:
Изящность въ немъ и легкость есть,
Но не легко въ прогулкѣ длинной
Лѣзть, а спустившись снова лѣзть.

Туть на плечахъ бабъ будто гири,
Въ суставахъ чувствуешь свинецъ,
И каждый мостъ—мостъ *dei sospirî*
И мостъ одышки, наконецъ.

ДС.

НИКОЛАЮ АРКАДЬЕВИЧУ КОЧУБЕЮ.

Венеція прелесть, но солнце ей нужно,
Но нуженъ вѣнецъ ей алмазовъ и злата,
Чтобъ все, что въ ней мило, чтобъ все, что такъ южно,
Горѣло во блескѣ безъ тучъ и заката.

Но звѣзды и мѣсяцъ волшебницѣ нужны,
Чтобъ въ сумракѣ свѣтломъ, чтобъ ночью прозрачной
Серебряный поясъ, нашейникъ жемчужный
Сіяли убранствомъ красы новобрачной.

А въ будничномъ платьѣ подъ сѣрымъ туманомъ,
Подъ плачущимъ небомъ, въ тоскѣ дожденосной,
Не дѣйствуетъ прелесть своимъ талисманомъ,
И смотритъ царица старухой несносной.

Не знаешь, что дѣлать въ безвыходномъ горѣ.
Тамъ тучи, здѣсь волны угрюмыя бродятъ,
И мокрое небо, и мутное море
На мысль и на чувство унынье наводятъ.

Подъ этимъ уныньемъ съ зѣвотой сердечной,
Другимъ Робинсономъ въ лагунной темницѣ,

Сидишь съ глазу на глазъ ты съ Пятницей вѣчной,
И тошныхъ семь пятницъ сочтешь на седмицѣ.

Тутъ вспомнишь, что мѣтко сказалъ Завадовскій,
До прозы понизивъ морскую красоту:

„Здѣсь жить невозможно, здѣсь городъ таковскій,
„Чтобъ въ лавочку сбѣгать, — садися ты въ лодку“.

DCI.

NOTTURNO.

ПРИНЦЕССЪ КЛАРИ, УРОЖДЕННОЙ ГРАФИНЬ ФИЕЛЬМОНЪ.

Тихо шепчетъ ночь укравдой
Тайны темныя свои,
Внемлять ей въ дремотѣ сладкой
Берегъ, воздухъ и струи.
Повторяетъ этотъ шопоть,
Проникающій въ сердца,
И прибрежной зыби ропоть
Подъ ступенями крыльца

И чуть слышный, мимолетный
Вѣтерокъ, какъ легкій сонъ,
Гость таинственный, безплотный
Изъ заоблачныхъ сторонъ.
И, подобныя алмазамъ
Въ голубой парчѣ небесъ,
Звѣзды внемлютъ тѣмъ разсказамъ,
Полнымъ таинствъ и чудесъ.

И дворцы, насупясь важно,
Старикъ подъ сѣдиной,

Пережившіе отважно
Съ временемъ упорный бой,
Величаво и угрюмо
Подъ давленьемъ вѣковымъ
Слушаютъ ночью думой
Быль, рассказанную имъ.

И младая догаресса,
Свѣтлый образъ прежнихъ дней,
Подъ защитою навѣса
Черной гондолы своей,
Молча ловить шопоть стройный
Ночи нѣги и мечты,
Ночи яркой и сповойной,
Какъ царица красоты.

DCII.

Изъ Венеціи въ Ливадію
Переходитъ мысль моя,
Въ Черноморскую Аркадію,
Гдѣ роскошная земля
Дышетъ нѣгой ароматною,
Гдѣ цвѣты, деревьевъ тѣнь,
Все щедротой благодатною
Украшаетъ свѣтлый день.

Небо темно-бирюзовое,
Море — тѣ же небеса,
Море, зрѣлище все новое,
Ненаглядная краса,
Ясной стелется равниною,
Тихо радуя глаза;
Иль, озлясь, — его пучиною
Диво тѣшится гроза!

Солнце благость лучезарную
Съ каждымъ днемъ даруетъ вновь
И на землю благодарную
Льетъ обилье и любовь.
Скалы, пирамиды чудныя,
Рувъ таинственныхъ труды,

И янтарно-изумрудные
Виноградные сады,

Сторона обѣтованная,
Тихій берегъ, уголокъ,
Гдѣ весна благоуханная
Неизмѣнныхъ розъ вѣнокъ,
Вѣчно праздная дни младости,
Не снимаетъ съ головы,
Блескъ небесъ, земныя радости,
Мнѣ заочно зримы вы.

Часто съ жизнью обыденною
Разорвавъ привычекъ связь
И мечтою окрыленною
Отъ ихъ гнета отрѣшась,
Красоты Адриатической
Я не вижу предъ собой
И Тавриды поэтической
Воздухъ вѣтъ надо мной;

И подъ сладкимъ обаяніемъ
Жизнью тайною живу:
Что искалъ воспоминаніемъ,
То встрѣчаю на яву:
Тихой прелестью сочувственной
Озаренныя черты,
Отблескъ вѣрный безыскусственной
Задушевною чистоты.

Въ сердцѣ — свѣжесть жизни утренней
Мыслью зрѣлый умъ развить:
Мало словъ, но пѣсню внутренней
Слово каждое звучить.
Подъ наружностью холодною —
Чистый пламенный добра;

Простота — съ душой свободною
Предъ соблазнами двора.

Все, что нравственно, — властительно
На верховной высотѣ,
Все, что женственно, — плѣнительно
Въ красотѣ и добротѣ.

Здѣсь подъ встрѣчей благодатною
Жизнь и голосъ обрѣли
Съ пѣснью сердца, сердцу властною,
Пѣсни моря и земли.

1864 г.

ДСІІІ.

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ.

Вотъ и крещенскіе морозы!
Точь-въ-точь на невскомъ берегу:
Мететь метелица на Пьяцѣ,
Какъ на Царицыномъ лугу.

Бушуетъ по лагунамъ вьюга,
Несется дикій вой и ревъ:
И на столбѣ продрогъ съ испуга
И холода крылатый левъ.

Взъерошилъ шерсть ему и гриву
Курчавый и мохнатый снѣгъ:
И южный царь глядитъ сердито
На этотъ сѣверный набѣгъ.

Чутьемъ онъ сѣвера не любить
И крѣпко знаетъ почему:
Какъ Пушкинъ нашъ, сказать онъ можетъ,
Что сѣверъ вреденъ и ему.

Казалось, такъ еще недавно
Цвѣла царица красотой
Изнѣженной и своенравной
И лучезарно-молодой!

Теперь подъ снѣжнымъ покрываломъ
Сѣдой старикъ не узнаетъ
Своей Венеціи прекрасной
И ледяныя слезы льетъ.

Внимая непогоды шуму
И глядя на метель кругомъ,
Онъ въ тяжкую впадаетъ думу
О настоящемъ и быломъ.

Измѣны счастья и моря
Пришлось извѣдать старику,
И много бѣдъ, вражды и горя
Онъ вынесъ на своемъ вѣку.

Какъ сонъ прошли вѣка побѣды,
Все проглотилъ потокъ времени,
И гдѣ торжествовали дѣды,
Тамъ внуковъ ждалъ печальный плѣнъ.

Предъ нимъ, вождемъ, архистратигомъ
Имъ возвеличенной страны,
Теперь скорбятъ подъ чуждымъ игомъ
Ея опальные сыны.

Все измѣнило: власть и слава,
Трезубецъ вырвался изъ рукъ,
Съ свободой рушилась держава,
И даже имя—тщетный звукъ.

Но солнце прежнее пылало
И, вѣрность къ падшему храня,
Его средь скорби утѣшало
Сіяньемъ праздничнаго дня.

Ему и небо улыбалось,
Дышалъ и воздухъ теплотой,

И море синее ласкалось
Къ нему привѣтливой волной.

Онъ могъ, любуясь красотою
Небесъ и зеркальныхъ зыбей,
Предаться нѣгѣ и повою
На лонѣ матери своей.

Уврадкой, въ сладостной дремотѣ,
Могъ скорбь и язвы забывать,
И въ безвозвратномъ ихъ полетѣ
Дней прежнихъ призвавъ вызывать.

Теперь и солнце измѣнило,
Все небо обложила тьма,
И ворвалась наглою силой
Къ нему суровая зима.

И мнится льву, подъ непогодой,
Что въ довершенью бѣдъ и золь,
Самъ сѣверъ съ дикою природой
Враждебно Альпы перешель.

МАРИИ МАКСИМИЛИАНОВНѢ, ПРИНЦЕССѢ БАДЕНСКОЙ.

Васъ, съ хладной полночи красавица младая,
По-русски встрѣтила Венеція и мы:
И теплыя сердца, и стужа намъ родная,
И снѣгъ родной, фата прабабушки зимы.

Санъ-Марко съ площадью подъ инеемъ и снѣгомъ
Вамъ древней красотой напомнилъ о Москвѣ,
А гондола, скользя межъ льдинъ поспѣшнымъ бѣгомъ,
Какъ въ санкахъ на рысяхъ каталась по Невѣ.

Мѣняясь звуками и складомъ русской рѣчи,
Вы дни минувшіе одушевили вновь;
И все въ одинъ привѣтъ слилось для вашей встрѣчи:
И русская зима, и русская любовь.

DCV.

ПАМЯТИ

Графа Д. Н. Блудова.

Сопедши тихо по ступенямъ
Годовъ, отсчитанныхъ ему,
Онъ отошелъ въ любезнымъ тѣнямъ,
Роднымъ по сердцу и уму.

Онъ какъ залогъ и клятву свято
Хранилъ и помнилъ до сѣдинъ,
Что съ нимъ шли объ руку когда-то
Дашковъ, Жуковскій, Карамзинъ.

Въ листкахъ сердечныхъ былъ отмѣченъ
И Батюшковъ въ графѣ утратъ;
Былъ имъ оплаканъ, былъ имъ встрѣченъ
И Пушкинъ, всѣмъ имъ младшій братъ.

Онъ съ ними жилъ душой, сознаньемъ.
Когда жь пробилъ имъ смертный часъ,
Ихъ свѣтлыхъ лѣтъ онъ былъ преданьемъ,
Ихъ свѣтлыхъ лицъ лучемъ для насъ.

А нынѣ, по его закатѣ,
Потухъ и отблескъ милыхъ дней:

Утраты всѣ въ его утратѣ
Еще сказались намъ сильнѣй.

Въ немъ будто мы хоронимъ снова
Друзей своихъ, души любовь,
И безъ его живого слова
Ихъ голоса замолкли вновь.

Намъ дорогъ былъ онъ, старецъ милый,
И жизнью собственной своей,
И жизнями изъ-за могилы
Въ немъ оживающихъ друзей.

Отъ непогоды современной,
Отъ бурь житейскихъ, отъ тревогъ
Въ душѣ, прекраснымъ вдохновенной,
Себѣ онъ пристань уберегъ.

Въ ней, чуждый внѣшнему волненью,
Былъ неизмѣненъ человекъ
И мысли и добра служенью
Онъ въ ней жрецомъ себя обрекъ.

Прошелъ онъ съ честью путь свой дальный,
Позналъ онъ сладость чистыхъ благъ;
И свѣтель взглядъ его прощальный,
И вѣренъ былъ послѣднїй шагъ.

Безъ страха онъ, но съ грустью нѣжной,
Земной свой подвигъ прерывалъ:
Цвѣтами вечеръ безмятежной
Ему еще благоухалъ.

Въ немъ холодъ жизни не умѣрилъ
Святыхъ и юношескихъ силъ:
Во все прекрасное онъ вѣрилъ,
Онъ все прекрасное любилъ.

Россія! Ты земной святыней
Ему отъ дѣтскихъ лѣтъ была:
Сознанья долга въ гражданинѣ
И чистый пламень ты зажгла.

Тебя любилъ онъ, мать родную;
Твой грядущія судьбы,
Въ искусахъ доблесть вѣковую
И плодоносныя борьбы.

Въ родную ниву внесъ онъ сѣмя
И лепту бодрого труда, —
И не предасть забвенью время
Имъ проведеннаго слѣда.

Дни старца дѣятельны были
И полны будущимъ плодомъ:
Отъливнуты въ народной были
Любви поминки и о немъ.

Въ тиши домашняго досуга
Семейнымъ счастьемъ жизнь цвѣла;
Съ догадкой и заботой друга
Дочь нѣжно старца берегла.

Предусмотрительно и мило
Его любовью осѣня,
Она была его свѣтило
Въ часъ вечерѣющаго дня.

Еще сквозь сумрачныя тѣни
Жизнь улыбалася ему,
Съ запасомъ чистыхъ наслажденій
И пищи жадному уму.

Еще не вналъ онъ пресыщенья,
Любилъ онъ жизнь и жизни трудъ;

Но, вѣря въ благость Провидѣнья,
Ждалъ отъ него и мзду, и судъ.

Съ любовью, вѣрой, упованьемъ,
Для смерти въ жизни онъ созрѣлъ,
И ангель тихимъ лобызаньемъ
Уста его запечатлѣлъ.

DCVI.

ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦЬ.

Вамъ памятникъ всего Санъ-Марко стѣны,
Онъ всего вамъ родственникъ, милъ;
Святости ихъ земныхъ судебъ измѣны
Не трогаютъ въ превратности своей.

Народныхъ смуть, житейскихъ тревоженій
Здѣсь замираютъ бурный валъ и шумъ,
Душа полна глубокихъ впечатлѣній
И тишиной благочестивыхъ думъ;

Искусство здѣсь есть вѣры вдохновенье,
Парящее молитвой къ небесамъ,
Здѣсь съ Западомъ Востока примиренье;
И намъ не чуждъ сей иновѣрный храмъ.

Подъ сводами сей древней базилики,
Подъ свѣжею мерцающею тьмой,
Таинственно глядятъ святые лики,
И миротворенъ взглядъ ихъ неземной.

Здѣсь свѣтитъ тьма, здѣсь блескъ дневной темноты,
Забудешься, проникнувъ въ чудный мракъ,

И на душу роднымъ Кремлемъ повѣтъ,
И сотворишь по русски вѣстный знакъ.

И такъ и ждешь, что „Иже Херувимы“
Раздастся пѣснь на языкѣ родномъ —
Обниметь грудь восторгъ невыразимый,
И умилишься сердцемъ и умомъ.

DCVII.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Вы любите Венецію: она
Съ поэзіей своей васъ подружила;
Поэзія съ преданьемъ старожила
Здѣсь юности утраченной вѣрна.

Изъ бѣлыхъ розъ вѣнки она готовитъ,
Чтобъ убирать могилы старины;
Былыхъ временъ разсѣянные сны
Въ раздуміи съ улыбкой грустной ловить.

И въ нихъ она таинственно живетъ:
Но грусть ея плѣнительнѣй, чѣмъ радость;
Въ ней тихая загробной жизни младость,
Которая насъ въ царствѣ тѣней ждетъ.

Живется здѣсь безъ шума, безъ усилья:
Жизнь отъ земли уже отрѣшена;
Желаній нѣтъ, и память здѣсь одна,
Какъ ангелъ на гробу, имѣетъ крылья.

Но не впередъ летитъ крылатый сонъ:
Обратный путь мечтамъ здѣсь предназначенъ;

Чѣмъ глубже въ ночь, тѣмъ болѣе прозраченъ
И тѣмъ свѣтлѣй далекій небосклонъ.

Минувшаго и пристань, и святыня!
Какъ хороша ты въ тишинѣ своей!
Видѣньями и снами прежнихъ дней
Населена лазурная пустыня.

Прелестенъ здѣсь и лучезаренъ день,
Но что за ночь? Сѣвзная, голубая!
Венеція — красавица ночная,
И ей къ лицу таинственность и тѣнь.

Вы помните всю прелесть здѣшней ночи,
Душой не разъ ей предавались вы,
И въ чистый блескъ небесной синевы
Задумчиво впивались ваши очи.

Вы помните въ пространствѣ голубомъ
То мрачныя, то яркія лагуны,
И говоръ волнъ, какъ арфѣ воздушныхъ струны,
Чуть ропчущій подъ легкимъ вѣтеркомъ.

Вамъ памятли несущіяся мимо,
Подобно тѣнямъ, гондолы во тѣмѣ,
И гондольеръ, какъ призракъ на кормѣ,
Весломъ своимъ чуть слышимо, чуть зримо

Играющій поверхностью воды.
И вдругъ луна все вспрыснетъ, все освѣтитъ,
И сѣткою серебряной осѣтитъ
Тѣнь гондолы и тѣнь ея бразды.

Вамъ памятли и Пьяцца, и Пьяццетта
Съ ихъ обстановкой чудной красоты,
Обширныя, а все жь до тѣсноты
Кипящія народомъ въ ночи лѣта.

Ночной сей праздникъ шумный и живой
И тотъ же все, и все разнообразной
Вѣнчаетъ день лѣтний вѣгой праздной
Природы южной, милой и родной.

Вы помните Санъ-Жьоржіо Мажжьоре,
Въ разливѣ водъ купающійся храмъ:
Вдали тѣнь Байрона мечталась вамъ,
Тамъ, гдѣ въ зеленый Лидо плещетъ море.

Вамъ памятны Дукальнаго дворца
Молчаніе въ опалѣ величавой,
Живучія и прелестью, и славой
Созданія и кисти, и рѣзца.

Знакомы вамъ всѣ здѣшнія преданья,
Поэзія бессмертной старины;
Въ часы ночной и свѣтлой тишины
Слетались къ вамъ о ней воспоминанья.

Къ ихъ голосамъ прислушивались вы,
Имъ отвѣчали душою сердечной,
И въ вѣяныи минуты скоротечной
Вамъ слышался гласъ вѣковой молвы.

Здѣсь все живетъ своимъ минувшимъ чуднымъ,
Которое покоится въ вѣкахъ,
Какъ дожи снятъ на мраморныхъ одрахъ
Своихъ гробницъ спомъ также безиробуднымъ.

Но не безмолвенъ здѣсь и сонъ гробовъ.
Царица падшая, въ своемъ упадкѣ,
Венеція въ нетлѣнномъ отпечаткѣ
Еще хранитъ помазанье вѣковъ.

Но мнѣ ль, съ поэтами другими споря,
Мнѣ ль смѣть живописатьъ страну чудесъ,

Любимицу полуденныхъ небесъ,
Царицу, дочь, красу и перло моря?

Нѣтъ, чуждыхъ мнѣ не похищая правъ,
Не забываясь гордо, снимокъ бѣдный,
Съ живой картины отпечатокъ блѣдный,
Вамъ подношу, смиренный фотографъ.

Поэзія родникъ въ душѣ сокрытый,
Вашъ впечатлительный и свѣтлый умъ,
И свѣжесть чувствъ, и вдохновенья думъ,
Къ изящному любовью вкусъ развитый,

Все въ васъ придасть блескъ, душу, краску, рѣчь
Бездушному и хладному творенью,—
И вашему легко воображенью
Мой сколокъ въ жизнь и въ красоту облечь.

DCVШ.

Я было разлюбилъ красавицу свою,
На прелести ея смотрѣлъ я равнодушно,
И даже, передъ ней — безстыдства не таю —
Зѣвая, говорилъ: о, Господи, какъ скучно!

Напрасно въ очи ей смотрѣли небеса
И ноги ей волна морская омывала;
Напрасно, распустивъ густые волоса,
Златыя пряди ихъ въ волнахъ она купала;

Напрасно на ея задумчивомъ челѣ
Поэзіи звѣзда и отблескъ древней славы,
Залогъ ея побѣдъ въ моряхъ и на землѣ,
Сей царственный символъ величья и державы,

Сливались въ лучахъ бессмертнаго вѣнца,
Который выдержалъ враждебные удары
И времени, сего свирѣпаго бойца,
И злобу зависти, и роковыя кары.

Но не могла она утратить красоты,
Которой не было и нѣтъ нигдѣ подобной,
Плѣняющей глаза, чарующей мечты
Поэзіей живой, поэзіей загробной,

И тѣмъ, что есть еще, и тѣмъ, чего ужъ нѣтъ,
Но полно прелести въ самой своей утратѣ,
Какъ днѣ потухшаго послѣднѣй блескъ и цвѣтъ
Красуются еще на пурпурномъ закатѣ.

Напрасно! Былъ я слѣпъ и холоденъ, и строгъ
Къ ней, надъ моей душой когда-то полновластной:
Мнѣ вѣрилось едва, что нѣкогда я могъ
Платить ей давъ любви восторженной и страстной.

Но въ насъ измѣнчивы и чувства, и любовь:
Полюбишь горячо, и сердце вдругъ остынетъ;
А тутъ не знаешь самъ, какъ сердце вспыхнетъ вновь,
И сброшенную цѣпь любовь опять накинеть.

Такъ было и со мной: знакомая струя
По сердцу сонному случайно пробѣжала,
Сталь на красавицу заглядываться я,
Мнѣ память прежнюю любовь напоминала.

Любилъ на память я, любилъ я наизусть;
Но вскорѣ—дѣти мы и старые поэты—
Затенлилась во мнѣ таинственная грусть,
И нѣга, и мечты въ душѣ, любви примѣты.

И снова разрѣшенъ сердечный мой вопросъ,
Разгадкою простой, короткою и ясной:
Отступникъ, сердце я повинное принесъ
И снова палъ къ ногамъ волшебницы прекрасной.

DCIX.

SANTA ELENA.

Giardini publici въ виду Святой Елены
Напоминають намъ мірскихъ судебъ измѣны.
Когда Наполеонъ побѣдною рукой
Сей садъ завоевалъ у пропасти морской
И мирный по себѣ потомству слѣдъ оставилъ,
Который пережилъ все то, чѣмъ онъ прославилъ,
И кровью обагрилъ торжественный свой путь.
Когда въ немъ жаждою властолюбивой грудь
Горѣла и ничто ея не утоляло;
Счастливецъ, передъ кѣмъ все въ мірѣ трепетало,
Людьми и царствами игравшій дерзкій мотъ:
Предвидѣть могъ ли онъ, что на пустынь водъ
Его, изгнанника, другая ждетъ Елена,
Гдѣ онъ познаетъ скорбь и униженье плѣна?
Когда въ его саду его деревьевъ шумъ
Къ мечтамъ о дняхъ былыхъ склоплетъ сонный умъ
И островъ, для него зловѣщій, мнѣ представеть, —
Съ нимъ вмѣстѣ онъ и самъ, чудесный мужъ, восприветъ
Въ величїи своемъ и въ немощи своей,
Владыка гениемъ и рабъ своихъ страстей,
Герой и полубогъ великой эпохи,
Предъ кѣмъ блѣднѣть должны Ахиллы и Энеи!
Мнѣ грустно за него; какъ могъ и онъ упасть?
Любимцу Промыслъ далъ умѣніе и власть
На пользу и добро создать порядокъ новый

И зданью положить надежныя основы,
 Стихій общественныхъ уравнивъ бой, —
 А онъ развалины оставилъ за собой.
 Что нажилъ онъ мечомъ, мечомъ онъ тѣмъ же прожилъ:
 Народы раздражилъ, міръ бурями встревожилъ
 И вихремъ пламеннымъ, который вызвалъ онъ,
 Самъ на пустынную скалу былъ занесенъ!
 Царь, дважды изгнанный своимъ народомъ вѣрнымъ,
 Который, спохватясь, съ раскаяньемъ примѣрнымъ
 Забытый прахъ его на дальнемъ рубежѣ
 Въ отчизну перенесъ подъ пѣсни Беранже
 И, вновь воспламенясь въ вождю посмертной страстью,
 Тѣнь, имя, звукъ его облекъ державной властью!
 Да, пѣсней тѣхъ не будь, да, Беранже не пой,
 И вашъ Наполеонъ, отшедшій на покой,
 Остался бѣ на скалѣ и послѣ смерти узникъ;
 Не вспомнили бѣ о немъ ни маршалы, ни блузникъ.
 Но ловкой выходкой удачнаго пѣвца
 Французскіе умы, французскія сердца,
 Подъ обаяніемъ и магнетизмомъ пѣсни,
 Давно умершему сказали: „ты, воскресни!“
 И ожилъ ихъ мертвецъ, воскресъ Наполеонъ:
 Освистанный въ живыхъ, въ легендѣ выросъ онъ —
 Легенду смѣлую вновь плотью облѣпили
 И за сорокъ годовъ назадъ перескочили.

Правъ старый Депрео, хоть нынѣ брошенъ въ пыль:
 „Французъ, шутникъ въ душѣ, далъ міру водевилъ“.
 И впрямь. Вся была, весь блескъ, весь шумъ его на свѣтѣ —
 Трагическій припѣвъ въ комическомъ куплетѣ,
 Или въ трагическомъ — комическій конецъ.
 Сей милый трубадуръ, сей боевой пѣвецъ,
 Поющій въ свѣтлый день и въ мрачную годину,
 Все въ пѣсню предложилъ, и даже гильотину,
 Которую, остря едва ль не черезчуръ,
 Родилъ и расплодилъ все тотъ же балагуръ.

ДСХ.

БАЙРОНЪ

(дорогою).

„Сошла октябрска ночь на землю“
Державинъ.

Сошелъ на землю темный вечеръ
И мокрымъ мракомъ все покрылъ,
На тряскахъ возлахъ спить мой Флетчеръ
(Слугой Байрона Флетчеръ былъ).

Простите мнѣ, что риѣмы ради
Я будто въ Байроны прошусь:
Нѣтъ, помню заповѣдь: „не кради“
И въ плащъ его не завернусь.

Но если риѣма безтолкова
Насъ на Байрона навела,
Пусть въ немъ помянетъ наше слово
Давноминувшія дѣла.

Байронъ, иль Бейронъ, какъ угодно,
Пожалуй, Бйронъ иль Биронъ:
На нашемъ языкѣ свободно
У насъ иной перекрещень.

Мы говоримъ: „Парижъ“: спроси же
 О немъ французъ,—не пойметъ,
 Не хочетъ знать онъ о Парижѣ
 И слово варварскимъ сочтетъ.

Къ тому же пѣснопѣвецъ славный,
 Британскій бардъ, шотландскій лордъ,
 Въ припадкахъ желчи своею правдой
 Былъ раздражителенъ и гордъ,

Когда на родину онъ злился;
 Чтобъ, недостойной, ей отмстить,
 Онъ въ ямени своемъ грозился
 Правонаписанье измѣнить,

Себя отъ Англіи отчислить
 И на смѣхъ ей, и ей въ ущербъ
 Въ французскихъ хартіяхъ промыслить
 Свой родовой дипломъ и гербъ.

Онъ даже разъ въ порывѣ гнѣва
 Хотѣлъ Гарольда бросить въ печь
 И съ складомъ южнаго напѣва
 Себѣ усвоить Данта рѣчь.

Легко прослылъ бы онъ Бирони;
 И начали бь другимъ подъ стать
 И гондольеръ, и ладзарони
 Его октавы распѣвать.

Покройникъ былъ большой проказникъ,
 Причудамъ не было конца.
 Но что за шумъ былъ, что за праздникъ,
 Когда раздастся пѣснь пѣвца!

Ея заслушивались страстно,
 Съ ума сводилъ онъ цѣлый міръ,

Толпой игралъ онъ самовластно,
Ея и дѣспоть, и кумирь.

Нашъ вѣкъ, два поволенья наши
Имъ бредили. И старъ, и младъ
Пилъ изъ его волшебной чаши
Струею сладкій медъ и ядъ.

Всѣ, кто растрепанный, кто блѣдный,
Въ Корсары лѣзь; но море гдѣ?
И, за немѣнъемъ моря, бѣдный
Барахтался въ своемъ прудѣ.

Съ нимъ каждый былъ суровъ и хладенъ,
Тайственъ и непостижимъ,
Разочарованъ, безщаденъ,
И другъ людей, и нелюдимъ.

Борьба страстей и взоръ пылливый,
Чтобъ съ тайствъ всѣхъ покровъ совлечь,
И сердца вопль краснорѣчивый,
И саркастическая рѣчь.

Во всѣхъ романахъ и поэмахъ
Его клеймо носилъ герой.
Все пѣспь его на разныхъ темахъ,
Все тѣ же краски и покрой.

И Пушкинъ, въ юности грѣховной
Къ нему поддѣлавшись, хромалъ,
Пока, не сбросивъ гнетъ условной,
Самъ твердымъ шагомъ зашагалъ.

А чуднымъ пламенемъ кпѣли
Тѣ незабвенные года!
Любили, вѣровали, пѣли
Жрецы прекраснаго труда;

Мечтой возвышенною жили
И, отрѣшась отъ узъ земныхъ,
Предъ чистымъ алтаремъ служили,
И чисты были жертвы ихъ.

Самонадѣянно, незрѣло
Рвалась, быть можетъ, молодежь,
Но сердце въ ней добромъ горѣло,
Прочь отжена корысть и ложь.

Все свѣтлое имъ было близко
И все прекрасное сродни;
Паломниками въ Санъ-Франциско
Толпой не бѣгали они.

У нихъ другія были цѣли,
Другая страсть ихъ души жгла,
Изъ поэтической вупели
Жизнь возрожденная цвѣла.

Теперь о томъ ужъ толковъ мало;
И все, что помыслы влекло,
Теперь ослабло, полняло,
Какъ стараго орла крыло.

Орлиныхъ не видать полетовъ;
Отяжелѣла въ насъ душа!
Нашъ вѣкъ — вѣкъ акцій и учетовъ,
Вѣкъ всемогущаго гроша.

Честь, совѣсть, правила и миѣнья —
Товарь: есть преисъ-вурантъ всему.
Купить ли нужно убѣжденья?
Укажутъ: гдѣ и почему.

Есть маклера для разныхъ сдѣлокъ
Повущика и торгаша,

И крупень будь барышъ иль мелокъ—
Всѣ гонятся изъ барыша.

Нашъ вѣкъ—вѣкъ звонкаго металла.
Ему ль до звучности стиховъ,
До чистыхъ жертвъ, до идеала,
До этихъ старыхъ пустяковъ?

На биржѣ ищемъ вдохновеній,
Тамъ сны златые, бой страстей:
Кто милліонщикъ, тотъ и геній,
И Ротшильдъ—Байронъ нашихъ дней.

Тельцу златому жадно нынѣ
Поработались умъ и духъ:
Путеводительный въ пустынь
Столбъ огненный давно потухъ.

ДСХІ.

Зачѣмъ здѣсь левъ съ орломъ въ раздорѣ?
Всѣмъ общинной данъ Божій свѣтъ.
Зачѣмъ же въ добровольномъ горѣ
Любви евангельской здѣсь нѣтъ?

Святого Марка левъ крылатый
И смѣлый Патмосскій орелъ
Одной купелью воспріяты
И братства одного символъ.

Глаголомъ кроткимъ поучали
Они земныя племена
И на пути своемъ бросали
Любви и мира сѣмена.

Но ихъ сыны рукой развратной,
И въ духѣ злобы и вражды,
Изъ жатвы сладко благодатной
Нажали горькіе плоды.

DOXII.

Печально видѣть, какъ въ казармы
Здѣсь обращаются дворцы;
Какъ здѣсь солдаты и жандармы
Въ чертогахъ Фоскари жильцы.
Ну, словно, царскія и мантіи, и бармы
Своей ремесленной рукой
Въ солдатскую шинель перекроилъ портной.

ДСХІІІ.

И я желалъ бы зрѣть Венецію свободной,
Но жизнью собственной, ея преданьямъ сродной,
Въ величьи царственномъ и блескѣ старины,
Когда отважный левъ носился надъ морями,
Ихъ волны бороздилъ могучими крылами
И былъ страшилищемъ запуганной луны.

Въ тѣ памятные дни, которыхъ отблескъ славной
И отголосокъ живъ средь тишины державной,
Дукальянаго дворца объявшей хладный соиъ,
Торжественна была прекрасная Царица,
Волнъ Адриатики роскошная столица,
Сирена, въ коей шли народы на поклонъ.

Въ тѣ дни служили ей искусства и науки;
Жизнь благодатная сливалась въ краски, звуки,
Въ поэзію, любовь, блескъ славы и побѣдъ.
Ваянья, зодчества и живописи геній
Искалъ и паходилъ въ ней пламень вдохновеній
И закалилъ на ней свой вѣковѣчный слѣдъ.

Понинѣ все еще имъ дышетъ, имъ согрѣто.
Великій Тиціанъ, блестящій Тинторетто
Повѣдали землѣ событія небесъ.
Всѣ роды зодчества слились здѣсь воедино,

И новый Амфіонъ, могущій Сансовино
Въ столицѣ мраморной воздвигнулъ міръ чудесъ.

Кто смѣлыхъ думъ труды, созданья перечислить?
Здѣсь мраморъ говоритъ и чувствуетъ, и мыслить.
Здѣсь трепеть чудится и слышится въ мѣди.
Венеція прошла сѣвось бури не старѣя,—
Вся лѣтопись ея живая эпопея,
И много силъ еще въ уязвленной груди.

Владѣвшая мечемъ и на моряхъ трезубцемъ,
Не вѣрь друзьямъ своимъ, лукавымъ честолюбцамъ:
На перль твой зарится ихъ хищная рука;
Ты согласишься имъ въ подножью ихъ престола.
Не дай стереть съ чела прекраснаго символа,
Который на тебѣ прославили вѣка.

Не лучше ль протерпѣть, мужаясь, злую долю,
Чѣмъ плѣнъ свой промѣнять на новую неволю?
Отрекшись отъ себя, себя ты не спасешь.
Тенерь тоскуешь ты подъ путами насилья,
А тамъ ты льву сама его подрѣжешь крылья
И въ дадь ихъ чуждому тщеславыю принесешь.

Свободѣ происки и сдѣлки ненавистны:
Ей лучше явный врагъ, чѣмъ другъ своекорыстный;
Отъ покровителей свободы ты не жди.
Въ опалѣ сохраний хоть отблескъ славы личной;
Какъ знамя падшій вождь, свой доскутъ багряничной
И ты сберечь умѣй на царственной груди.

Не покорилась ты ни нравами, ни духомъ:
Ты помнишь съ гордостью, что міръ былъ полонъ слухомъ
И мирныхъ дѣлъ твоихъ, и боевыхъ трудовъ;
Въ минувшемъ ты найдешь грядущаго поруку.
Не унижай себя и счастливому внуку
Ты чистымъ передай наслѣдіе отцовъ.

Возстань, Венеція! возстань съ морского ложа!
Какъ древле избери ты доблестнаго дожа,
Съ собой вручи ему завѣтное кольцо:
Пусть новый Дандоло, маститый воевода,
Торжественно взойдетъ, подъ кликами народа,
На охраненное гигантами крыльцо.

Лучами прежними Санъ-Марко вновь заблещетъ.
Дремавшій левъ его крылами вострепещетъ,
На волю вырвется изъ роковыхъ сѣтей;
Онъ звучнымъ голосомъ свое обликнетъ море:
И Бучентору вслѣдъ свободно, на просторѣ,
Взыграютъ сонмы волнъ подъ стаяй кораблей.

Не унывай, не льстись коварнымъ обольщеньемъ:
Твой левъ не мертвъ, а спитъ подъ вѣщимъ сновидѣньемъ.
Взойдетъ и для него дня новаго заря.
И я желалъ бы зрѣть Венецію свободной,
Но жизнью собственной, ея преданьямъ сродной,
А не вассалкою Туринскаго царя.

ДСХІV.

Не даромъ здѣсь вода, вездѣ вода,
Не даромъ здѣсь нѣмое рыбье царство:
О разговорѣ мало рѣчи — да
И нѣтъ вотъ все; туземное боярство,
Или туводное не говоритъ
И дуется, иль про себя ворчить.
А нѣжный цвѣтъ Италиі прекрасной,
Красавицы, цвѣтущія въ тѣни,
Прелестныя, но въ прелести напрасной
Губящія весны и счастья дни,
Съ Петрарковой Лауры, словно, снимки,
Сидятъ въ своихъ палаццахъ невидимки.

Авзоніи плѣнительный языкъ
Съ Тевтонскою грамматикой въ разладѣ.
Какъ ни держи нѣмецкій материкъ
Разливъ лагунъ и южный пылъ въ осадѣ —
Напрасный трудъ! И сила здѣсь слаба:
Имъ на роду написана борьба.
Напрасный трудъ! Не высохнутъ лагуны,
Не умолчатъ ихъ ропотъ въ тьмѣ ночной,
И на душѣ таящіяся струны
Не запоютъ на голосъ имъ чужой.
Разъ могъ сказать герой неугомонный:
„Нѣтъ Пириней!“ Но Альпы непреклонны.

Орель и левъ для басни хороши:
 Крыловъ бы могъ ихъ расцвѣтитъ бесѣду,
 Но какъ себѣ красиво ни пиши,
 Надъ баснью былъ одержить все побѣду,
 Все былъ живѣй—и вотъ ея мораль:
 Плохая вещь минувшаго скрижаль:
 Злодѣйствъ и глупостей, то лжи безстыдной,
 То истины постыднѣй лжи—вкругомъ
 Вотъ весь итогъ, что рѣчью благовидной
 Исторіей всеобщей мы зовемъ.
 Провѣрьте зло съ добромъ, и въ перевѣсѣ
 Толкуйте вы, пожалуй, о прогрессѣ.

Крылатый телеграфъ, крылатый царь
 Удобствомъ вѣкъ промышленный отмѣтять,
 Но вмѣстѣ съ тѣмъ свой гибельный ударъ
 Ружье и пушка въ даль вѣриѣ мѣтять.
 Дастъ телеграфъ свой лозунгъ роковой,—
 И на парахъ помчится смерть съ войной.
 Толкуютъ всѣ о мирѣ благодатномъ,
 А ни по чемъ льютъ кровь за пустыни:
 Самъ свѣтлый миръ въ остервенѣнны ратномъ
 Такъ и глядитъ, чтобъ взятыся за штыки.
 Когда вблизи руда войны изсякла,
 Мы за столбы покойнаго Иракла

Идемъ искать за тридевять земель,
 Гдѣ бъ можно намъ подрагаться съ ближнимъ-дальнимъ,
 Поразорить младенцевъ колыбель,
 Облечь семейства трауромъ печальнымъ,
 Жилища поселянъ предать огню
 И растоптать ихъ жатву на корню.
 Природа намъ сказала: будьте братья!
 Убійствомъ Каинъ братство обновилъ.
 И съ той поры, но безъ лицепріятя,
 А сплошь войну братъ брату заявилъ.

И вотъ въ враждѣ отъ ветхаго завѣта
Еще вражда — націоналитета:

Вѣтвь новая разросшейся вражды,
Народныхъ тяжбъ бездонное начало,
Которыхъ жнемъ кровавые плоды.
Какъ будто прежнихъ людямъ было мало;
Вотъ новую придумали они,
Чтобъ не отстать отъ драки и рѣзни!
Какъ будто мы не всѣ сыны Адама
И не одно сіяетъ солнце намъ,
И въ свой чередъ не всѣмъ земная яма
Дастъ миръ и сонъ враждующимъ костямъ.
Земля не спроситъ паспорта! Отволѣ
Ты? За какой межей, въ которомъ полѣ

Ты выпахалъ житейскую бразду?
Будь пылкій сынъ лагунъ или пѣмецъ мѣрной,
Родись ты даже на свою бѣду
На спорной полосѣ, сказать примѣрно,
Хоть въ Шлезвигѣ? Что жъ? Конченъ споръ и путь.
Ложись себѣ и Бисмарка забудь.
Смѣшно и жалко видѣть, какъ безъ цѣли
Мы портимъ жизнь, какъ братскую семью
Разбили мы на спорныя артели
И тратимъ силы въ родственномъ бою.
Есть на землѣ границы между нами —
Въ землѣ же мы всѣ будемъ земляками.

ВЛАДИМІРУ НИКОЛАЕВИЧУ КАРАМЗИНУ.

Густой туманъ покрыль лагуны,
Въ туманѣ городъ потонуль,
И въ темной путаницѣ улицъ
Готовъ кричать я „карауль“.

Плывешь? Не видишь, гдѣ причалишь.
Идешь? Путь выбрать мудрено;
И какъ глаза свои не палишь,
Вездѣ безвыходно темно.

Ну, словно, предъ тобою оный
Голстинско-Шлезвигскій вопросъ,
Когда долбять его бароны,
Уткнувъ въ него свой мудрый носъ.

Въ другихъ странахъ война — развязка
И окончательный резонъ:
Въ Нѣмечинѣ длиннѣе сказка,
А нѣмецъ и въ войнѣ мудренъ.

Дерется храбро, нѣтъ сомнѣнья:
Но для чего? вопросъ другой.

О немъ идуть еще сужденья,
Пока ужь льется кровь рѣкой.

Чернила рядомъ льются съ кровью,
За каждой битвой протоколъ,
Глубокій тезисъ многословью
Дипломатическихъ ихъ школъ.

Умъ нѣмцевъ потаенный ящикъ:
Не отпереть со стороны;
И намъ даютъ они образчикъ
Метафизической войны.

Намъ ясность истины потреба:
У нѣмцевъ ясность не въ чести,
И чтобъ хватать имъ звѣзды съ неба,
Спѣшать въ глухой подвалъ сойти.

И здѣсь, гдѣ я съ недоумѣньемъ
Въ туманѣ мыкаю тоску,
Они бѣ купались съ наслажденьемъ,
Какъ будто въ собственномъ соку.

Тумановъ ввѣрять океану
И призраковъ любя обманъ,
Могли бѣ они придать туману
Еще свой внутренній туманъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИЛЬМИНИШЕЪ КАРАМЗИНОУ.

Въ углахъ на темныхъ перекресткахъ
Здѣсь видишь много образовъ:
На нихъ покровъ съ шитьемъ и въ блесткахъ,
Вѣнокъ и поясъ изъ цвѣтовъ.
И день, и ночь горять лампады
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой,
Звѣзды надежды и отрады
Скорбящимъ тѣломъ иль душой.

Здѣсь мать рыдающая просить
Больному сыну жизнь спасти;
Морякъ съ молитвой ленту вносить
Предъ страхомъ дальняго пути;
Дѣвица въ сумеркахъ, украдкой,
Томясь плѣнительнымъ огнемъ,
Здѣсь молится и плачетъ сладко
О миломъ суженомъ своемъ.

Души и вѣры изліянья,
Слезъ и молитвы благодать!
Таятся свято въ васъ преданья,
Благочестивыхъ лѣтъ печать.

Вы невредимо уцѣлѣли
Среди житейскихъ бурь и битвъ:
Въ простыхъ сердцахъ не оскудѣли
Струи живительныхъ молитвъ.

И я встрѣчаю съ умилениемъ
Обрядъ смиренной старины,
Не обезсиленной сомнѣниемъ,
Какъ мы, новѣйшихъ дней сыны,
И думой уношусь невольно
Къ стѣнамъ Кремля, гдѣ нашъ народъ
Гѣснится также богомольно
Въ часовнѣ Иверскихъ воротъ.

DCXVII.

ЭРНЕСТИНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ТЮТЧЕВОЙ.

Каналами въ позднихъ прогулкахъ
Плыву ли подъ тѣнью ночной;
Брожу ли въ глухихъ закоулкахъ,
Віющихся гибкой змѣей;
Смотрю ли на мрачныя зданья
Съ гербами угасшихъ родовъ,
На эти палаца молчанья,
На эти гробницы вѣковъ,

Подъ древнею тяжестью сводовъ,
Гдѣ дремлетъ чуть брежжущій свѣтъ;
Смотрю ль на изгибъ переходовъ,
Гдѣ, кажется, выхода нѣтъ?
Поэзіей смутною полны,
Весь городъ—живой арабескъ,
И воздухъ, и мраки, и волны,
И зыбкій чернильный ихъ блескъ.

Гляжу ли налѣво, направо?
Мнѣ всюду, подъ мракомъ ночнымъ,
Мерещится дерзостпый bravo
Съ восточнымъ кинжаломъ своимъ.

То въ маскахъ, въ плащахъ боязливо
Скользятъ молодая чета:

Чуть слышится шагъ торопливой,
Уврадкой чуть шепчуть уста.

То сбирро, наемникъ послушный,
Опричникъ судилища трехъ,
Безжалостный и равнодушный,
Прохожаго схватить врасплохъ,
И молча подъ сводъ потаенный
Добычу свою проведеть,
И будто живой погребенный
Тамъ безъ вѣсти онъ пропадетъ.

И мостъ по дорогѣ въ Орфано,
Въ сей мрачный безъ дна Ахеронъ,
Мостъ грозный, и поздно, и рано
Вновь слышитъ рыданья и стонъ.
Всѣ эти картины и сцены
Встаютъ и кипятъ предо мной:
Нѣмыя и воды, и стѣны
Откликнулись рѣчью живой.

Въ ночной тишинѣ мыслью дремля,
Какъ сны, ихъ рассказы лови,
Кровавымъ преданіямъ внемля
И нѣжнымъ легендамъ любви!
Край здѣшній всѣмъ тайнамъ усвоенъ:
Тайникъ онъ для счастья и зла,
И городъ съ тѣмъ, будто, построенъ,
Чтобъ жизнь въ немъ таяться могла.

Любви объясненья и ласки,
Свиданья въ условленный день —
Ни что не боится огласки,
Всему есть молчанье и тѣнь.

Все въ помощь влюбленнымъ счастливымъ:
 Скромна и безгласна вода,
 И гондолы темной ревнивцамъ
 Не выдастъ лагуна слѣда.

Не выдастъ улыбой для свѣта
 Изъ пропасти мрачной вода
 Ни жертвы нѣмого стилета,
 Ни жертвы нѣмого суда.
 Благой иль зловѣщею сѣнью
 Прикрытые ночи и дни
 Любви оробѣлой и мщенью
 Даруютъ охрану въ тѣни.

Вотъ этой Венеціи просятъ
 Тоской вдохновенные сны
 И чувство, и мысль переносятъ
 Въ волшебную жизнь старины.
 Мнѣ нужны здѣсь маски, стилеты,
 И страшная тайная власть,
 И ночью, и днемъ на извѣты
 Открытая львиная пасть.

Мнѣ нужны здѣсь толки о дожѣ,
 Мнѣ пужно во мракѣ ночномъ,
 Чтобъ браво стоялъ на сторожѣ
 И жертву слѣдилъ за столбомъ.
 Регаты мнѣ празднество нужно:
 Когда по торжественнымъ днямъ
 Подъ веслами гондолы дружно
 Несутся по синимъ зыбямъ,

Иль льются народныя клики,
 Привѣтствуя громкой хвалою,
 Помолвку надъ моремъ владыки
 Съ невѣстой, Царевной морской.

Предчувствуя радость и славу,
Сіяя въ алмазномъ вѣнцѣ,
Невѣста любовь и державу
Пріемлетъ въ завѣтномъ кольцѣ.

Не даромъ въ тотъ вѣкъ gondolieri
Пѣвали въ ночи наизусть
И мрачные сны Алигьери,
И Тасса любовную грусть,
И чудную былъ Аріоста, —
И рой черноокихъ головъ
Изъ оконъ, съ террасы и съ моста
Внимательно слушалъ пѣвцовъ.

Звукъ каждый и каждое слово
Сочувственны были сердцамъ,
И каждое сердце готово
И вѣрить, и вторить мечтамъ.
Страхъ тайный и вѣчно подъ тѣнью
Угроза незримой руки
Давали и пылъ наслажденью,
И нѣгу томленью тоски.

Поэзіи чудное царство!
Сливались въ немъ въ очеркъ живой:
И Даптова ада мытарства
Съ ихъ пытками, мукой и тьмой;
И въ маревѣ разнообразномъ
Манили изъ лона воды,
Съ ихъ чарами, нѣгой, соблазномъ
Армиды волшебной сады.

DCXVIII.

Красавица Венецію забыла,
И мысль ея отъ насъ ужь далека,
Но ей Венеція не измѣнила,
Порука въ томъ ея по ней тоска.

Сокровища свои здѣсь расточили
Поэзіи златыя времена.
И свѣтлая въ прекрасной здѣшной были
Красавицѣ глава посвящена.

Съ далекихъ горъ цвѣтовъ благоуханной,
Онъ промелькнулъ и улыбнулся намъ:
Съ чужихъ небесъ звѣздой непостоянной
Она прошла по здѣшнимъ небесамъ, —

И нѣтъ ея. Но есть по ней преданье:
Оно хранитъ минувшаго слѣды;
Но въ сердцѣ есть цвѣтка благоуханье,
Есть теплый блескъ утраченной звѣзды.

Гость милую здѣсь встрѣтили радушно;
Поэзія съ поэзіей сошлась,
И тихой прелести она послушно
Сочувственной душою поддалась.

Въ нихъ что-то есть завѣтное, родное,
 Онѣ должны другъ друга понимать;
 Созвучье есть въ ихъ задушевномъ строѣ,
 На красотѣ ихъ общая печать.

Тщета надеждъ, ихъ сонъ неуловимый—
 Прекраснаго участокъ на землѣ:
 И много думъ таинственныхъ прочли мы
 На этомъ свѣтломъ, молодомъ челѣ.

Сдавалось намъ, что жизни опытъ строгій
 Цвѣтущихъ дней ея не пощадилъ,
 И что средь розъ, алѣвшихъ вдоль дороги,
 Ихъ терніемъ, быть можетъ, уязвилъ.

Ни красота, ни почести, ни младость
 Не оградятъ отъ лютыхъ стрѣлъ судьбы:
 Иная жизнь цвѣтетъ другимъ на радость,
 А въ ней самой тяжелыя борьбы.

И въ ясномъ днѣ таятся часто грозы,
 Бушуетъ буря въ свѣтломъ ручейкѣ;
 Подъ блескомъ глазъ есть внутреннія слезы,
 И много ихъ въ сердечномъ родникѣ.

Вся наша жизнь не темная ль загадка?
 Въ земныхъ понятяхъ ей разгадки нѣтъ.
 Вопросовъ тьма; но часто изъ десятка
 И на девять не сыщется отвѣтъ.

Зачѣмъ, когда умъ простодушно молодъ
 И вѣрить въ жизнь и въ сны ея готовъ,
 Зачѣмъ врасплохъ дѣйствительности холодъ
 Такъ рано губить жатву свѣтлыхъ сновъ?

Зачѣмъ судьба воюетъ съ жизнью грозно,
 Иль жизнь судьбѣ наперекоръ идетъ?

Здѣсь въ сиротствѣ два сердца вянуть разно,
Когда сродство другъ къ другу ихъ влечетъ;

А тамъ двѣ жизни, какъ-то, почему-то,
Слѣпой судьбы ошибкой, иль игрой,
Златымъ кольцомъ закованныя круто,
Путемъ однимъ идти, но врознь душой.

И счастья даръ невѣрный и случайный
Зачѣмъ такъ рѣдко намъ знакомъ вполне?
И въ радостяхъ есть отголосокъ тайный,
Что на землѣ непрочны и онѣ.

Въ своей красѣ задумчивой и грустной
Венеція — примѣръ намъ и урокъ:
Была пора — о ней молвы стоустной
Носился гулъ на западъ и востокъ;

Теперь, таясь подъ вдовьимъ покрываломъ,
Теперь она въ молчаньи и тѣни,
Но съ памятью о счастьи бываломъ
Въ тоскѣ влачить безжизненные дни.

Судьбы державъ, народовъ, человѣка
Измѣнчивы Спроси время скрижаль.
Вездѣ, всегда въ волненьяхъ дня и вѣка
Чего-то ждуть, и все чего-то жаль.

И здѣсь тоска, и здѣсь воспоминанье,
Потухшій пепелъ и надеждъ, и благъ!
Здѣсь каждый взглядъ встрѣчаетъ увяданье,
Развалины встрѣчаетъ каждый шагъ.

Здѣсь Campo Santo жизни утомленной,
Душѣ больной, позпавшей дней обманъ,
Здѣсь счастья блескъ насмѣшливый, надменной
Не раздражить въ ней потаенныхъ ранъ.

Уютно ей при этомъ небосклонѣ,
Который облака заволокли,
На этомъ тихомъ, сномъ объятномъ лонѣ,
Гдѣ голоса мірскихъ тревогъ вдали

Чуть слышатся въ затишьи благодатномъ,
Какъ грохотъ волнъ и дальней бури вой
Пловцамъ, страдавшимъ на морѣ превратномъ
И подъ вечеръ отшедшимъ на покой.

DCXIX.

СТАРЫЙ ГОНДОЛБЕРЪ.

У входа въ мраморныя сѣни
Великолѣпнаго дворца,
Тамъ, гдѣ спускаются ступени
Волной омытаго крыльца,
Лежитъ старикъ, на солнцѣ грѣя
Свою хладѣющую кровь;
Но въ тепломъ сердцѣ, не старѣя,
Еще есть память и любовь.

Онъ помнитъ старины преданья,
Онъ вѣренъ имъ, онъ любитъ ихъ:
Вся жизнь его — воспоминанья
И отголосокъ дней былыхъ.
Спроси его, и на вопросы
Словоохотливый отвѣтъ
Дастъ гондолберъ сѣдоволосый
И скажетъ: „Много, много лѣтъ

„И по морямъ, и по лагунамъ
„Я рыскалъ, — смѣлый волькъ морской,
„Смѣясь и вѣтрамъ, и бурунамъ,
„И зною дня, и тьмѣ ночной.

„Но ужь давно въ родныя воды
 „Не погружаю я весла,
 „И гондола во дни невзгоды
 „Вся мхомъ и ржею заросла.

„Хозяинъ дома, не внимая
 „Молениямъ нашимъ и слезамъ,
 „Покинулъ сѣнь родного края
 „И отплылъ къ чуждымъ берегамъ;
 „Уѣхалъ онъ въ день Божьей кары,
 „Когда уязвленный нашъ левъ
 „Палъ подъ враждебные удары,
 „Послѣдній испуская ревъ.

„Когда республикѣ державной
 „Часъ грознаго конца пробилъ,
 „И Бонапартъ самоуправной
 „Цѣпь на свободу наложилъ,
 „Въ тѣ дни былъ баринъ бодръ и молодъ;
 „Но если живъ и нынѣ онъ,
 „То и его постигли холодъ
 „И дряхлость, общій всѣмъ законъ.

„Онъ не хотѣлъ быть гражданиномъ
 „Отчизны, попранной врагомъ,
 „И передъ чуждымъ властелиномъ
 „Склониться доблестнымъ челомъ.
 „Онъ говорилъ: — Путемъ позора
 „Пусть въ почестямъ другой идетъ;
 „Миѣ память предковъ безъ укора
 „Въ изгнаньи будетъ мой почетъ. —

„И много бѣдъ, стыда и горя
 „Мы натерпѣлись въ эти дни.
 „Въ неистовствѣ другъ съ другомъ споря,
 „Врагъ и предатели свои

„Наперерывъ насъ унижали,
 „Срывали съ древнихъ стѣнъ гербы,
 „Сии семейныя скрижали
 „Величья, славы и борьбы.

„И Бученторе, нашъ народный
 „Ковчегъ и славы колыбель,
 „Разбили, какъ сосудъ негодный
 „И впредь ненужную скудель.
 „Они сожгли златую книгу,
 „Истлѣлъ и пепель славныхъ дней,
 „И подвели къ чужому игу
 „Побѣдой вскормленныхъ коней.

„И тѣша алчность и гордыню, —
 „Безъ страха вспомнить не могу —
 „Савъ-Марка предали святыню
 „На расхищеніе врагу.
 „Исторгли хищные злодѣи
 „Жизнь нашу, душу, плоть и кровь
 „И унесли въ свой край трофей,
 „Честь предковъ, впуковъ ихъ любовь.

„Я пережилъ всѣ эти бури;
 „И мнѣ остаткомъ прежнихъ благъ
 „Съ небесъ сіяетъ блескъ лазури:
 „Ее не могъ похитить врагъ.
 „Воспоминаньями богатый,
 „На все съ сочувствіемъ гляжу
 „И опустѣвшія палаты,
 „Какъ вѣрный песъ, я сторожу.

„А добрый баринъ и понинѣ,
 „Заочно благодѣтель мой,
 „Даетъ мнѣ щедрой благостыней
 „И хлѣбъ насущный, и покой.

„Такъ день за днемъ—и предъ глазами
 „Миѣ снятся дальнія моря,
 „Борьбы съ ревущими волнами,
 „Когда надъ ними вѣтръ паря

„Ихъ треплетъ, гонитъ, мечетъ, давитъ,
 „А кораблемъ своимъ морякъ
 „По рытвинамъ и безднамъ правитъ
 „Сввозъ бой стихій, грозу и мракъ.
 „Миѣ снятся свѣтлыя видѣнья
 „Великолѣпной старины,
 „Когда рвались мы въ пылъ сраженья
 „Подъ знаменемъ родной страны.

„Когда нашъ Еммо, въ блескъ славы,
 „Съ своихъ побѣдныхъ кораблей
 „Исламу задалъ пиръ кровавый
 „Средь возгорѣвшихся зыбей;
 „Луна смутясь затрепетала,
 „Тунисъ притихъ подъ лапой льва,
 „А дома встрѣча ожидала
 „И пѣснь, и почестъ торжества.

„Текутъ, кипятъ народа волны,
 „И въ ихъ главѣ нашъ дождь Ренъе...
 „Весь воздухъ вздрогнулъ, кликовъ полный:
 „Тѣ клики и теперь во миѣ
 „Преданьемъ радость возбуждаютъ,
 „И молодѣю я душой,
 „И словно ангелы летаютъ
 „Надъ старческой моей главой“.

ДСХХ.

Златомъ и лазурью нѣжной
Блещетъ гладкихъ водъ коверъ;
Тамъ вдали подъ шапкой свѣжной
Головы Тирольскихъ горъ.
Острова, въ волнахъ купаясь,
Словно стадо лебедей,
Манятъ взоры, освѣщаясь
Блескомъ утреннихъ лучей.

Въ свѣжей прелести предъ вами
Расцвѣтающихъ картинъ,
Между всѣми островами
На примѣтѣ есть одинъ.
Чуждый городскому шуму
И житейскимъ суетамъ,
Онъ на насъ наводитъ думу,
Поучительную намъ.

Островъ свѣтлаго покоя,
Гдѣ нашли и гдѣ найдутъ
Послѣ бури, послѣ боя
Безобманчивый приютъ
Жизни бурной, жизни бранной
Ратоборцы и пловцы,

Гдѣ сыновъ въ тиши желанной
Ждутъ почившіе отцы.

Здѣсь, гдѣ серебряная влага
Разливаетъ путь нѣмой,
Дроги — смерти колымага —
Не стучать на мостовой;
Здѣсь въ затишьи и прохладѣ
Свѣжъ почившихъ мирный сонъ,
Меньше ужаса въ обрядѣ
Тихихъ, плавныхъ похоронъ.

Льются псалмопѣнья клира,
Замирая надъ волной,
Пѣсни проводовъ изъ міра
И напутствія въ другой.
Тускло факель погребальной
То померкнетъ, то блеснетъ,
И торжественно-печально
Тихо гондола плыветъ.

Вотъ причалили ко берегу:
Вынуть гробъ изъ челвока,
И въ послѣдному ночлегу
Проводили сѣдока.
Сдавши въ землю безвозвратно
Кладъ, что намъ земля дала,
Безъ хозяина обратно
Лодка молча отплыла.

ДСХХІ

Тамъ на земной границѣ
Блестящей багрянницей
Одѣлись облака,
Прозрачное зеркало,
Лагуна зыбью алой
Подернулась слегва, —
И замеръ день усталый,
Какъ путникъ съ далека.

Повѣялъ сумракъ свѣжій.
Рыбакъ раскинулъ мрежи
Въ водахъ, объятыхъ сномъ:
Въ заботѣ рыболовной
Среди лагуны ровной,
Разлившейся стекломъ,
Самъ неподвижный словно
Приросъ онъ съ челнокомъ.

Какъ ни проста картина,
Но чуткая холстина
Подъ кистью мастерской;
Ни рѣчь, ни думъ свобода
Не скажутъ, что природа
Шепнетъ душѣ родной,
Безъ словъ, безъ перевода
На нашъ языкъ земной.

DOXXII.

ТОРЧЕЛЛО.

Облака все рѣже, рѣже,
Миръ страхнулъ ночную тѣнь,
И ноябрьской нѣгой свѣжей
Южный утрекаетъ день.

Воздухъ чистъ, и на просторѣ
Все такъ выпукло-свѣтло,
Горы блещутъ, блещетъ море,
Какъ прозрачное стекло.

Лодка плавно, безъ усилья,
Разсѣкаетъ лоно водъ,
Словно невидимки-крылья
Насъ уносятъ все впередъ.

Древле славное Торчелло
Выплываетъ изъ лагунъ:
Въ этотъ край нагрянулъ смѣло
Божій бичъ, свирѣпый Гуннъ.

Здѣсь на каменномъ престолѣ
Онъ когда-то возсѣдалъ:

Гласъ судебъ въ его глаголѣ
Раболѣпный міръ внималъ.

Здѣсь во дни народной славы,
Чтобы грубость превозмочь,
Роскошь услаждала нравы,
Роскошь, просвѣщенья дочь.

Здѣсь искусства процвѣтали,
Кисть, и молотъ, и рѣзецъ,
Блескъ и прелесть расточали
Днямъ грядущимъ въ образецъ.

Гавань, площади кипѣли,
Все торговлею цвѣло,
Въ дивахъ нѣжныхъ руководѣлій
Ухищрялось ремесло.

Но — другой Аттила — время,
Злобнымъ натискомъ своимъ
Навалилъ столѣтій бремя —
И все рушилось подъ нимъ.

И теперь въ глуши безлюдной
Вся околица мертва;
По обломкамъ жизнью скудной
Пробирается трава.

Душный воздухъ, воздухъ смрадный
Смертоносно зараженъ;
Въ сонъ могильный, безотрадный
Островъ нынѣ погруженъ.

Но встрѣчаешь средь обломковъ
Мысли творческой труды:
Въ наслажденье для потомковъ
Не затерлись ихъ слѣды.

Мозаики блескъ и живость
Дышитъ древней красотой,
Стройныхъ мраморовъ красоту
Уцѣлѣла подъ грозой.

Все здѣсь замерло въ пустынѣ,
Но искусство не умретъ
И нетлѣнною святыней
На развалинахъ цвѣтетъ.

И Помпеи, и Элады
Живоносенъ мертвый прахъ:
Творческихъ столѣтій влады
Въ ихъ заглохшихъ пустыряхъ.

Скажетъ скромное Торчелло,
Что прекраснаго и въ немъ
Пламя чистое горѣло
Предъ священнымъ алтаремъ.

Здѣсь, гдѣ жизнь течетъ безгласно,
Любознатель и поэтъ
Вопрошаютъ не напрасно
Голоса минувшихъ лѣтъ.

DCXXIII.

LA BIONDINA IN GONDOLETTA.

Сладко дремлетъ въ гондолетѣ
Бѣлокурая красотка,
Словно пташечка на вѣткѣ,
Словно въ люлечкѣ дитя.

Легкимъ волыханьемъ лодки
И весла чуть слышнымъ плескомъ
Бѣлокуренькой красоты
Убаюкивало сонъ.

Снятся мѣсяцъ ей и звѣзды,
Снится небо голубое,
Снятся пѣніе ночное
Изъ завѣздной стороны.

Снятся ей цвѣты и роца
Съ тѣнью свѣжей, съ тѣнью темной;
Въ рѣчи нѣжной, въ рѣчи скромной
Снится ей любви привѣтъ.

Спи, красотка молодая,
Спи, души и глазъ приманка,

Спи, моя Венеціанка,
Прелесть твой и самый сонъ.

Спи, головою усталой
Опершись на бѣлу ручву,
И по розамъ щечки алой
Вейся локонъ золотой!

А когда раскроешь глазки,
Молодому гондольеру
Въ поцѣлуѣ нѣжной ласки
Тайный сонъ свой расскажи.

DOXXIV.

Накинуть на гондолу фельце,
Онъ — черный гробъ, иль колыбель,
Дней нашихъ первая обитель,
Или послѣдняя ихъ цѣль.

Не всѣ ль по Canal grande жизни
Сквозь сонъ таинственно плывемъ?
Два гондольера правятъ лодкой,
Играя на бѣгу весломъ,

Ихъ имена: судьба и время,
И совершаютъ перевозъ
И вдоль палаццъ, и вдоль развалинъ,
Въ депь ясный и подъ тѣнью грозъ.

Веселье, трудъ, нужда, беспечность
Скользятъ по днямъ, какъ по волнамъ,
А тамъ во мракѣ ждетъ ихъ вѣчность,
Глухая пристань всѣмъ пловцамъ.

А тамъ—что будетъ, то и будетъ!
Куда же мрачный гондольеръ
Причалить? Темная загадка,
Темнѣй всѣхъ прочихъ не въ примѣръ.

DCXXV.

Пожаръ на небесахъ — и на водахъ пожаръ.
Картина чудная! Весь рдѣя солица шаръ,
Сватившись, запылалъ на рубежѣ заката.
Тѣснятся облака подъ жаркой лавой злата.
Съ землей прощаясь, день на пурпурномъ одрѣ
Одѣлся пламенемъ, какъ фениксъ на вострѣ.

Палацца залились потокомъ искръ золотыхъ,
И храмовъ куполы, и кампанилы ихъ,
И мачты кораблей, и пестрые ихъ флаги,
И ты, крылатый левъ, когда-то царь отваги
А нынѣ, утомясь, по вѣковой борьбѣ,
Почившій гордымъ сномъ на каменномъ столбѣ.

Какъ моремъ огненнымъ мой саламандра-челнъ
Скользить по зареву воспламененныхъ волнъ.
Раздался колоколъ съ Санъ-Марко и съ Салуте:
Вечерний благовѣсть, въ дневной житейской смутѣ
Смиренныя сердца къ молитвѣ превлоня,—
Пѣснь лебединая сгорающаго дня.

DOXXVI.

ВАКХАНАЛИИ.

Садъ тѣнистый надъ водами,
Оазисъ въ пустынѣ водъ,
Собралъ шумными толпами
Разгулявшійся народъ.

Будни! но счастливымъ юга
Трудъ докучливый не въ мочь:
Жизнь ихъ — вѣчнаго досуга
Беззаботливая дочь.

И средь плясокъ, и средь пѣнья,
Подъ разгуломъ удалымъ,
Продолженьемъ воскресенья
Понедѣльникъ служить имъ.

Дѣвы юныя слетѣлись
Стаей птицъ веселыхъ въ садъ,
Причесались, приодѣлись
Въ лучшій праздничный нарядъ.

Ярко смуглыя ихъ лица
Пышаты знойной красотой,

Взглядъ горячій ихъ — зарница
Ивъ-подъ тучи въ тьмѣ ночной.

Косъ широкихъ глянецъ зыбкій,
Ихъ одежды пестрота,
Станъ роскошный ихъ и гибкій,
Все — любовь и красота.

За толпой толна ударить,
Радость оживляетъ всѣхъ,
Все поетъ, все тарабарить:
Крики, пѣсни, говоръ, смѣхъ!

Что за пыль, что за восторги!
Но и въ самомъ ихъ жару
Нѣтъ разврата бурныхъ оргій
На растрепанномъ пиру.

И средь розъ и пестрыхъ далій
Сельской свѣжестью дохнулъ
Праздникъ трезвыхъ вакханалій,
Цѣломудренный разгулъ.

Не скажу, чтобъ безмятежно
Страсти здѣсь почили сномъ,
Чтобъ любовь хитро и нѣжно
Не проказила тайкомъ.

Какъ и прежде, такъ и нынѣ
Нѣгой дышатъ здѣсь сердца,
И цитерскою богиней
Не утраченъ блескъ вѣнца.

Здѣсь цвѣтетъ ея держава,
Ей Венеція вѣрна:
Гдѣ любовь, сердецъ забава,
Здѣсь — ихъ былъ и жизнь она.

Но покровъ накинуть скромный
Отъ завистливыхъ очей,
Но и гондолы здѣсь темны,
А сердца еще темнѣй.

На лугу сидитъ подъ древомъ
Повѣствующій рапсода,
И разговоромъ и распѣвомъ
Потѣшаетъ онъ народъ.

Улеглись живыя волны,
Внемлютъ отрокъ и старикъ,
Какъ напѣвъ, созвучій полный,
Юга сладостный языкъ

Льется мѣрно рѣчью плавной,
Вызывая къ жизни вновь
Старины родной и славной
Были, битвы и любовь.

Ловятъ смыслъ и выраженья,
Жадно слушаютъ рассказъ,
Мѣткимъ словомъ одобренья
Прерываемый не разъ.

Вотъ и кругляя качели,
Хоть безъ русской быстроты,
Закружили, завертѣли
Беззаботныя четы.

Но ужъ солнечнымъ закатомъ
Загорѣлся верхъ зыбей,
На прощанье тутъ раскатомъ
Шумный праздникъ все шумѣй.

Постепенно день темнѣетъ
И готовится ко сну,

Постепенно садъ пустѣеть,
Погружаясь въ тишину.

Опустѣлъ онъ, многолюдной,
Гондолъ начался разѣздъ,
А пространство тверди чудной
Заселилось сонмомъ звѣздъ.

Шумно поведѣльничъ прожить,
Цѣснямъ, игрищамъ конецъ —
Съ продолженьемъ впредь, быть можетъ,
Въ тайной повѣсти сердцецъ.

Отблескъ дней давно минувшихъ,
Поэтическіе сны
Поколѣній, помянувшихъ
Праздникъ свѣтлой старины!

Увлечательность, безпечность,
Невыскаательность забавъ,
Шутокъ смѣхъ, простосердечность,
Южный умъ и южный нравъ,

Все здѣсь отразилось мило
Въ ясной прелести своей,
Будто время пощадило
Быть и вольность прежнихъ дней.

DOXXVII.

„Per obedir la“, что ни спросишь —
На все готовый здѣсь отвѣтъ:
Ну, словно, власть въ рукѣ ты носишь
Вертѣть, какъ хочешь, цѣлый свѣтъ.

По утру спросишь о погодѣ:
„Per obedir la, хороша“.
Спроси о бѣдности въ народѣ:
„Per obedir la, нѣтъ гроша“.

Какая вонь у васъ въ каналѣ!
„Per obedir la, вонь и есть“.
Богъ дѣтокъ далъ тебѣ, Пасквале?
„Per obedir la, дочекъ шесть“.

Я ночью слышалъ три удара:
„Per obedir la, громъ гремѣлъ“;
И видѣлъ зарево пожара:
„Per obedir la, домъ сгорѣлъ“.

Давно ли, Беппо, ты ужь вдовой?
„Per obedir la, съ годъ тому“.
Въ домъ не возьмешь ли женки новой?
„Per obedir la, что жь? возьму“.

Я слышалъ о твоей печали:
 Разбойники вошли въ твой домъ?
 „Per obedir la, обокрали,
 „И я остался ни при чемъ“.

Кто запрещаетъ здѣсь спектакли?
 „Per obedir la, комитетъ“.
 Но комитетъ вашъ не дуракъ ли?
 „Per obedir la, толку нѣтъ“.

Ты не въ ладахъ съ своей женою,
 Тебя измучила она?
 „Признаться больно, а не скрою,
 „Per obedir la, не вѣрна“.

Любовникъ есть у этой донны?
 „Per obedir la, даже три“.
 Что жь мужъ? „Per obedir la, жены
 Перехитрятъ, какъ ни смотри“.

А буря барку потопила?
 „Per obedir la, и съ людьми“.
 О, баста, баста, грудь изныла
 Отъ вашихъ словъ; провалъ возьми!

Типунъ вамъ на языкъ, сороки,
 Съ per obedir la роковымъ.
 Какъ, вонь, грабежъ, пожаръ, пороки,
 Бѣды съ послѣдствіемъ своимъ,

Невѣрность женъ, людей проказы,
 И то, что есть, и что прошло,
 Про все и обо всѣхъ рассказы,
 Рожденье, смерть, и смѣхъ и зло,

Все ждетъ, какъ щучьяго велѣнья,
 Чтобъ словомъ грянулъ я однимъ,

И все падеть безъ исключенья
Предъ всемогуществомъ моимъ?!

Нѣтъ, отрекаюсь я отъ власти
И вмѣстѣ отъ вопросовъ всѣхъ,
Чтобъ сплетни всѣ и всѣ напасти
Не брать мнѣ на душу, какъ грѣхъ.

DOXXVIII.

Прелестный край! Надъ свѣтлой Брентой
Пестрѣютъ гнѣзда свѣжихъ вилъ,
И виноградникъ злачной лентой
Деревья стройныя обвилъ.

Полей и рощей безмятежность,
Сады улыбчиво глядятъ,
Цвѣтовъ обилье, блескъ и нѣжность
Земною радугой горятъ.

Глаза не могутъ оторваться
Отъ этихъ радостныхъ картинъ,
Ихъ красотой налюбоваться
Спѣшить небесъ холодныхъ сынъ.

Ему все въ радость, все такъ ново,
Такъ ласковъ и привѣтливъ югъ
Ему, который былъ сурово
Воспитанъ царствомъ зимнихъ вьюгъ.

Здѣсь рай! Счастливыя созданья,
Здѣсь люди безъ заботъ живутъ:
Они, какъ будто, наказанья
За грѣхъ Адамовъ не несутъ.

Жизнь много жнеть, а мало сѣть,
Все даромъ достается ей,
И мать-природа всѣхъ лелѣетъ,
Какъ избалованныхъ дѣтей.

Подъ голубыми небесами,
На почвѣ вѣчно молодой
И бѣдный здѣсь богатъ дарами
Обильной житницы земной.

DOXXIX.

ВИЧЕНЦА.

I.

Красива и горда Виченца
Въ своемъ разорванномъ вѣнцѣ,
Съ улыбкой свѣтлою младенца
На смуглостарческомъ лицѣ.

На ней есть язвы боевыя
И отблескъ бодрой сѣдины,
Но есть и прелести живыя
Неувядающей весны.

Природа, вѣчно молодая
Въ теченьи годовыхъ временъ,
Цвѣтетъ, роскошно осѣняя
Зубцы ея старинныхъ стѣнъ.

Искусства, счастливья дѣти
И вдохновенья, и мечты,
Свѣжо глядятъ изъ-за столѣтій
Въ младомъ безсмертїи красоты.

Не унесетъ ихъ въ мракъ забвенья.
Потокъ мимотекущихъ дней,

И не ослабить выраженья
Ихъ не мерцающихъ лучей.

Придутъ повлоники искусства
Къ симъ вѣковѣчнымъ образцамъ,
И въ сыновьяхъ зажгутся чувства,
Давно знакомыя отцамъ.

Палладію, отецъ твой крестный,
Тебѣ съ любовью завѣщаль
Свой трудъ великій и прелестный,
Которымъ самъ онъ славенъ сталъ.

Его здѣсь имя вѣчно живо:
И отрокъ, и простолюдинъ
Припоминаютъ горделиво,
Что былъ и онъ Виченцы сынъ.

Для нихъ руки его созданья,
Сихъ стройныхъ памятниковъ рядъ,
Часть родового достоянья,
Честь, радость и семейный владъ.

Театръ Олимпико! Эллады
Здѣсь водчій образъ воскресилъ:
Царя Эдипа ищутъ взгляды,
Ждешь, чтобъ Софокль заговорилъ.

Нахлынувшій народъ трепещетъ,
Какъ море въ вздрогнувшихъ волнахъ:
То весь онъ слухъ, то рукоплещетъ
Въ восторгѣ, страхѣ и слезахъ.

Предъ оживленною картиной,
Подъ стройнымъ вымысломъ пѣвца
Отзвались струной единой,
Въ одну струю слились сердца.

И уношусь я упоеньемъ
Въ вѣка, присущіе мечтѣ,
Когда и жизнь была служеньемъ,
И міръ былъ храмомъ красотѣ.

II.

Но вотъ звонокъ призывный внемлю —
Готовый поѣздъ запыхтѣлъ:
Другой Икаръ, съ небесъ на землю
Я прозаически слетѣлъ.

Берешь билетъ, поспѣшно съ ношей
Бѣжишь, чтобъ взвѣсили ее,
И гульденовъ, и зильберггрошей
Пригоршни высыплешь за все.

Тамъ, какъ на приступъ, безъ просрочки,
Сквозь давку полѣзай въ вагонъ,
Гдѣ ждуть тебя, какъ сельди въ бочкѣ,
Шесть джентльменовъ и баронъ.

Съ машины вѣетъ запахъ смрадной,
Вагоны тронулись, летятъ,
И рельсы подъ долбней громадной
То глухо стонутъ, то скрипятъ.

Что за слова и что за звуки!
Ихъ техникой плѣнился свѣтъ:
Быть можетъ, много въ нихъ науки,
Но ужъ изящности въ нихъ нѣтъ.

Гдѣ тутъ поэзія? Поблекла
Она, и паръ ее коптитъ.
Какъ далеко мы отъ Софокла,
И самъ Палладіо забыть.

Другіе дни — другая сила,
На насъ повѣялъ новый духъ;
Зажглись обширныя горнила,
Но прежній пламенникъ потухъ.

Имъ жизнь и міръ весь озаряли
Счастливой древности умы,
Но эти варвары не знали
Всего, что выдумали мы.

Прекрасной жизни — старцы эти
Первосвященные жрецы:
А мы, потребъ новѣйшихъ дѣтъ, —
Механики и кузнецы.

DCXXX.

ВЕРОНА.

Стезей, себѣ межь горъ прорытой,
Бушуя Адиже течеть,
И грохоть волнь его сердитой
Свой вопль скаламъ передаетъ.
Въ ней южный пыль, въ ней южной страстью
Злопамятно кипятъ волна:
Не хочетъ быть подѣ чуждой властью,
Не хочетъ Эчемъ быть она.

Ей это имя въ стыдъ и горе:
Чтобъ это имя не носить,
Спѣшитъ она въ глубокомъ морѣ
Его съ собою потопить.
Вотъ почему она такъ рвется,
И видъ такъ гнѣвенъ и суровъ,
И такъ запальчиво несется
Вдоль ей постылыхъ береговъ.

Но между тѣмъ, волнуясь гнѣвомъ,
Порой въ теченіи своемъ,
Какъ будто жалобнымъ напѣвомъ
Она тоскуетъ о быломъ.

Своей Вероны помнить славу,
Свободы бурной времена,
Когда въ народную забаву
Междоусобья и война

Умы и души возжигали
Отвагой буйной и враждой,
И злобно Гвельфы наступали
На Гибеллиновъ въ смѣлый бой.
Она любила шумъ и смуты
Сихъ завсегда тревожныхъ дней,
Закаль и доблестный, и лютый
Своихъ заносчивыхъ дѣтей.

Вражды Монтевки съ Капулетти
Поднесъ еще дымится кровь:
Но ихъ довѣрчивыя дѣти
Местъ промѣняли на любовь.
Цвѣтами, нѣгой безмятежной
Благоухаютъ садъ и ночь —
Съ балкона внемлетъ рѣчи нѣжной
Младая Капулетти дочь.

Ромео! Страстная Жюльетта!
Здѣсь видимъ васъ, здѣсь слышимъ васъ,
И съ пѣсню жавронка, — поэта
Разсказъ еще волеуетъ насъ.
Любовь сошла на вашу младость,
Но рано цвѣтъ ея увялъ;
Любовь была вамъ не на радость,
И гробъ одинъ васъ обвѣнчалъ.

Въ года изгнанья эти воды
Поили славнаго пѣвца,
Когда его томили всходы
Крутого чуждаго врыльца.

Когда подъ язвами кручины
Въ враждѣ съ людьми, въ враждѣ съ собой
Ему былъ горевъ хлѣбъ чужбины
И душень въ воздухъ неродной.

DCXXXI.

Lago di Garda — яхонтъ синій
Въ оправѣ изумрудныхъ горъ:
Здѣсь, словно грозныя твердыни,
Громады скалъ встаютъ въ упоръ.

А тамъ, спускаясь горнымъ сватомъ,
Цвѣтутъ лимонныя сады;
Изъ-за столбовъ красивыхъ, златомъ
На солнцѣ рдѣютъ ихъ плоды.

Несется лодка зыбью синей,
И зыбь, какъ зеркало, чиста:
Во слѣдъ плѣнительной картинѣ
Другой картины красота.

Все и повсюду заглядѣнье —
И на горахъ, и на водѣ:
Край тихій — спорное владѣнье
Сосѣдей межъ собой въ враждѣ!

Съ любовью нелицепріятной
На всѣхъ ты ласково глядишь
И всѣхъ улыбкой благодатной
Ты въ общей радости миришь.

Не зная Гвельфовъ, Гибелиновъ,
Природа всѣмъ родная мать,
Не станетъ въ распрѣ властелиновъ
За ту или другую рать.

Равно ей, кто бь страной ни вѣдалъ,
Хоть Гибелинъ изъ хладныхъ странъ,
Хоть новый Гвельфъ, что Ниццу предалъ,
Чтобы въ подарокъ взять Миланъ.

Не быть ей хуже, ни пригожѣй,
Ей не въ почетъ и не въ упрекъ —
Стой подъ ружьемъ здѣсь на сторожѣ
Ла Мърмора иль Бенедекъ.

Храни, о путникъ, мудрость ту же
И, вѣря въ красоту одну,
Безъ справокъ о законномъ мужѣ
Влюбляйся по-просту въ жену.

ДСХХІІ

Вотъ улыбнулось Дезенцапо
Надъ свѣжей утренней волной,
Какъ дѣва, съ ложа вставши рано,
Въ стеклѣ любитъ себя собой.

Салд (но не читайте сѣло)
Глядитъ, какъ за потухшимъ днемъ
Темнѣетъ озера зеркало
И тускнеть въ сумракѣ ночномъ.

Мадерно, Рива, Тремозине,
Подъ тѣнью горной высоты,
Прохладно нѣжатся на лонѣ
Природы, полной красоты.

Поэзіей и вдохновеньемъ
Здѣсь упивается мечта,
Любуясь съ тайнымъ наслажденьемъ
На живописныя мѣста.

Одно ужъ имя благозвучно!
Тѣ звуки память затвердить,
А съ ними вмѣстѣ перазлучно
И свѣтлый образъ сохранить.

ДСХХХІІІ.

М Е Р А Н Ъ .

І.

Со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ вершинъ
Стремятся шумные потоки,
И голоса ихъ въ гулъ одинъ
Слились, то близкій, то далекій.

Водоточивая земля!
Гнѣздо ундинокъ и форелей,
Когда тобой люблюсь я,
Сдается мнѣ, что и доселѣ

Еще просохнуть не могли
Потопа древняго разливы:
Но благодѣтелемъ земли
Онъ здѣсь поитъ сада и нивы;

Деревьямъ ростъ и плодъ даетъ,
Подъ зноемъ дня даритъ прохладу
И безпрестанно взоръ влечетъ
Отъ водопада къ водопаду.

Какъ пѣснь земли, какъ горный даръ,
Звучать безъ умолку ихъ волны:

Луга, лѣса, ущелья горъ
И день, и ночь ихъ пѣньемъ полны.

Ихъ грохотъ слышенъ въ шумномъ днѣ
И заглушаетъ дня тревоги,
И вздрагиваетъ ночь во снѣ
Тамъ, гдѣ потокъ стучитъ въ пороги.

II.

Здѣсь вода, но здѣсь и горы,
И какія, сколько ихъ!
Разомъ не окинуть взоры
Скатовъ и вершинъ крутыхъ.

Зелень всѣхъ оттѣнковъ нѣжныхъ
Разстиляется ковромъ,
Кое-гдѣ подъ племомъ снѣжнымъ
Горы блещутъ серебромъ.

А внизу, въ ложбинѣ чудной,
Гдѣ потокъ неувротимъ,
Словно въ ваннѣ изумрудной,
Мы безвыходно сидимъ.

III.

Замками, замкамъ во слѣдъ,
Здѣсь облѣпились всѣ горы,
Дивихъ, воинственныхъ лѣтъ
Башни, засады, затворы!

Много видали вы битвъ,
Приступовъ, дракъ рукопашныхъ,
Много и жепскихъ молитвъ -
Слышали въ дняхъ этихъ страшныхъ.

Братья, мужья, сыновья
 Бьются и падаютъ въ битвѣ,
 Жены, невѣсты, семья
 Дома въ слезахъ и молитвѣ

Къ образу Дѣвы Святой
 Ставятъ усердно лампаду,
 Молятъ, да Промыслъ благой
 Въ душу пошлетъ имъ отраду

Замки, окрестности страхъ,
 Гнѣзда орловъ кровожадныхъ, —
 Рыцарей, смѣлыхъ въ бояхъ,
 Местью къ врагамъ беспощадныхъ.

Нынѣ — развалины вы;
 Бродятъ въ васъ мрачныя тѣни;
 Зеленью свѣжей травы
 Блещутъ помоскъ и ступени;

Крови, обрызгавшей ихъ,
 Нѣтъ ни слѣда, ни помину,
 Нѣтъ и потѣхъ боевыхъ,
 Славой вѣнчавшихъ дружину.

Путнику съ дальнихъ сторокъ,
 Васъ посѣтившему нынѣ,
 Вы — лишь минувшаго сонъ,
 Прелесть и прихоть въ картинѣ.

IV.

Иль новой жизнью облеклись
 Старинныхъ замковъ пепелища,
 Обломки заново срослись
 Въ гостепріимныя жилища.

И какъ улыбчивы они!
Свѣтлѣютъ окна ихъ прозрачно,
Тогда какъ въ боевые дни
Все было заперто и мрачно.

Весна балконовъ легкихъ рядъ
Цвѣтущей зеленью прикрыла,
Обильемъ розъ воздушный садъ
Свѣжо украсилъ ихъ перила.

Сквозь вѣтви мраморы глядятъ,
Струя играетъ въ водометѣ
И брызжетъ въ грудь молодыхъ наядъ,
Почившихъ въ сладостной дремотѣ.

Гдѣ смерть грозила изъ бойницъ,
Гдѣ возвышался мостъ подъемный,
Гдѣ угасалъ въ глуши темницъ
И юноша, и старецъ томный,

Тамъ безопасно, безъ заботъ,
На лонѣ мира и свободы
Теперь молодая жизнь цвѣтетъ
Въ виду цвѣтущей съ ней природы.

Владѣльцы этихъ древнихъ стѣнъ
Узнать ихъ не могли бы нынѣ:
Ни ихъ самихъ, ни тѣхъ временъ
Грозы и нравовъ нѣтъ въ поминѣ.

И развѣ дѣвѣ въ тѣмѣ ночной
Въ сихъ мрачныхъ нѣкогда палатахъ
Приснится рыцарь молодой
Подъ племомъ, въ панцырѣ и латахъ;

Его привѣтствуетъ она
Улыбкой дѣвственной и милой,

И власть обманчиваго сна
Ее чаруетъ тайной силой;

И только утромъ этотъ сонъ
Смущаетъ думъ ея стыдливость,
И на душу наводитъ онъ
Невыразимую тоскливость.

Чего-то ждетъ, кого-то ждетъ
Она въ волненьи и надеждѣ,
Ей чудится — ее зоветъ
Красавецъ въ рыцарской одеждѣ!

Счастливая своей мечтой,
Когда приляжетъ въ изголовью,
Томится днемъ она тоской
И безымянною любовью.

V.

По ребрамъ горъ сѣдой волною
Такъ низко бродятъ облака,
Что такъ и кажется порою,
Легко схватила бъ ихъ рука.

Когда же тучи заволочатъ
Крутыя маковки вершинъ,
О, какъ онѣ глаза морочатъ
Фантасмагоріей картинъ.

Есть что-то общее, родное
Въ причудливомъ разрѣзѣ горъ
И въ фантастическомъ покровѣ,
Которымъ тучи тѣшатъ взоръ.

Намъ въ людяхъ плоскость надоѣла,
И къ высямъ просятся мечты,

Когда ихъ пошлость одолѣла
Средь населенной тѣсноты.

Имъ скучно, душно въ ровномъ полѣ,
Имъ любо рыскать по горамъ,
Имъ хочется летать по волѣ
Во слѣдъ свободнымъ облакамъ.

Воображенью тутъ раздолье —
Волшебный міръ предъ нимъ раскрытъ,
Думъ полусонныхъ своеволие
Что хочетъ, то и разглядить.

Какъ крѣпость, горная громада
Здѣсь башни въ тучи уперла;
Ей не страшна враговъ осада,
Не сдастся гордая скала.

А вотъ волшебный замокъ темный,
Нѣтъ въ замкѣ оконъ, нѣтъ дверей:
Царевну карликъ вѣроломный
Тутъ держать узницей своей.

А вотъ утесъ глядитъ монахомъ
Съ могильнымъ заступомъ въ рукѣ,
И дѣва робкая со страхомъ
Проходить мимо вдалькѣ.

А тучи какъ многообразно
И поэтически глядятъ,
Какъ съ каждою минутой разно
Мѣняется ихъ видъ и селадъ.

То, чудится, звѣринецъ цѣлый
Разсыпался по небесамъ:
Вотъ левъ, верблюдъ, вотъ лебедь бѣлый
Плыветъ по синимъ полосамъ;

Лежать кудрявые барашки,
Звѣрей невиданныхъ стада,
И будто вылетаютъ пташки
Изъ бирюзоваго гнѣзда.

Киты, причудливья рыбы,
Какихъ и въ океанѣ нѣтъ,
То серебра, то снѣга глыбы,
То надъ горами горъ хребетъ

Прозрачны, зыбки эти горы
И огиедышущи онѣ:
По нимъ то радуги узоры,
То вьются молнии въ огнѣ.

Когда жь лучами золотыми
На тучи солнце блескъ прольетъ,
Съ златыми кровлями своими
Воздушный городъ возстаетъ.

Дворцы и храмы... вотъ свѣтлица:
У раствореннаго окна
Сидитъ красавица-дѣвица
И улыбается она.

Предъ налетающей грозою
По вѣтру волны облавовъ
Несутся бурною рѣвою
Безъ дна, русла и береговъ.

А вотъ въ взволнованное море
Преобразились облака,
И флотъ крылатый на просторѣ
Летитъ, поднявши паруса.

Въ калейдоскопѣ небосклона
Вдругъ моря нѣтъ, и сгинулъ флотъ;

Вотъ развѣваются знамена,
И вѣтеръ треплетъ ихъ и рветъ.

Здѣсь ратный строй въ красѣ суровой
Разлегся грозно вдоль горы,
И облака картиной новой
Разбились въ бѣлые шатры.

Охота... псовъ задорныхъ стая
Бѣжитъ поляной въ вышинѣ,
За ними серну догоняя,
Охотникъ мчится на конѣ.

Вдали, подъ утреннимъ туманомъ
Или при мѣсячныхъ лучахъ
Плывутъ во слѣдъ за Оссіаномъ,
Съ золотыми арфами въ рукахъ,

Моины тѣнь и тѣнь Фингала,
Лицомъ въ лицу, рука съ рукой,
И растворяется Валгала
Передъ прекрасною четой.

Здѣсь собранъ въ стройномъ безпорядкѣ
Музей всего, что только есть,
На что въ причудливомъ припадкѣ
Со сна мечты могли бѣ набрѣсть.

Вотъ въ тучи витязь изваянный
Весь въ латахъ на гробницѣ спитъ,
А вотъ и призракъ безымянный
Бѣжитъ безъ ногъ, безъ крыль летитъ.

Тамъ мрачныя каріатиды
Поддерживаютъ неба сводъ,
А здѣсь прозрачныя сильфиды
Вплелись въ воздушный хороводъ.

Вотъ алебастровыя чаши,
Издѣлье мастерской руки;
Вотъ даже въ родѣ простокваши
Молочно-сизые куски.

VI.

Лачуга съ тѣсною конуркой
И та здѣсь зрѣнію мила;
Здѣсь зелень свѣжей штукатуркой
Ее красиво обвила.

Надъ воротами, иль въ простѣнкахъ,
Средь плюща, цѣпкихъ павиликъ
Изображенъ въ живыхъ оттѣнкахъ
Святого благодатный ликъ.

Семьи и дома онъ хранитель,
Во всемъ споспѣшникъ, доброхотъ,
Въ бѣдѣ падсжннй утѣшитель
И покровитель всѣхъ работъ.

Кругомъ природы даровитость,
Травъ благовонье, злачность ихъ,
Деревьевъ тѣнь и плодovitость,
Бразды волосьевъ золотыхъ;

Подъ окнами съ горы несется
Хрустальной влагой водопадъ,
Кудрявый виноградникъ вьется,
И розами алѣетъ садъ.

ДСХХХІV.

П. А. ПЛЕТНЕВУ и О. И. ТЮТЧЕВУ.

Вамъ двумъ, вамъ спутникамъ той счастливой плеяды,
Которой нѣкогда и я принадлежалъ,
Вамъ, сохранившимъ вкусъ, сочувствія и взгляды,
Въ которыхъ нашъ кружокъ возросъ и возмужалъ,
Вамъ я безъ робости, но и не самохвально,
Довѣрчиво несу тетрадь моихъ стиховъ.
Что наблюдалъ мой умъ, что на сердце печально
Иль свѣтлымъ заревомъ цвѣтныхъ и бѣлыхъ сновъ
Ложилось въ тайныя минуты вдохновенья,
О чемъ мнѣ плакалось, чему смѣялся я,
Порывы добрыхъ чувствъ, ошибки, заблужденья,
Невольные грѣхи земного бытія,
Мои пристрастія, но съ чувствомъ безкорыстнымъ,
Все, что прочувствовать, продумать мнѣ пришлось,
Любовь къ добру, вражду къ продѣлкамъ ненавистнымъ,
Всю исповѣдь мою, всего меня насквозь,
Прочтете вы въ моей предательской тетради.
Осудите не разъ вы въ ней неточный стихъ,
Самоуправство словъ стопы иль рѣчмы ради,
Подчасъ незвучный складъ иль прозу строфъ моихъ,
Но строго не щадя замѣтовъ и упрека,
Худое выбросивъ изъ малаго добра,

Вы будете искать въ поэтѣ человека,
И чувства выкупать погрѣшности пера.
Писалъ не для молвы, писалъ я на безлюдьи.
Читателей моихъ вкругъ страшно порѣдѣлъ:
Жуковскій съ Пушкинымъ мои бывали судьи,
Я старыхъ потерялъ, а новыхъ не обрѣлъ;
Но вы остались мнѣ, въ васъ память ихъ живая,
Вы публика моя, вы мой ареопагъ,
Въ васъ свято теплится еще любовь родная,
Которою свѣтлѣлъ семейный нашъ очагъ.
О прошломъ вспоминать еще могу я съ вами;
Въ насъ отголосокъ есть отъ порванной струны,
Мѣняться можемъ мы знакомыми рѣчами,
Преданьями родной, намъ общей старины.
Я публику люблю въ театрѣ и на балахъ,
Но толками ея не слишкомъ дорожу.
Найдеть ли бѣсъ стиховъ—не мыслю о журналахъ.
Похвалить—очень радъ. Освищать—не тужу,
Я бѣгать не любилъ съ толпой за многобожествомъ,
За мнѣніемъ въ чести и за людьми въ ходу,
И рабски имъ служить пружиной иль подножествомъ
И попугаемъ быть съ другими наряду.
Мнѣ нравилась всегда неторная дорога;
Что мыслилъ—высказалъ, что чувствовалъ—пропѣлъ,
И въ осень уголокъ домашняго порога
Цвѣтами поздними убралъ я, какъ умѣлъ.
Кого жь, когда не васъ, дней лучшихъ старожилы,
На скромный праздникъ мой мнѣ въ гости пригласить?
Другихъ, любезныхъ намъ, не вызывать изъ могилы:
Что время разнесло, того не воротить.
Доволенъ буду тѣмъ, когда своей хандрою,
Я васъ разжалоблю иль шуткой разсмѣшу.
Примите жь вы мой даръ съ радушной простотою,
Съ любовью, какъ и я его вамъ подношу!

DCXXXV.

ШЛОССЪ ПЛАНТА.

Люблю я посѣщать зеленый этотъ замокъ;
Весь плющемъ онъ обвить, какъ толстою стѣной,
И надъ ворѣтами, и вдоль оконныхъ рамокъ
Кудряво вьется плющъ зеленою рѣзьюбой.

Футляръ, въ которомъ скрытъ вѣковъ клейнодъ огромный,
Ножны ужъ ржавчиной покрытаго меча,
Пожалуй, на мѣху и плащъ зеленотемный,
Который старецъ нашъ накиннулъ на плеча.

Другъ замка, плющъ хранить его отъ разрушенья,
Его развалины вѣтвями онъ спаялъ.
Искусство не придастъ такого украшенья:
Въ трудѣ за вѣкомъ вѣкъ природѣ помогаль.

И создали они прелестную картину,
И ненаглядную, и чудную глазамъ:
Не перенести ея на мертвую холстину,
Хоть будь ты Рюисдаль, хоть будь другой Каламъ.

Здѣсь обитать должна зеленая царица
Обросшихъ лѣсомъ горъ и рощей, и дубравъ;

При ней и дворъ ея, русаловъ вереница
Въ вѣнкахъ лѣсныхъ цвѣтовъ, вѣтвей и свѣжихъ травъ.

Когда въ ночной тиши потокъ разноситъ грохотъ
И при лунѣ вишитъ серебряной волной,
Онѣ сливаются съ шумъ пронзительный свой хохотъ
И средь зеленыхъ стѣвъ справляютъ шабашъ свой.

DCXXXVI.

Здѣсь, гдѣ подѣ синевой небесной
Землей устроень свѣтлый пиръ,
Гдѣ средѣ цвѣтовъ, въ тѣни древесной,
Цвѣсти бы долженъ вѣчный миръ —

И злость беретъ, и сердцу больно,
Когда путеводитель мой
Уважетъ мнѣ самодовольно
На мѣстность, гдѣ былъ грозный бой.

Онъ все исчислить, все предъявить
И по листкамъ природныхъ вартъ
Не хуже Тьера вамъ представить,
Какъ гналъ цесарцевъ Бонапартъ,

Иль послѣ какъ цесарцы тѣ же,
Вступивъ опять на свой рубежъ,
Громили ядрами — понеже
Народный имъ грозилъ мятежъ.

Здѣсь бранныхъ жертвъ хранятся кости,
Тамъ плотно врѣзалось ядро —
Такъ званые природой гости
Ей платятъ за ея добро.

За крѣпостцою скалить крѣпость
 Бойницъ смертельные ряды:
 Людей кровавая нелѣпость
 И звѣрство дикой ихъ вражды.

Все человѣческою бойней
 Глядитъ, все запятнала кровь;
 А кажется, гдѣ бы спокойнѣй
 Могли жить братство и любовь?

Въ опальной сторонѣ—добро бы
 Въ Камчаткѣ—люди были злы:
 Тамъ вѣчно снѣжные сугробы,
 И неба нѣтъ, а царство мглы;

Въ потьмахъ и съ горя, и со скуки
 У злой природы въ кабалѣ
 Пускай бы упражнялись руки
 Въ кровавомъ этомъ ремеслѣ.

Но здѣсь въ раю, на лонѣ злачномъ
 Всѣхъ нѣгъ, всѣхъ радостей земныхъ,
 Какъ можно, въ ослѣпленьи мрачномъ,
 Не знать цѣны и блага ихъ?

Свою Аркадію какъ можно
 Преобразить въ военный станъ
 Такъ, что смущаютъ жизнь тревожно
 Набать, пальба и барабанъ.

DCXXXVII.

Давно плыву житейскимъ моремъ,
Не разъ при мнѣ вздымался валъ,
Который счастьемъ или горемъ
Пловцовъ случайно заливалъ

Но въ красный день и подъ пенастымъ
Не могъ я хорошо понять,
Что люди признавали счастьемъ
И что способны горемъ звать.

Ихъ поиски мнѣ были чужды,
И чужды ихъ заботъ плоды.
Въ ихъ счастья не имѣлъ я нужды,
Въ ихъ горѣ не видалъ бѣды.

Чужому мнѣнью, словно игу,
Не подставлялъ я головы;
Какъ зналъ, читалъ я жизни книгу,
Но не со словъ людской молвы.

Теперь, что съ альфы на омегу
Я окончательно попалъ,
Теперь, что послѣ бурь во брегу
Несетъ меня послѣдній валъ,

Еще съ толпою разнороднѣй
Своимъ фарватеромъ плыву,
И мнится мнѣ, все сумазброднѣй
Всѣ люди бредятъ на яву.

Я правъ, иль вѣтъ? Не мнѣ задачу
Рѣшить; но съ грустью сознаюсь —
О торжествахъ я часто плачу,
А надъ страданьями смѣюсь.

DCXXXVIII.

Гдѣ вы, мои розы,
Розы венаглядныя?
Любовались вами
Очи, очи жадныя.

Дорогія гости,
Гости ежедневныя,
Гдѣ вы, мои думы,
Думы задушевыя?

Гдѣ вы, мои пташки,
Пташки голосистыя?
Оживлялись вами
Глубины тѣнистыя.

Гдѣ вы, мои пѣсни,
Пѣсни, складомъ бѣдныя,
Но сердечной жизни
Тайны исповѣдныя?

Опало зноемъ
Розы нѣжноалыя,
Разметала буря
Листья ихъ увялыя!

Запугали пташевъ
Дни ненастногрозные,
Вьюги и матели,
Холода морозные!

Запугали люди
Думы многолѣтныя,
Заглушили люди
Пѣсни безотвѣтныя!

DCXXXIX.

На жиломъ берегу,
На людской сторонѣ
Грустно мнѣ, тошно мнѣ,—
И сказать не могу.

Убѣжалъ бы я прочь
Подъ дремучую тѣнь,
Гдѣ въ зеленую ночь
Потонулъ яркій день;

Гдѣ деревья сплелись
Изумруднымъ шатромъ,
Гдѣ цвѣты разрослись
Мягкимъ, свѣжимъ вавромъ.

Отъ житейскихъ тревогъ
Я бы тамъ отдохнулъ,
На цвѣты бы прилегъ
И безопасно заснулъ.

ДСХІ.

Мнѣ нужны воздухъ вольный и широкій;
Здѣсь роши тѣнь, тамъ небосклонъ далекій,
Раскинувшій лазурную парчу,
Луга и жатва, холмъ, оврагъ глубокій

Съ тропинкою въ студеному влючу,
И тишина, и сладость нѣги праздной
И день за днемъ всегда однообразной:
Я жить усталъ,—я прозябать хочу.

DOXLI.

МАТЕРИ ОТЪ ДѢТЕЙ.

Хоть говорливо сердце наше,
Но бѣденъ дѣтскихъ словъ запасъ;
А есть одно, — одно всѣхъ краше
И всѣхъ понятнѣе для насъ.

И безъ уроковъ научила
Ему насъ Божья благодать,
Имъ насъ она благословила, —
Святое слово это: мать!

Оно такъ мило, такъ привѣтно.
Душѣ такъ радостно-свѣтло;
Оно съ молитвой незамѣтно
Намъ въ душу...

И въ этомъ словѣ — слово такъ много.
Отецъ, семья, родная сѣнь
И все, чѣмъ съ лаской у порога
Насъ жизнь встрѣчаетъ въ свѣтлый день.

И въ Промыслу любовь возносимъ
Мы дѣтскимъ голосомъ своимъ,
И о тебѣ Его мы просимъ,
И за тебя благодаримъ.

ДСХЛЦ.

ПОМИНКИ.

Дельвигъ, Пушкинъ, Баратынскій,
Русской музы близнецы,
Съ бородою Бородинской
Завербованный въ пѣвцы,

Ты, наѣздникъ, ты, гуляка,
А подчасъ и Жомини,
Сочетавшій пѣснь бивака
Съ пѣсню нѣжною Парни!

Ты, Языковъ простодушный,
Нашъ заволжскій соловей,
Безыскусственно послушный
Тайной прихоти своей!

Ваши дружескія тѣни
Часто вьются надо мной,
Вашихъ звучныхъ пѣснопѣній
Слышенъ мнѣ напѣвъ родной.

Ваши споры и бесѣды,
Словно шли они вчера,

И веселые обѣды
Вплоть до самаго утра,

Все мнѣ памятно и живо.
Привоснетесь вы меня,
Словно вызоветъ огниво
Искръ потоки изъ кремня.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужъ замолъшія давно,
Въ столкновеньи милой встрѣчи
Все воспрянетъ заодно.

Дѣло пополамъ съ бездѣльемъ,
Трудъ степенный, нѣги лѣнь,
Смѣхъ и грусти за весельемъ
Набѣгающая тѣнь,

Все, чѣмъ жизни блескъ наружной
Соблазняетъ легкій умъ,
Все, что въ тишинѣ досужной
Пища тайныхъ чувствъ и думъ,

Сходить все благимъ наитьемъ
Въ поздній сумракъ на меня,
И событьемъ за событьемъ
Льется памяти струя.

Въ ихъ живой потокъ невольно
Окунусь я глубоко,
Сладко мнѣ, свѣжо и больно,
Сердцу тяжело и легко.

ДСХЛІІІ.

ДОРОГОЮ.

Были годы, было время —
Я любилъ пускаться въ путь;
Думъ домашнихъ сброшу бремя,
И лечу куда-нибудь.

Любо духомъ встрепенуться
И повыше отъ людей
Вольной птицей овунуться
Въ вольномъ воздухѣ полей.

Мчатся удалше кони,
Рѣжутъ воздухъ на лету;
Съ этой ухарской погони
И въ морозъ они въ поту.

Тутъ коляски легкой качкой
Разыграется мечта,
И восторженной горячкой
Заглагольствуютъ уста.

Только звонко застрекочетъ
Коловильчичь-стрекоза,

Риема тотчасъ вслѣдъ наскочетъ,
Завертится егоза.

И пойдетъ тутъ перестрѣлка:
Коловильчикъ дробью бьетъ,
А воструха-скороспѣлка
Свой трезвонъ себѣ несетъ.

И подъ ихъ скороговорку
Обаяньемъ умъ обдасть.
Ну, ящичекъ, съ горы на горку,
А на водку барникъ дастъ.

Нипочемъ мнѣ дождь и ведро,
Лѣто, осень и зима;
Заѣзжалъ я даже бодро
Въ станціонные дома,

Родъ сараевъ, балагаповъ,
Гдѣ содержатъ для гостей
Очень много таракановъ,
Очень мало лошадей.

Нынѣ — старость одолѣла,
Прихотливѣе я сталъ;
Съ грустнымъ увяданьемъ тѣла
И мой духъ попріувалъ.

Нужень комфортъ мнѣ; добра же
Нѣтъ того здѣсь и примѣтъ,
Нѣтъ въ російской жизни, даже
Въ словарѣ російскомъ нѣтъ.

И на риему нѣтъ улову,
Разбрелись двойчатки врозь,
Не пригонишь слова къ слову —
Все ложатся вкривь и вкось.

DCXLIV.

ВЕВЕЙСКАЯ РЯБИНА.

Впучкъь моей Катъ Вяземской.

Я отыскалъ свою рябину,
Которой пѣснь я посвятилъ.
Съ которой русскую кручину
Здѣсь на чужбинѣ я дѣлилъ.

Въ нарядномъ, красномъ сарафанѣ,
Подъ блескомъ солнечнаго дня,
Еще пышнѣй, еще румянѣй
Глядитъ красавица моя.

Радужно-ласковымъ привѣтомъ
Мы молча обмѣнялись съ ней:
Красуясь предъ своимъ поэтомъ,
Съ гостепріимствомъ прежнихъ дней,

И чѣмъ богата, тѣмъ и рада,
Спѣшитъ землячка мнѣ поднести
Кисть намъ родного винограда,
Родныхъ садовъ живую вѣсть.

А я принесъ въ твои поляны
Года увядшіе мои,

И скорби новыя, и раны
Не заживающей души.

Когда же на землѣ простынетъ
Мой слѣдъ въ молчаньи гробовомъ,
И время въ сумракъ отодвинетъ
То, что своимъ теперь зовемъ,

Не все жь волной своей мятежной
Затопить быстрыхъ дней потокъ,
Хоть въ сердцѣ ближнихъ дружбой нѣжной
Мнѣ отведется уголокъ.

Въ весельяхъ юности безпечной
Подчасъ на самый свѣтлый день
Тайкомъ изъ глубины сердечной
Находить облачная тѣнь.

Въ тѣ дни, возлюбленная внучка,
Когда хандра на умъ найдетъ,
И память обо мнѣ, какъ тучка,
По небу твоему мелькнетъ,

Быть можетъ, думою печальной
Прогулку нашу вспомнишь ты,
И Леманъ яхотно-зерцальной,
И разноцвѣтныхъ горъ хребты,

Красивой осени картину,
Лазурь небесъ и облака,
Мою завѣтную рябину,
А съ ней и дѣда-старика.

DCXLV.

ЕКАТЕРИНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВОЙ.

Сегодня не однѣ вершины
Бѣлѣютъ снѣжнымъ серебромъ,
А забѣлѣли исполины
Во весь громадный свой объемъ.

Снѣгъ блещетъ сверху, блещетъ снизу,
Во глубь ущелій снѣгъ прилегъ —
Всѣ горы въ парчевую ризу
Одѣлись съ головы до ногъ.

Зима въ могуществѣ суровомъ,
Царица стужи и снѣговъ,
Являетъ въ образѣ намъ новомъ
Знакомый очеркъ береговъ;

Но Леманъ, ей не подчиняясь
И не запуганный зимой,
Все тотъ же, смотритъ, улыбаясь
Лазурной, лѣтней красотой.

Въ своей струистой позолотѣ
Въ него глядятся небеса;
И, споря съ птицами въ полетѣ,
Скользятъ и рѣютъ паруса.

DCXLVI.

КЛАДБИЩЕ.

Гдѣбъ ни былъ я въ чужбинѣ дальпой,
Мной никогда не позабыть
Тотъ уголь свѣтлый и печальный,
Гдѣ тихій ангелъ погребальный
Усопшихъ мирный сонъ храпитъ.

Оплакавшій земной дорогой
Любви утрату не одну,
Созрѣвшій опытностью строгой,
Паломникъ скорбный и убогой,
Люблю кладбища тишину.

Мнѣ такъ *сочувственны* могилы,
Въ землѣ такъ много моего,
Увядшихъ благъ, увядшей силы,
Что мнѣ кладбище — берегъ милый,
Что мнѣ привѣтливъ видъ его.

Предавшись думамъ несказаннымъ,
И здѣсь я, на закатѣ дня
Спѣшу къ мѣстамъ обѣтованнымъ,
Къ могиламъ чуждымъ, безымяннымъ,
Но не безмолвнымъ для меня.

Среди цвѣтовъ въ тѣни древесной,
Кладбище здѣсь — зеленый садъ,
Насъ не смущаетъ давкой тѣспой
Гробницъ и съ спѣсью полновѣспой
Тщетою воздвигнутыхъ громадъ.

Въ виду — величество природы,
Твердыни вѣчныхъ горъ кругомъ
И вѣчно подвижныя воды,
То блескъ небесъ, то непогоды
Въ прекрасномъ ужасѣ своемъ.

Вблизи — все пепель, да обломки,
Вся наша немощъ въ тлѣ своей;
Близъ предковъ улеглись потомки;
Могилъ молчанье и потемки,
Вотъ слѣдъ непрочныхъ нашихъ дней.

Но здѣсь нагорное кладбище
Поближе въ небу вознеслось,
Прозрачный воздухъ здѣсь и чище,
И дней минувшихъ пепелище
Цвѣтущей жизнью облеклось.

Здѣсь все свѣжо, вездѣ просторно,
Здѣсь словно ратный станъ почилъ
По битвѣ жарвой и упорной,
И къ почившымъ отдыхъ благотворной
Бойцовъ и страсти умирилъ.

DCXLVII

Жизнь, какъ въ дарахъ ни будь обильна,
Всегда условенъ каждый даръ,
Но смерть наноситъ безусловный,
Всепоглощающій ударъ.

Подчасъ не только разоряетъ
Она все то, чѣмъ жизнь цвѣла,
У насъ смерть часто отымаетъ
И то, что не давала жизнь.

Здѣсь нѣтъ оцѣнки соразмѣрной
Въ нетвердомъ обладаньи благъ,
Съ утратой ихъ всегда столь вѣрной,
Къ которой преть насъ каждый шагъ.

Мы нѣжно ближняго любили,
Но въ эту частную любовь
Не исключительно вложили
Мы нашу душу, плоть и кровь.

Средь общихъ звеньевъ жизни нашей
Была и жизнь его звеномъ,
Но не въ нему мы закрѣплялись
Своимъ сердечнымъ бытiемъ.

А разорвись звено такое, —
И словно съ нимъ оборвалась
Вся наша бодрость, наша вѣрность,
Всей жизни нашей нить и связь.

И смерть одна, одна могила,
На все кругомъ бросаетъ тѣнь,
И словно меркнуть всѣ свѣтила,
Которыми сіялъ нашъ день.

DCXLVIII.

Лишь сѣли мы въ вагонъ, лишь тронулась громада,
Вотъ мимо поѣзда покойнича несутъ,
Въ печальномъ шествіи надгробнаго обряда.
Худой иль добрый знакъ, иль просто случай тутъ?
Богъ вѣдаетъ! Но кто бь ты ни былъ, братъ усопшій,
Прости и миръ тебѣ! Ты дома, конченъ путь,
А насъ еще несетъ водоворотъ всеобщій;
Какъ знать, гдѣ намъ придется отдохнуть!

DOXLIH.

ПАМЯТИ ***.

Благоухающее масло
Въ лампадѣ золотой погасло,
Увянуль радостный цвѣтокъ,
Которымъ любовались очи:
Не дождался онъ поздней ночи,
И до полудня онъ поблекъ.

Но дышитъ воздухъ благодатной
Еще ихъ нѣгой ароматной,
Хранить онъ ихъ душистый слѣдъ,
Ихъ улетученную сладость;
И долго намъ еще на радость
Они, когда ужъ ихъ и нѣтъ.

Я зналъ здѣсь милое созданье, —
Что было въ немъ за обаянье,
Не могутъ выразить слова.
Она была томна, игрива,
И цѣломудренно-стыдлива,
И увлекательно жива;

Струились кудри золотыя,
Какъ незабудки голубыя,

Свѣтлѣли нѣжные глаза;
 Равно весельемъ и тоскою
 Всеспальны были надъ душою
 Ея улыбка и слеза.

Душа въ ней добротой сіяла,
 Душа ея благоухала,
 Какъ чистый жертвенный сосудъ;
 И безъ сознанья, и небрежно
 Она цвѣла, какъ розы нѣжно
 И неумышленно цвѣтутъ.

Мечтательность германской дѣвы
 И юга страстные напѣвы
 Сливались стройно въ пѣснь одну,
 Всегда сочувственно, созвучно
 Умъ и душа шли неразлучно
 И въ часъ борьбы, и въ тишину,

Въ ихъ плачѣ, въ смѣломъ ихъ полетѣ.
 Моцарта, Шиллера и Гете
 Языкъ ей не былъ чуждъ и новъ;
 И у самой въ часы печали
 Въ груди мелодіи звучали,
 Какъ пѣсни Шуберта безъ словъ.

Но иногда при ней невольно
 Въ насъ сердце замирало больно
 И потрясалъ его испугъ:
 То жаръ въ лицѣ, то холодъ блѣдной
 Улыбой былъ, что въ дѣвѣ бѣдной
 Таится зрѣющій недугъ

И онъ, зловѣщій, неизбежной,
 Не пощадилъ добычи нѣжной
 И злобно сокрушилъ ее
 Во цвѣтѣ лѣтъ и упованій;

Не довершивъ всѣхъ ожиданій
Ея затмилось бытіе.

Ея ужь нѣтъ! но здѣсь и нынѣ,
Какъ изъ кадила предъ святыней
Струится благовонный дымъ,
Такъ и о ней воспоминанье
Свое разноситъ обаянье
И все пропитываетъ имъ.

Шагъ каждый, каждая картина,
Блескъ озера, горы вершина,
Когда послѣднимъ огонькомъ
На ней день гаснущій алѣетъ,
Иль въ утру ярко забѣлѣетъ,
Накрывшись снѣжнымъ полотномъ,

Тропинка тѣсная, крутая,
Вкругъ виноградниковъ виляя,
По . . . . . скалѣ,
При озерѣ зеркально-чистомъ,
Гнѣздо въ убѣжищѣ тѣнистомъ —
Свѣтло-привѣтливый шале —

Все рѣчь о ней со мной заводитъ
И память глубоко уходитъ
Въ отжившій міръ, минувшій сонъ;
Дней прежнихъ чудятся примѣты,
И хладный пепель, вповь согрѣтый,
Въ знакомый образъ возрожденъ.

Я живо помню наши встрѣчи,
Нѣмой восторгъ нашъ, наши рѣчи,
Въ виду съ днемъ каждымъ все милѣй,
Все привлекательнѣй природы;
Въ отчизнѣ, гдѣ сыны свободы
Достойны матери своей,

Вспоминали мы страдальца,
 Здѣсь отдохнувшего скитальца,
 Который этотъ край любилъ,
 И дико обществу враждебной
 Дѣтми своей мечты волшебной
 Край этотъ чудно заселилъ.

Онъ съ ними жизнью жилъ одною,
 Въ себѣ любовью и тоскою
 Онъ воплотилъ ихъ идеаль;
 Предавшись чарамъ ихъ и власти,
 Перестрадалъ онъ всѣ ихъ страсти,
 Ихъ всѣ восторги онъ позналъ.

И суевѣрно, и послушно
 Сроднившись съ нимъ единомушно,
 Искали жадно мы слѣдовъ
 Ему приснившихся видѣній,
 И посвящаль насъ вѣщій геній
 И въ смыслъ, и въ прелесть этихъ словъ.

Здѣсь все, какъ и во время оно:
 И Лэмана синѣть лоно,
 И горы такъ же хороши,
 И свѣтлый воздухъ вротко дышитъ,
 Но ужь нигдѣ душа не слышитъ
 Рѣчей знакомой ей души.

Еще и къ мертвой безпощадный
 Постлалъ ей ложе сѣверъ хладный
 Средь зимнихъ непогодъ и тьмы,
 И стынетъ подъ покровомъ снѣжнымъ
 Все то, чѣмъ съ умиленьемъ нѣжнымъ
 Въ живой такъ любовались мы.

Зачѣмъ не здѣсь она почила?
 Зачѣмъ не здѣсь ея могила,

Чтобы цвѣтами каждый день
Прахъ милый дружба осыпала,
Чтобъ свѣтлый берегъ облетала
Ея улыбчивая тѣнь?

DCL.

Сквозь зелень блѣдныхъ маслинъ
И померанцевъ яркихъ
Въ своихъ отбѣнкахъ жаркихъ
Синѣютъ небеса.

Сквозь зелень, какъ сквозь дымку,
Въ торжественномъ покоѣ
И море золотое
Красуется вдали.

Поэзія и солнце.—
Струями золотыми,
Струями голубыми
Все залито кругомъ.

Весь міръ — чертогъ волшебный!
Все — пышно, все — богато,
Все — изумрудъ и злато,
Все — яхонтъ и алмазь.

DCL I.

ОБЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ.

Твоя подстрѣленная птица
Такъ звучно-жалобно поетъ,
Намъ такъ сочувственно пѣвица
Свою тоску передаетъ,

Что вчужѣ насъ печаль волнуетъ,
Что, пѣсню скорби возлюбя,
Въ насъ сердце, вторя ей, тоскуетъ
И плачетъ, словно за себя.

Поэтъ, на язвы злополучья
Ты льешь свой внутренній елей,
И слезы перлами созвучья
Струятся изъ души твоей.

DCIИ.

ФРЕГАТЪ „АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ“.

За тридевятъ земель, за тридевятъ морей
Отъ нашей матушки Россіи православнои,
Намъ близкой и вдали, заочно сердцу явной,
Радушною семьей и братьевъ, и друзей,

На русской почвѣ мы, въ тѣни родного флага,
На смѣну старому, встрѣчаемъ новый годъ:
И русское „ура“ по лону чуждыхъ водъ
Гремитъ и — лется въ насъ веселье и отвага.

При вликахъ радостныхъ, при стукѣ звонкихъ чашъ,
И въ мысляхъ, и въ душѣ, и на устахъ: Россія!
Съ ней всѣ сочувствія, всѣ струны, намъ родныя,
Звуча, сливаются въ сердечный голосъ нашъ.

Тостъ первый — За Царя! Чтобъ Промыслъ съ каждымъ годомъ
Благословлялъ Его надежды и труды,
Чтобъ добрымъ въ торжество и на позоръ вражды
Съ днемъ каждымъ былъ тѣснѣй союзъ Его съ народомъ,

Чтобъ былъ отъ грозъ и тучъ очищенъ небосклонъ,
Чтобъ государственный корабль нашъ стройнымъ бѣгомъ,
Съ попутнымъ вѣтромъ шелъ впередъ святымъ ковчегомъ,
Который благостью Господней осѣненъ,

Чтобъ бодро Кормчій нашъ по сердцу и по праву,
Быль двигатель и стражъ державнаго руля,
Чтобъ свято Русскій Царь и Русская земля
Свершали подвигъ свой во благо и на славу!

Другой сердечный тостъ провозгласимъ съ мольбой.
Чтобъ неба южнаго цѣлительная сила
Здоровья нѣжный цвѣтъ въ Царицѣ укрѣпила,
Чтобъ долго, долго цвѣлъ онъ въ сторонѣ родной!

Тостъ дружескій и вамъ, сыны морской стихіи,
Вамъ, избраздившіе моря и океанъ,
Вамъ, благовѣстники народамъ чуждыхъ странъ
О славномъ имени и доблестяхъ Россіи!

Вамъ, смѣлые бойцы, на встрѣчу ль шеваль иль врагъ,
Вамъ, мирные гонцы любви международной,
Куда бъ васъ ни несли волна и вѣтръ свободной,
Вездѣ почетомъ былъ встрѣчаемъ русскій флагъ.

Спасибо вамъ и честь хозяину съ хозяйкой,
За русскую хлѣбъ-соль, за ласковый пріемъ —
И если южный дождь насъ заливалъ ведромъ,
Въ отвѣтъ ему вино лилось настольной шайкой.

Намъ нипочемъ и дождь, и пасмурная тѣнь,
Гдѣ на душѣ свѣтло, тамъ мѣста нѣтъ худому:
Ненастный день — на зло Матюшкѣ де ла Дрому —
Для сердца и любви быть можетъ красный день.

DCLIII.

ЗАМѢТКИ.

„L'esprit court les rues“.

1.

Умъ и у насъ въ большомъ ходу,
Но такъ по улицамъ онъ рыщетъ,
Что если въ немъ пужда, то на бѣду
Нигдѣ никто его не сыщетъ.

2.

Кто спать не ляжетъ, рабъ привычки,
Чтобъ не прочесть хоть что-нибудь:
Фроль не прочтетъ и полстранички
Хоть днемъ, чтобъ тотчасъ не заснуть.

3.

Глашатыи соціальныхъ бредней,
Онъ въ пошлыхъ выходкахъ своихъ
Совсѣмъ не изъ передовыхъ,
А забіяка—изъ передней.

4.

На нашей почвѣ урожайной
 Все скоро зрѣеть и растеть,
 Все съ силою необычайной
 Сторичный цвѣтъ и плодъ даетъ.

Кто бы ни брякнулъ глупость сдуру.
 Небось, не пропадетъ она:
 Въ широко-русскую натуру
 Она заброситъ сѣмена.

Пойдетъ расти — и жатвой тучной
 Ужь загустѣла полоса,
 И сразу глупость громкозвучно
 Подхватятъ хоромъ голоса.

5.

Поэты стараго почета
 Съ вершинъ своихъ сойти должны:
 Намъ некогда, намъ не охота
 Честить кумиры старины.

Ихъ наша молодая школа
 Похоронила навсегда.
 Вотъ неречень изъ протокола
 Ея верховнаго суда:

„Нѣтъ — Пушкинъ не поэтъ народный,
 „Народности въ Жуковскомъ нѣтъ;
 „Ихъ стихъ жеманный и холодный
 „Родной струею не согрѣтъ.

„Имъ нужно въ зыби идеальной
 „Искать къ прекрасному слѣда;

„Природы ультра-натуральной
 „Имъ фотографія чужда.

„Они брезгливы, недотроги,
 „И, чинно разбирая путь,
 „Боятся и запачкать поги,
 „И палець въ омутъ обмокнуть.

„Изъ захолустья сора, хламу
 „И дряни съ задняго двора
 „Они не сваливаютъ въ яму,
 „Какъ мы, лопаткою пера.

„Аристократы, бѣлоручки,
 „Имъ только, чтобъ цвѣтки срывать,
 „Но жемчугъ средь навозной кучки
 „Чутьемъ пронюхать не подь стать.

„Пожалуй, братьямъ сострадая,
 „Они отъ скорби ихъ не прочь,
 „И духъ ихъ павшій ободряя,
 „Готовы немощи помочь.

„Они возвысить жизнь хотѣли,
 „Любовь въ прекрасному возжечь
 „И силой слова въ высшей цѣли
 „Толпу безумную привлечь.

„Что жь! Все реторикн туманы!
 „Но не видать, чтобъ кто изъ нихъ
 „Цѣдилъ и кровь, и гной изъ раны
 „Но каплямъ въ фельдшерскій свой стихъ;

„Чтобъ все, что низко, все, что гнусно,
 „Что отвратительно другимъ,
 „Особенно имъ было вкусно
 „И чѣмъ-то лакомо-роднымъ;

„Чтобы развратомъ любовались,
 „Его возстаповляя честь,
 „Чтобы въ грязи они купались,
 „Затѣмъ, что грязь въ природѣ есть.

„Великосвѣтскихъ нравовъ узы
 „Ихъ мысли и полеть гнетутъ,
 „Съ подбитымъ глазомъ пьяной музы
 „Они въ кабакъ не заведутъ.

„Гдѣ жь ихъ народность? стихъ вроили
 „Не на родномъ они станѣ,
 „Да и по русски говорили
 „Не на ямщицвомъ языкѣ“.

6.

Есть прогрессистъ, и изъ числа горячихъ,
 Которому паука не далась,
 А съ ветошью другой онъ у носячихъ
 Купилъ ее на рынкѣ ономнися.

На свой аршинъ онъ человѣка мѣритъ,
 Перевроилъ его себѣ подъ стать,
 Онъ двойственной натурѣ въ насъ не вѣритъ
 И въ насъ души не хочетъ признавать.

Онъ говоритъ: натура не двояка,
 Въ скотахъ и въ насъ способности однѣ,
 И, если безъ души живетъ собака,
 Такъ почему жь душѣ быть и во мнѣ?

7.

Мы дѣйствуемъ и мыслимъ съ ними розно
 Не потому, что намъ обидна ихъ вражда;

Бѣда не въ томъ, что пишутъ слишкомъ грозно,
А грязью пишутъ эти господа.

8.

Нашъ диллетанте Молешотъ,
Системъ повѣйшихъ верхолетъ,
Въ журналахъ въ чинѣ запѣвала,
Ужасно радъ и гордъ, узнавъ,
Что въ человѣческой составъ
Частичка входитъ и крахмала.
Душою онъ не дорожитъ,
Но за крахмалъ онъ свой стоитъ.
Учености запасъ мой малый
И щеголять имъ не берусь,
Но, пробѣгая вскользь журналы,
Въ которыхъ молодая Русь,
На все и всѣхъ поднявши розгу,
Насъ огрѣваетъ не шутя,
Чутьемъ догадывался я,
Что, можетъ статья, мало мозгу
Дано природой кой-кому;
Что часто на пустое мѣсто
Пошло картофельное тѣсто,
Иль дрянъ подобная тому.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ,—и вотъ что чудо —
Какъ ни вязка ихъ голова,
А мысли въ ней влеятся худо
И расклеились всѣ слова.

9.

Вашъ прогрессистъ закуралесиль:
Какъ знамя блага и любви,
Маленько обмокнувъ въ брови,
Онъ трянку грязную развѣсилъ,

И зазываетъ онъ народъ,
 Чтобъ тотъ къ нему собрался сходкой:
 Какъ савоярдъ сапожной щеткой
 И пыль сотреть, и лакъ натреть.

Берется онъ умы и нравы
 Подчистить, скрасить, освѣжить
 И зѣново перебѣлить
 Державъ и общества уставы.

Но время и задоръ губя,
 Напрасно силъ онъ не жалѣеть:
 Другихъ очистить не сумѣеть,
 А только пачкаетъ себя.

10.

Природа всѣмъ намъ мать родная;
 Не спорю я, но для чего жь,
 Дѣтей дарами падѣляя,
 Неровенъ та въ ея дѣлежъ?

Здѣсь—солнце, апельсины, розы,
 Природы прелесть и любовь,
 А тамъ—туманы да морозы,
 Капуста, рѣдька и морковь.

11.

Скользя налѣво и направо,
 И педагогъ, и демагогъ,
 Она гоняется за славой
 На парѣ арлекинскихъ ногъ.

Ей и въ ученя святыни,
 И въ клубы черни входъ легокъ:

Одна нога обута въ синій,
Другая въ красненькій чулокъ.

12.

Для женщины удѣлъ единый—
Быть просто женщиной во всемъ;
А просится ль она въ мужчины —
Въ ней прелести не признаемъ.

Мужчина женственный постыденъ,
Мужская женщина жалка,
Когда въ ней Гравхъ мятежный виденъ,
Иль отъ чернилъ черна рука.

Бываютъ грустною попыткой,
Природѣ женской вопреки,
Заштопаные красной ниткой
Учено-синіе чулки.

13.

Разъ кѣмъ-то сказано остро и очень встатн:
„Любовь есть эгоизмъ вдвоемъ“,
А въ этомъ уголку семейной благодати
Любовь есть коммунизмъ втроемъ.

14.

Онъ вовсе не Гомеръ, а общее съ нимъ что-то:
О старцѣ спорили семь древнихъ городовъ
О немъ, хоть и не семь, могли,—была бь охота —
Поспорить нѣсколько отцовъ.

15.

Своимъ перомъ тупымъ и бурнымъ
Бѣлинскій, какъ девятый валъ,

Искандеромъ литературнымъ
 Во время оно бушевалъ.

Теперь за нимъ съ огнемъ воинскимъ
 Искандеръ самъ на бой предсталъ
 И политическимъ Бѣлинскимъ
 Разсудокъ ломить наповалъ.

16.

Онъ общимъ мнѣньемъ былъ разбитъ на обѣ корки,
 И сталъ съ тѣхъ поръ важнѣй и болѣе надуть —
 Знать, держится и онъ пародной поговорки
 „За битаго — небитыхъ двухъ даютъ“.

17.

Нѣтъ, на него повлепомъ не грѣши
 И двоедушья ты не взваливай напрасно.
 Онъ двоедушецъ? Вотъ прекрасно!
 Да въ немъ нѣтъ и одной души.

18.

Вездѣ, гдѣ только есть возможность,
 Заявить онъ свое лицо,
 На все способную ничтожность
 И пышно-глупое лицо.

19.

Башибузукъ литературный,
 Бѣлинскій, критикъ прежнихъ лѣтъ,
 Сказалъ, что минулъ вѣкъ мишурный
 И что авторитетовъ нѣтъ.

Нелѣпость подхватили братья,
 Пошла писателямъ рѣзня;
 Всѣ наши лавры безъ изъятя
 Добыча рубки и огня.

Затѣмъ на скопищѣ клеветовъ
 Рѣшилъ верховный ихъ совѣтъ,
 Что, такъ какъ нѣтъ авторитетовъ,
 Вѣлинскій ихъ авторитетъ.

20.

Пенять цензурѣ памъ не встати:
 Намъ служить выручкой опа,
 За наши пошлости въ печати
 Во всемъ отвѣтствуетъ одна.

Теперь мы прячемся за нею,
 И я за то ее люблю,
 Что можемъ ей валить на шею
 Несостоятельность свою.

Журналы ль скучны, пусты ль книги,
 Въ очистку можемъ мы сказать,
 Что подъ цензурныя вериги
 Должны мы умъ поработать.

Что мы теперь, какъ Прометей,
 Къ скалѣ прикованные вплоть,
 Что жадно коршуны-злодѣи
 Терзаютъ нашу мысль и плоть;

Что безъ цензурныхъ притѣсненій
 Собой мы удивили бѣ мѣръ,
 Что вы и я—подъ гнетомъ геній,
 Въ тискахъ Вольтеръ или Шекспиръ.

Намъ добродушно довѣря,
И публика за насъ стоитъ
И, насъ съ зѣвотою читая,
Не насъ, а цензоровъ бранить.

Нѣтъ, братцы, разсудите сами,
Бранить цензуру намъ грѣшно;
Къ тому же можно, между нами,
Еще замѣтить вамъ одно.

Хотя имѣемъ мы цензуру,
И даже не одна у насъ,
Все жъ часто умничаемъ слуру
И завираемся подчасъ.

Не будь же никакой цензуры
И разрѣши перо и духъ,
Широкорусскія патуры
Могли бы разовратиться въ пухъ.

21.

Въ писцахъ заморскихъ напихъ встати
Тому найду примѣры я,
Въ сей разгулявшейся печати
Великорусскаго вранья.

Тамъ безнаказанно, безгрѣшно,
Не подлежащіе суду,
Они отбросили поспѣшно
Ума и совѣсти узду.

Какъ пьянымъ по волѣно море,
Въ чернилахъ по уши они,
Купаясь вдоволь на просторѣ,
Такъ врутъ, что Богъ оборони!

Врать на чужбинѣ ширь и воля,
Врать дома какъ то все труднѣй:
Страшисъ цензурнаго контроля,
Да стыдно и своихъ людей.

Пожалуй, дома руки свяжутъ,
Иль, что обиднѣй и того,
Всѣ пальцемъ на враля укажутъ
И смѣхомъ оглушатъ его.

Въ чужомъ народѣ, какъ угодно,
На языкѣ, для всѣхъ чужомъ,
Пиши, витійствуй сумазбродно,
И не провѣдаютъ о томъ.

А Гарибальди добронравный
Радъ вѣрить на слово тебѣ,
Что геній ты, писатель славный
И боекъ въ письменной борьбѣ.

22.

Теперь всему и всѣмъ законъ —
Законъ общественнаго мнѣнья,
Непогрѣшимъ, всевѣдущъ онъ,
Какъ судъ земного провидѣнья.

Прекрасно! Но нельзя ль узнать,
Котораго изъ обществъ мнѣнье
Должны общественнымъ считать,
Чтобы не пасть намъ въ преступленье?

Вѣдь много обществъ и кружковъ:
Когда „что городъ, то и норовъ“,
То сколько будетъ городовъ,
Начтется общихъ приговоровъ.

И въ томъ же городѣ, но врозь
Живуть и мыслятъ горожане,
И что однимъ на вкусъ пришлось,
Другимъ противно ужъ заранѣ.

Не всѣ поють на тотъ же ладъ
И вѣрны одному сигналу:
Вездѣ свой толкъ, свой судъ, свой взглядъ,
Смотря по званью и кварталу.

Что смотрить бѣлымъ за Невой
Быть можетъ чернымъ на Литейной,
И кто слыветъ орломъ въ Морской
Слыть можетъ олухомъ въ Бассейной.

Грѣшно бѣ журналамъ попрекнуть —
Всѣ за общественное мнѣнье:
А рѣчь зашла ль о чемъ-нибудь —
Тутъ Вавилонское смѣшенье;

Пошли кто въ лѣсъ, кто по дрова:
Въ чужое мнѣнье—громъ провлятья!
И льются крупныя слова
Въ защиту мелкаго понятья.

Во всемъ духъ равенства любя,
Другъ другу кличка: враль нелѣпой, —
И все не лично отъ себя,
А за общественною скрѣпой.

Еще вопросъ, ихъ впрочемъ тьма,
Ихъ подбирать любому воля:
На долю правды и ума
И лжи, и глупости есть доля.

Не всѣ же люди — мудрецы,
Не каждый умникъ пресловутый:

Есть, вѣроятно, и глупцы,
Слыхалъ я даже, есть и плуты.

Ну, если—Боже, сохрани—
Въ удѣлъ дана имъ повсемѣстность,
Ну, если въ большинствѣ они,
А въ меньшинствѣ и умъ, и честность?

Тутъ какъ найти прямой исходъ,
Чтобы провѣрить гласъ народа?
Какъ отдѣлить отъ дегтя медъ,
Иль деготь выбросить изъ меда?

Общественнаго мнѣнья гласъ
Не всегда есть лозунгъ вѣрный,
И часто увлекаетъ насъ
Онъ въ омутъ всякой лжи и скверны.

Вотъ Мойка, чѣмъ же не рѣка?
По ней скользятъ за лодкой лодка;
Вода проточна, глубока,
И жаждѣ, важется, находка;

Но если разложить ее,
То вамъ докажетъ выводъ самый,
Что въ ней зловерное питье
И много свойствъ помойной ямы.

23.

Нѣтъ, я отъ гласности не прочь,
Но добросовѣстно-разумной,
Готовой истинѣ помочь,
Не сплетнями, не бранью шумной;

Но рѣчью чуждою страстей,
Но хладнокровнымъ правосудьемъ,

Чтобъ слово въ святости своей
Служило праведнымъ орудьемъ.

Гдѣ гласность — будь и правота!
Но жрецъ и вѣщій ей не важдой.
Ея правдивыя уста
Не возгорятъ соблазновъ жаждой.

Ея возвышенный глаголь
Не признаетъ стремленьемъ въ благу
Намековъ ѣдвихъ произволь
И злорѣчивую отвагу.

Не съ желчью личнаго врага
Суди людей, пиши ихъ повѣсть:
Будь гласность и къ себѣ строга
И цѣломудренна, какъ совѣсть.

Она есть исповѣдь за всѣхъ.
Будь исповѣдникомъ житейскимъ,
Но не смотри на братнинь грѣхъ
Съ самодовольствомъ фарисейскимъ.

Когда отъ язвъ и суеты
Начнешь лечить чужіе нравы,
Спроси себя: самъ здоровъ ли ты,
И всѣ ль твои внушенья здоровы?

Въ смиреньи, въ правдѣ и любви
Предъ подвигомъ свой духъ очисти;
Но гласностью- ты не зови
Проказъ кощунствующей висти.

И Гоголь былъ судья и врачъ,
Но у него въ борьбѣ съ развратомъ
И о себѣ намъ слышенъ плачь
Въ рыданіяхъ надъ падшимъ братомъ.

Не свысока онъ насъ училъ,
 Не въ доктринерствѣ хладночерствомъ
 Онъ насъ за слабости корилъ,
 А угождалъ себѣ потворствомъ.

Чтобъ игрищемъ народъ привлечь,
 Не лѣзь онъ въ гласность, какъ потѣшникъ,
 Въ порокъ вонзая острый мечъ,
 Опъ самъ былъ кающійся грѣшникъ.

И съ нимъ идемъ рука съ рукой
 Въ одномъ сочувствіи горячемъ;
 Съ нимъ и смѣемся надъ собой,
 И надъ собой мы горько плачемъ.

24.

Какъ тамъ Катона онъ ни корчи,
 Нѣтъ, правотой онъ не Катонъ,
 Нѣтъ, язвъ общественныхъ и порчи
 Плохой и врачъ, и цензоръ онъ.

Недугомъ вѣка самъ хвораю,
 Тѣмъ пуще онъ неизлѣчимъ,
 Что немощей своихъ не зная,
 Не признаетъ себя больнымъ.

Недугъ кощунства и безвѣрья
 Въ немъ разразился, какъ гроза,
 И знойпой тьмой высокомѣрья
 Опалены его глаза.

Даль Богъ ему талантъ и силу;
 Онъ могъ оружіемъ пера
 Дать пищу внутреннему пылу
 И быть въ бою бойцомъ добра

Что жь пользы ближнимъ въ этихъ силахъ?
Кого онъ поднялъ, просвѣтилъ?
Онъ прѣпилъ умъ свой на чернилахъ,
Онъ желчью силы истоцилъ.

Въ запоѣ злости, словно хмеля,
И возлюбивъ ума развратъ,
Всѣхъ дрызгъ, всѣхъ сплетней пустомеля,
Онъ всякой влелеты набать.

Жизнь промотавши безтолково,
Самъ свой предатель, самъ свой врагъ,
Онъ посягнулъ на мысль и слово,
На святость этихъ чистыхъ благъ.

Мужъ строгой правды можетъ строго
Судить и братьевъ, и владыкъ:
Въ укорахъ благодати много,
Когда ихъ чистъ и святъ роднякъ.

Но нужно, чтобъ ума съ любовью
Въ наставникѣ окрѣпла связь,
И чтобъ перо не пахло кровью
И не обмакивалось въ грязь.

Къ отчизнѣ чувствомъ сердобольнымъ
Любовь воспламенить ли грудь?
Не поджигателемъ крамольнымъ,
А просвѣтителемъ ей будь.

Врачуй ее живымъ примѣромъ
И строгой мудростью рѣчей,
Но балаганнымъ Робеспьеромъ
Ты не паясничай предъ ней.

Грѣшно изъ мести нль съ досады,
Какъ чернь парижскихъ мостовыхъ,

На фразахъ строить баррикады,
Чтобы буянить изъ-за нихъ.

Предъ юностью и братьей нищей
Грѣшно соблазны расточать
И алчность отравленной пищей
Въ нихъ возбуждать и раздражать.

Лжепедагоги, лжепророки,
Задорно-пошлые умы!
Гдѣ люди есть, тамъ и пороки;
Безъ васъ все это знаемъ мы.

Ждемъ поучительнаго слова,
Мы ждемъ врачующей руки,
Чтобъ здравьемъ грудь окрѣпла снова
Въ часы недуга и тоски.

Но нѣтъ въ васъ благодатной силы,
Въ васъ ни любви, ни воли нѣтъ,
Чтобъ могъ неопытный иль хилый
Найти въ васъ помощь и совѣтъ.

Одни кощунства и проклятья!
А въ знакъ учепости своей
Берете цѣликомъ понятья
Изъ якобинскихъ букварей.

Все дребезжить въ васъ старой пѣсню,
Какъ новой вличкой ни зови,
Все заросло гнилою плѣснюю
И все заржавѣло въ крови.

Ученья ваши намъ не новы,
Мы въ школѣ слышали объ нихъ;
Мы изучали смыслъ суровый
Ихъ силлогизмовъ роковыхъ.

Несчастныхъ жертвъ ихъ списокъ длинной
 Мы помнимъ, знаемъ мы давно,
 Какъ много крови неповинной
 Обману въ дань принесено

Во дни крамоль, злодѣйствъ и страха,
 Когда наука та цвѣла:
 Палачъ—учитель былъ, а плаха —
 Кровавой кафедрой была.

25.

Противорѣчишь ли ему хоть мало-мальски, —
 Достопочтенный мужъ сейчасъ вспылитъ нахально,
 И, чтобы доказать, что правъ онъ досконально,
 Противника начнетъ ругать достоканальски.

26.

Какъ ни хвали его усердный кругъ друзей,
 Плохой поэтъ былъ ихъ покойникъ;
 А если онъ и соловей,
 То развѣ соловей-разбойникъ.

27.

Двухъ вовсе разныхъ лицъ въ виду недугъ имѣя,
 Не даромъ именовъ однимъ ихъ и зовуть:
 Одинъ —извѣстный Кривошея,
 Другой —извѣстный Кривосудъ.

28.

Въ припадкѣ зависти запосчивой и грубой
 Всѣхъ въ кровь перекусать злой бѣсъ его поджегъ:

Но эпиграммою беззубой
Онъ только насъ замуслить могъ.

29.

Одну весну онъ знать привыкъ,
Весну, что биржа намъ даруетъ,
Весну, которою торгуешь
Въ своей лавчонкѣ зеленщикъ.

Онъ алчно ждетъ весеннихъ дней,
Но вовсе не глядитъ Жанъ-Жавомъ:
Нѣтъ, просто онъ ужасно лакомъ,
До устриць и крапивныхъ щей.

30.

Прекрасенъ міръ. Театръ великолѣпно-чудный!
Исчислить всѣ его богатства, красоты
И то ужъ подвигъ многотрудный,
А рѣчью передать и не надѣйся ты.
Дивишься стройности громады необъятной,
Спокойствію ея въ движеніи перемѣнъ
И сочетанію изящности пріятной
Съ прекраснымъ ужасомъ великолѣпныхъ сценъ.
Всѣ декорации — картины,
Какихъ ты не найдешь въ музеяхъ, ни дворцахъ:
Волшебно дѣйствуютъ незримыя пружины
Въ своихъ глубокихъ тайникахъ;
И въ цѣломъ, и въ частяхъ роскошное строенье,
Куда ни посмотри — повсюду заглядѣнье!
А скучно и тоской сжимается душа:
Бѣда... актеры-скоморохи
Ужъ черезчуръ бываютъ плохи,
И весь репертуаръ не стоитъ ни гроша.

31.

Спросите Бисмарка: Къ чему
 Дерутся храбрые Пруссаки?
 Изложеть онъ доводовъ тьму
 Для объясненья этой драки.

Но въ этой тьмѣ никто бѣ не могъ
 Добратся до прямого смысла:
 Скорѣй сведешь въ одинъ итогъ
 Кабалистическія числа.

Спросите Рехберга: Къ чему
 За Пруссавами и Австрійцы,
 На зло радушью своему
 Такіе львы и кровопійцы?

И онъ словъ много наплететь,
 Глубокомысленныхъ посылокъ,
 Но умъ въ толкъ ихъ не возьметъ,
 Какъ ни чеши себѣ затылокъ.

Гдѣ нѣмецъ и говорѣзь,
 Еще онъ тутъ головоломень,
 Онъ въ бой на чистоту полѣзь,
 Но самый бой съ исходомъ темень.

Ведеть войну онъ, но не съ тѣмъ,
 Чтобъ растолстѣть на счетъ сосѣдства,
 А чтобъ рѣшить одну изъ темъ,
 Которыми беременъ съ дѣтства.

Опъ разрѣшится ль въ прокъ? Иль плодъ
 Свой выкинетъ? Не все жь пропало.
 Все жь мозгъ трещалъ и капалъ потъ,
 А о Минервѣ горя мало.

На слабыхъ поднѣлъ онъ булатъ,
Не изъ тщеславья, не изъ мести,
На одного пошелъ самъ пять,
Все безкорыстно, все изъ чести.

Все съ тѣмъ, чтобъ цѣлость оградить
Имъ разоряемой державы,
Чтобъ святость права утвердить,
Затѣявъ нагло бой неправый.

Поди, тутъ что-нибудь пойми!
И мы должны съ стыдомъ сознаться:
Гдѣ тамъ съ учеными людьми
Намъ бѣднымъ неучамъ тягаться?

Ни Пуфендорфъ, ни Жюмини
Не скажутъ, что это за схватка:
Попробуй, въ Гегеля нырни,
Быть можетъ, въ немъ войны разгадка.

DCCLIV.

ТОСКА ПО ЗАПОЗДАЛОМЪ.

Гдѣ запоздалаго найти мнѣ? Бога ради,
Скажите. За толпой пусть онъ плетется сзади,
Съ нимъ мыслью хочется, мѣняясь, отдохнуть:
Все жь, гдѣ-нибудь онъ былъ, все жь видѣлъ что-нибудь,
Все жь знаетъ что-нибудь и съ опытомъ справлялся;
За прогрессистами бѣжать я запыхался.
Кружится голова, захватываетъ духъ,
Отъ треска громкихъ словъ оглохъ мой бѣдный слухъ,
Пестрѣть и рябитъ въ глазахъ отъ фейерверка
Событій. Намъ нужна оглядка и повѣрка
Того, что мы прошли, чтобъ знать куда идемъ.
Мы все жь бѣжимъ впередъ и опыта не ждемъ,
И хвастаемся тѣмъ, что, обгоняя время,
Напропалую жнемъ чуть зрѣющее сѣмя.
Учились съ дѣтства мы изъ греческихъ былинъ,
Что Кронъ, богъ времени, отецъ и семьянинъ,
До дѣтовъ лакомый, ихъ кушалъ на здоровье.
Мы измѣнили все — и даже баснословье.
Теперь ужь дѣтки мы, ожесточивъ сердца,
Глотаемъ, не жуя, дражайшаго отца.
Глотать все второпяхъ легко, но безразсудно,
И переваривать сырую пищу трудно.
Не по желудку мнѣ вашъ скороспѣлый плодъ,

Не по моимъ ногамъ усиленный вашъ ходъ,
 Не по глазамъ вашъ блескъ, калейдоскопъ и грозы.
 Измучили меня всѣ ваши стипель-чезы.
 Сдается, брошенъ былъ я въ Нарвскій водопадъ,
 И мнѣ кричать: „Плыви за нами!“ Плыть я радъ.
 Но сами, господа... дерзну ль спросить—но сами
 Плывете ль вы? Иль васъ выпучими волнами
 Уносить, бѣшено крутятся, водоворотъ?
 Гдѣ жъ запоздалый мой, скажите? Но не тотъ,
 Который сиднемъ сѣлъ вблизи большой дороги,
 И какъ валить народъ глядитъ, поджавши ноги.
 Нѣтъ, мой и самъ идетъ: но только не спѣша,
 Взглядъ свѣтлый, бодрый шагъ, здоровая душа;
 Какъ пахарь, гдѣ пройдетъ, онъ тамъ распашетъ нивы,
 Посѣетъ сѣмена, и мудро терпѣливый
 Онъ ждетъ, чтобы насталъ желанный жатвы день,
 Но ждать по вашему, есть глупость или лѣнь
 Въ вашъ вѣкъ, на скорья продѣлки расторопный,
 Онъ жалкій выродокъ, уродъ онъ допотопный;
 Глумитесь вы надъ нимъ. Онъ ждетъ: не должно ждать;
 На это умъ и умъ, чтобы вершки хватать.
 Осель и терпѣливъ, и тяжести таскаетъ,
 Но выпрений орелъ летаетъ, да летаетъ;
 Съ презрѣньемъ смотритъ онъ съ надоблачныхъ высотъ,
 Какъ вся земная тварь повинности несетъ.
 Такъ въ облакахъ своихъ и наши верхолеты,
 Хоть вовсе не орлы, не жалуютъ работы.
 На ломку—ихъ еще подыметъ рука:
 Задѣтъ, поколебать, что строили вѣка;
 Попытку эту имъ легко себѣ усвоить;
 Но строить некогда, да имъ и нечѣмъ строить.
 Въ запальчивомъ умѣ, не зрѣющемъ отъ лѣтъ,
 Нѣтъ силъ зиждительныхъ, но и запасовъ нѣтъ.
 Такъ далеко впередъ они ужъ забѣжали,
 Что чужды ихъ глазамъ минувшаго скрижали.
 Заглядывать ли имъ въ сокровища вѣковъ?

Идти ль имъ по слѣдамъ тѣхъ избранныхъ умовъ,
Которыхъ имена и память, и заслугу
Вѣка въ ходу своемъ передаютъ другъ другу?
А впрочемъ строиться иной изъ нихъ и радъ,
Гдѣ можно приступить къ постройкѣ баррикадъ.
Смотрите, вотъ примѣръ въ бойцѣ намъ всѣмъ знакомомъ:
Онъ пишетъ не перомъ, а топоромъ да ломомъ,
Все рубить онъ съ плеча, все потрясаетъ онъ,
Все силится сломить и съ корнемъ вырвать онъ.
Журнальный Пугачевъ и гаеръ балаганный,
Пуская въ торгъ листокъ безсовѣстный и бранный,
Онъ чернь читателей бунтуетъ и смѣшитъ.
Начнетъ ли разсуждать? Онъ пошлостью томить.
Захочетъ ли учить, какъ править государствомъ?
Врачъ немощей людскихъ, беретъся ль онъ лекарствомъ,
Самимъ состряпаннымъ, бороться съ общимъ зломъ
И вѣрною рукой, и правильнымъ путемъ
Больного общества возстановить здоровье?
Тутъ хлынетъ изъ него потокомъ празднословье.
Нѣтъ слова дѣльнаго, чтобъ къ дѣлу примѣнить,
Иль что-нибудь извлечь, хоть съ тѣмъ, чтобъ въ споръ вступить.
Онъ бѣшенъ на словахъ, но такъ онъ пусть на дѣлѣ,
Что даже нечего и спорить съ пустомелей.
Вотъ онъ передовой въ главѣ передовыхъ,
Учитель ихъ и вождь, законодатель ихъ.
Чего жь отъ прочихъ ждать, которые толпою,
Какъ хвостъ, волочатся за этой головою?
Не всѣхъ глупѣе враль, когда онъ дичь несетъ:
Онъ тѣшитъ самъ себя и отъ избытка вретъ.
Нѣтъ, во сто разъ его глупѣй тотъ людъ, который,
Развѣся уши, ротъ разинувъ, эти вздоры
Пріемлетъ какъ законъ, покорствуешь ему,
И вѣруеть въ враля, не вѣря ничему.

Жаль человечество, а есть такіе люди:

Изъ твари мыслящей въ разрядъ слѣпыхъ орудій

Охотою идуть, рабы чужихъ страстей;
 Когда и злобствуютъ, то злобой не своей;
 Чужимъ грѣхомъ грѣшатъ, чужой любовью любятъ,
 Ласкаютъ, гдѣ велятъ, а гдѣ прикажутъ — рубятъ.
 Плащъ, взятый на прокатъ, — ихъ мнѣнья и слова;
 На туловнщѣ ихъ — чужая голова!

И въ старые года, — признаться въ этомъ надо, —
 На пажитяхъ мірскихъ паслось такое стадо.
 Одинъ другому вслѣдъ бараны и тогда,
 Не вѣдая зачѣмъ, не вѣдая куда,
 На кормъ иль на убой, съ покорностью слѣпою,
 По дудкѣ пастуха, шли сжавшейся толпою.
 Но наши пастухи стариннымъ не чета.
 Мы впечатлительны: то правда, то мечта
 Въ извѣстный часъ людей довѣрчивыхъ иль страстныхъ
 Уносятъ силою сочувствій полновластныхъ,
 И, если въ тишинѣ раздастся звучный гласъ,
 И струны чуткія, таящіяся въ насъ,
 Пробудитъ онъ своимъ могущественнымъ словомъ
 И намъ укажетъ цѣль на небосклонѣ новомъ,
 Въ пророкѣ избранномъ вождя признавъ себѣ,
 Въ одномъ служеніи съ нимъ и съ нимъ въ одной борьбѣ
 Идемъ не стадомъ мы, а мыслящею ратью,
 Подъ честнымъ знаменемъ, соединившимъ братью,
 Готовясь жертвовать и жизнью, но своей,
 Не по обычаю передовыхъ людей,
 Которые, при семъ ведя расчетъ не глупый,
 Такъ расточительны на жизнь другихъ, такъ скупы
 На собственную жизнь, цѣль нѣжныхъ ихъ заботъ.
 Великій умъ на всѣхъ печать свою кладетъ.
 Противится ему — не признакъ силы смѣлой,
 А блажь ребячества иль дури закоснѣлой.
 Но кто, скажите мнѣ, въ комъ искра смысла есть,
 Въ комъ совѣсть бодрствуетъ и щекотлива честь,

Кто въ кабалу пойдетъ, толкуя про свободу,
Къ вралю съ злымъ умысломъ, иль спроста сумазброду?

Не даромъ говорятъ: ученье людямъ свѣтъ,
Но и дитя безъ глазъ, гдѣ нянькамъ счету нѣтъ:
Посмотришь ли кругомъ—всѣ нынѣ дѣзутъ въ няньки,
Надутые своей пустою спѣсью яньки,
Глупцы, которые въ учителя пошли,
За тѣмъ, что ничему учиться не могли,
Всѣ ложною стезей прогресса и свободы
На помочахъ своихъ хотятъ вести народы;
Всѣ всѣхъ взялись учить въ пылу страстей слѣпыхъ,
И Вавилонскій столбъ подобье каедръ ихъ
Отъ лжеучителей правительствъ и народовъ,
Больныхъ, хромыхъ, кривыхъ вождей и скороходовъ,
Отъ ярыхъ крикуновъ, которыхъ ремесло
Даръ слова—лучшій даръ—употреблять во зло,
Отъ дикой сей орды опричниковъ свободы,
Зловѣщихъ знаменій народной непогоды,
Сихъ красныхъ деспотовъ, апостоловъ любви,
Съ рукой и совѣстью запачканной въ крови,
Отъ ихъ нелѣпостей до ужаса свирѣпыхъ,
Отъ ихъ свирѣпостей до крайности нелѣпыхъ,
Отъ всѣхъ избитыхъ фразъ и пошлой болтовни,
Которую въ расходъ пускаютъ въ наши дни
Умышленный обманъ иль глупая отвага
Подъ пестрой вывѣской общественнаго блага.
Отъ этой лжи въ дѣлахъ и на словахъ вранья
Мнѣ тошно, душно мнѣ, изнемогаю я!

Фиглярство смѣльчаковъ и робость малодушныхъ,
Успѣха нагло поклонниковъ послушныхъ,
Привыкшихъ передъ нимъ колѣно преклонять,
Готовыхъ всякому насильству честь воздать
И право давности за нимъ признать съ испугу:
Всѣ стачки съ низкими потворствами другъ другу

Передовыхъ людей, чтобъ заднихъ обмануть,
И въ цѣли, мимо ихъ, пробить украдкой путь:
Все это за одно мои досады множить
И огорчаетъ умъ, и желчь мою тревожить.
Ну, какъ же не желать убѣжища найти
Гдѣ бъ съ запоздалымъ могъ я душу отвести?

1865 г.

DCLV.

МАРИИ ФЕДОРОВНѢ ТЮТЧЕВОЙ

(ВЪ ДЕНЬ ЕЯ СВАДЬВЫ).

Я зналъ маіоромъ васъ когда-то,
И прочень былъ вашъ маіоратъ:
За трехъ — мать прелестью богата,
Отець — за трехъ умомъ богатъ.

Вы — ихъ наслѣдница прямая.
Я вамъ пророчилъ съ дѣтскихъ поръ,
Что съ чина въ чинъ перебѣгая
Пойдетъ далеко мой маіоръ.

Вамъ жезлъ фельдмаршальскій сулилъ я,
И онъ давно у васъ въ рукахъ;
Но съ суши васъ зоветъ флотилля
И ждутъ побѣды на моряхъ.

Счастливый бѣгъ и путь просторный,
Безъ мелей, бурь и грозной тьмы!
Пусть будутъ волны вамъ покорны,
Какъ вамъ покорствуемъ и мы.

И я привѣтствую съ любовью
Вашъ новый адмиральскій флагъ,

Съ желаньемъ вамъ, подѣ стать здоровью,
Земныхъ, морскихъ и всякихъ благъ.

Хоть измѣнили вы служенью,
Хоть берегъ опостылѣлъ вамъ
И предаетесь тревоженью
Во слѣдъ отважнымъ морякамъ,

Вамъ вѣрный въ свѣтлый день и въ смутный
Я все вашъ другъ — и наконецъ
Вашъ ветхій мичманъ сухопутный
И посаженный вашъ отецъ.

DCLVI.

Море широкое, море пространное,
Въ дальнемъ мерцаніи съ небомъ слянное,
Солнцемъ согрѣтое, море лазурное,
Подъ непогодою темное, бурное!
Все смотришь, все смотришь, нельзя васмотрѣться,
Все хочется видѣть и глубже взглянуть.

Солнцу на проводы вспыхнетъ ли зарево,
На морѣ, на небѣ чудное марево,
Льется узорами, блещетъ картинами;
Ризою, вышитой златомъ, рубинами,
Подернувшись рдѣютъ края небосклона,
И гладь голубая зеркальнаго лона.

На небѣ, нетронутомъ мглою, ни тучею,
Мѣсяцъ затеплится ль ночью дремучею, —
Вдругъ разыграется все, что туманится
Сребрянымъ панцыремъ зыбь отчеканится
За искрою искра, звѣзда за звѣздою,
Забрызжутъ сіяньемъ съ дрожащей волною.

Чудныя таинства морю присвоены,
Чудными пѣснями волны настроены,
Пѣсни всеощипыя, пѣсни вседневныя,
Звучно-могучія, томно-плачевныя,

Заслушавшись, сердце имъ вторить готово.
Но намъ измѣняетъ безсильное слово.

ПРИПИСКА.

Такъ про себя и вмѣстѣ съ вами,
Душей и чувствами самъ другъ,
Я любовался красотами,
Которыми такъ блещетъ югъ!

И снова жизнь въ груди струилась,
Вступая въ прежнія права,
Въ избыткѣ чувствъ душа просилась
Въ созвучья, пѣсни и слова.

Безъ васъ же море мнѣ не въ море,
И небеса не въ небеса,
Не та лазурь на ихъ просторѣ.
Не такъ ихъ звучны голоса.

Не такъ прозрачно и душисто
Горитъ и льется яркій день,
Не такъ и утро золотисто,
Не такъ жемчужна ночи тѣнь.

Не такъ роскошно смотритъ Ницца
Въ блестящемъ заревѣ чудесь,
Великолѣпная страница,
Въ поэмѣ моря и небесъ.

Цвѣтокъ приморскій и красивый,
Омытый серебряной волной,
Алмазъ, причудливо игривый
Въ своей оправѣ голубой.

Безъ васъ и Ницца ужъ не въ Ниццѣ,
Лучъ, ей сіявшій, потускнѣлъ,

И въ поэтической страницѣ,
Незамѣнимый есть пробѣлъ.

Безъ васъ все какъ-то безотвѣтно
И вопрошать охоты нѣтъ:
Калейдоскопомъ разноцвѣтно
Не такъ кружится пестрый свѣтъ.

Снуеть и вьется вереница
Сномъ и несвязнымъ, и пустымъ,
И я не вглядываюсь въ лица,
И не прислушиваюсь къ нимъ.

Вашъ мѣткій взглядъ и ваше слово,
Которое подъ ладъ уму,
Такъ живописно и такъ ново,
Даетъ и смыслъ, и блескъ всему,

Не будятъ соннаго вниманья,
Такъ равнодушнаго во мнѣ;
И я безъ вашего призванья
Нѣмѣю въ полумертвомъ снѣ.

И сознаю въ разлукѣ съ вами,
Что чуждый гость между людьми,
Смотрѣлъ я вашими глазами
И слушалъ вашими ушми;

Что поэтическимъ сіяньемъ
На мнѣ горѣлъ вашъ юный день,
И что я былъ подъ обаяньемъ
Вашъ отголосокъ, ваша тѣнь.

DCLVII.

На память о себѣ, какъ надпись на гробницѣ,
Въ дань дружбы искренней, на память и о ней,
Записываюсь я на бѣлой сей страницѣ,
Какъ вы записаны давно въ душѣ моей.

Цвѣтами радости вѣнчая жизнь младую,
Въ прелестномъ возрастѣ надеждъ и свѣжихъ сновъ,
Вы смотрите впередъ, въ даль свѣтло-голубую,
Въ душѣ и на небѣ не зная облаковъ.

Предъ вами жизни листъ, судьбой едва початый,
Будь Промысломъ благимъ отмѣчены въ немъ дни;
Мой неписала скорбь и тяжкія утраты,
Но милый образъ вашъ мнѣ свѣтится въ тѣни.

DCLVIII.

Забуть ли мнѣ прогулки наши,
Когда средь тишины ночной,
Въ златыхъ волнахъ лазурной чаши
Купался мѣсяцъ молодой.

И любовались мы съ весельемъ
И тайной грустью пополамъ,
Когда алмазнымъ ожерельемъ
Ночь рассыпалась по волнамъ.

И мракъ, и блескъ на нивѣ зыбкой
Подъ ночью въ золотомъ вѣнцѣ:
Такъ слезы съ тихою улыбкой
Родятся на младомъ лицѣ.

Въ ночи есть таинство святое,
Въ ней внемлешь чуднымъ голосамъ:
И все, что любимъ, все родное,
Сочувственнѣй и ближе намъ.

Въ ней есть тоска и упоенье,
Въ ней власть причудливая есть,
И въ душу сходить вдохновенье
И о невѣдомомъ намъ вѣсть.

Въ душѣ кружится перелетно
Рой свѣжихъ думъ и сновъ златыхъ:
Имъ предаемся безотчетно,
Имъ вѣримъ и лелѣемъ ихъ.

Забуду ль чудныя картины?
Здѣсь море зеркало небесъ,
Тамъ горъ кудрявыя вершины
Подъ темной зеленью древесъ.

И тамъ запрятавшись глубоко,
Невидимый въ тѣни вѣтвей,
И жалобно, и одиноко
Поетъ влюбленный соловей.

Благоухаетъ воздухъ свѣжій;
Готовясь на ночной походъ,
Здѣсь рыбаки собираютъ мрежи
И счастья ищутъ въ лонѣ водъ.

Отвагою ихъ лица полны,
И живописенъ ихъ нарядъ,
И про опасности и волны
Они съ любовью говорятъ.

Тамъ въ дальнемъ сумракѣ бѣлѣютъ,
Скользятъ, какъ тѣни, паруса,
И все блистательнѣй синѣютъ
И моря гладь, и небеса.

Какъ въ забытѣи природа дремлетъ
И все въ ней сладостно живетъ,
И ночью сердце чутко внемлетъ,
Какъ все молчитъ, какъ все поетъ.

И вмѣстѣ съ красотой природы
Вашъ образъ будетъ ли забытъ?

Пусть на меня ложатся годы,
Ихъ слѣдъ его не охладить.

Я помню — въ тихомъ созерцаньи
Задумчивъ вашъ и свѣтелъ взоръ:
Вамъ все прекрасное въ созданьи
Сродни отъ самыхъ дѣтскихъ поръ.

И все, что чисто, что высоко,
Чѣмъ жизнь свѣтла, чѣмъ учить насъ,
Все отражается глубоко,
Все будить отголосокъ въ васъ.

Вамъ внятны волнъ и рощей шумы
И говоръ ихъ въ ночную мглу, —
И поэтическія думы
Скользятъ по вашему челу.

DCLIX.

ДВА АНГЕЛА.

(ПОДРАЖАНІЕ АНГЛІЙСКОМУ).

На жизнь два ангела намъ въ спутники даны
И въ соглядатаи за нами:
У каждаго изъ нихъ чудесной бѣлизны
Тетрадь съ летучими листами.

Въ одну заносится добро, что мы творимъ,
Все, чѣмъ предъ совѣстью мы правы;
Въ другую все, въ чемъ мы предъ ближними грѣшимъ,
И каждый умыселъ лукавый.

Поспѣшно добрыхъ дѣлъ возносить списокъ свой
Одинъ къ стопамъ Отца-Владыки;
Другой все ждетъ: авось раскаянья слезой
Не смоятся ль на насъ улики?

DCLX.

Горжусь и радуюсь я вами,
И словомъ — счастье для меня,
Что мы, сочувствуя сердцами,
Еще къ тому же и родня.

Но вѣчно что-то закорючкой
Глядитъ въ моей лихой судьбѣ:
Въ васъ радъ я любоваться внучкой,
Но дѣду я не радъ въ себѣ.

DCLXI.

ВЕЧЕРОМЪ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Плыветъ Онъ, молодой Царевичъ,
Объятый непробуднымъ сномъ,
И этотъ мѣсяцъ, эти звѣзды
Горятъ надъ царскимъ кораблемъ.

Но Онъ не видитъ ихъ сіянья,
Онъ не любитъся на нихъ:
Въ тѣни и въ тишинѣ молчанья
Прилежъ Царевичъ и притихъ.

Не слышитъ Онъ, какъ плескомъ дружнымъ
Волна грохочетъ за волной,
Какъ вѣтерокъ подъ небомъ южнымъ
Играетъ зыбью голубой.

По лону зеркальнаго моря
Пловецъ невидимый скользитъ,
И къ утру золотая зоря
Его лицо не озаритъ.

Плыветъ Онъ къ берегу родному,
Гдѣ Онъ расцвѣлъ и возмужалъ,

Гдѣ втайнѣ подвигу святому
Себя въ грядущемъ обрекалъ,

Гдѣ былъ Онъ радостью семейной,
Надеждой царства Своего,
Гдѣ Мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за Него —

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ вѣру, мудрость, кроткій нравъ,
Чтобъ былъ и чистъ Онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ нравъ..

Народъ, подъ красотою личной
Любя и сердца прелесть въ Немъ,
Ждалъ, что сберетъ Онъ плодъ сторичной
Съ бразды засѣянной Отцомъ,

Что будетъ Онъ Отцу дотолѣ
Сподвижникъ съ раннего утра,
Съ Нимъ обрабатывая поле,
На жатву пользы и добра.

Гаданья свѣтлыя напрасны!
Имъ сбыться не дано судьбой:
Надеждъ грядущихъ цвѣтъ прекрасный
Сраженъ внезапною грозой.

Изъ странъ далекихъ ожидая
Того, Кто въ край родной плыветъ,
Народъ, Царевича встрѣчая,
Не скажетъ „се Женихъ грядетъ!“

Не радости, не ликованій
Готовитъ онъ Ему привѣтъ,
А скорби, плача и рыданій,
Какимъ подобныхъ въ мірѣ нѣтъ,

Разрознены судьбиной мрачной
Два бытія родныхъ сердець,
И разомъ царственный и брачный
Съ чела молодого палъ вѣнецъ.

И Онъ, Царевичъ ненаглядный,
Улада сердца и очей,
Теперь безжизненный и хладный
Пристанеть къ родинѣ своей.

А волны льются за волнами
Подъ смертоноснымъ кораблемъ,
А мѣсяцъ съ свѣтлыми звѣздами
Блестятъ на небѣ голубомъ.

И мѣсяцъ, равнодушный къ горю,
Корабль сіяньемъ обдаетъ,
И не сдается синю морю,
Какую скорбь оно несетъ.

DCSXII.

БОРМЕТТЫ.

(LES BORMETTES, дача Гораса Верне близъ Гіера).

Какъ грустно видѣть упрямый
И безъ хозяина тотъ домъ,
Гдѣ мыслью, свыше вдохновенной,
Кипѣли дни живымъ ключемъ.

Здѣсь жилъ великій жрецъ искусства:
Природу онъ воссоздавалъ,
Онъ самобытной силой чувства
Творилъ когда и подражалъ.

Жизнь изучивъ въ природѣ цѣлой,
На хладномъ и нѣмомъ холстѣ
Давалъ онъ волю кисти смѣлой,
Воображенью и мечтѣ.

Онъ сочетаньемъ красокъ яркихъ
Животворилъ у насъ въ глазахъ
Востокъ въ своихъ пустыняхъ жаркихъ
И сѣверъ въ сребряныхъ снѣгахъ,

И битвы, и разгулъ ихъ дикій;
И, нашимъ чувствомъ овладѣвъ,

Давалъ намъ слышать онъ ихъ влики,
Стонъ раненыхъ и пушекъ ревъ.

Здѣсь въ тишинѣ уединенья
Роились, созрѣвали въ немъ
Другія думы, вдохновенья,
Предъ новымъ творческимъ трудомъ.

Подъ гнетомъ жаркаго недуга
Душею онъ не упадалъ,
Подъ благодатнымъ небомъ юга
Онъ душу солнцемъ согрѣвалъ,

Просилъ онъ съ вѣрой упованья
У неба новыхъ дней и силъ,
Чтобъ довершить онъ могъ созданья,
Которыя въ груди носилъ.

Онъ видѣлъ предъ собою море,
Вершины горъ, тѣнистый лѣсъ,
Во всей красѣ, на всемъ просторѣ,
И блескъ земли, и блескъ небесъ.

Все мысль и чувство въ немъ живило,
Все, возбуждая чуткій умъ,
Землей обѣтованной было
Для лучшихъ и степенныхъ думъ.

Но пусто все! И гдѣ жь хозяинъ?
Изсякъ родникъ, потухъ очагъ
Не разрѣшенныхъ жизнью тайнъ,
Не воплощенныхъ жизнью благъ.

Кисть замерла въ рукѣ холодной,
Застыла дума на челѣ,
И павшій съ вѣтви многоплодной,
Послѣдній листъ прилегъ къ землѣ.

Паломники, съ благоговѣньемъ
Храня прекраснаго законъ,
Мы заходили съ умиленьемъ
Въ обитель эту на поклонъ.

Мы вопрошали стѣнь молчанье,
Хотѣлось вырвать памъ изъ нихъ
Хоть слово, хоть одно преданье,
Хоть признакъ жизни дней былыхъ,

Случайный очеркъ иль зачатокъ,
Хоть вскользь наброшенный слегда,
Чтобъ уловить намъ отпечатокъ,
Гдѣ блещетъ мастера рука.

Но скорбь одна, одна утрата
Здѣсь вѣсть живая для души:
Такъ послѣ поздняго заката
День тонетъ въ мракъ и въ тиши.

DCLXIII.

CE QUE J'AIME ET CE QUE JE HAIS.

(ПОДРАЖАНІЕ).

Вы любите поля и нивы,
Когда ихъ грѣветъ лѣтній зной
И зыблетъ вѣтерокъ игривый
Колосья жатвы золотой.

Вы любите зарницу, блескомъ
Вдругъ озаряющую мглу,
И водопадъ съ гремящимъ плескомъ
Волнами хлещущій скалу.

Вы любите съ тропы нагорной
Смотрѣть, какъ озеро сквозить,
Какъ вдаль чалнокъ проворный
Подъ бѣлымъ парусомъ скользить.

Вы любите прилежнымъ взоромъ
Слѣдить вдоль зыби голубой,
Какъ въ ней причудливымъ узоромъ
Змѣится мѣсяцъ золотой.

Вы любите дубравъ дремучихъ
И мракъ, и жалобный напѣвъ,

И рой ихъ призраковъ летучихъ
Въ таинственный тѣни деревъ.

Вамъ нравятся горы вершина
Съ своею свѣжной бѣлизной
И скромный домикъ селянина,
И свѣжій садикъ подъ горой.

Вы любите на небѣ звѣздномъ
Одну привѣтную звѣзду,
Отраду въ горѣ безвозмездномъ
И друга въ счастья и въ бѣду.

Вы любите питать мечтанья,
Которыхъ не узнаетъ свѣтъ,
Которымъ нѣтъ именованья
И въ людяхъ отголоска нѣтъ.

Вдали отъ суеты вседневной,
Самимъ вамъ слышныя едва
Вы любите въ тиши душевной
Твердить завѣтныя слова.

Они вамъ въ душу заронились
Богъ вѣсть откуда и когда,
Съ душой срослись, въ пей затаились,
И рѣчь земная имъ чужда.

Вамъ милъ и замокъ съ древней башней,
И плющъ, когда развалинъ сынъ
Играетъ зеленью всегдашней
Вокругъ ихъ камепныхъ морщинъ.

Вы любите все то, что было,
Чѣмъ прежде жизнь была полна,
Воспоминапія свѣтило
Въ ночи минувшаго — луна.

Она взойдетъ — и блещетъ зрѣнью
Тотъ путь, который мы прошли,
И день за днемъ, и тѣнь за тѣпью
Растутъ, встаютъ съ лица земли.

При тихомъ заревѣ лампы
Въ святынѣ ночи, въ этотъ часъ,
Когда житейскія преграды
Не даютъ помысленій въ насъ,

Вы любите, таясь отъ шума,
Душею уноситься въ даль:
Тогда свѣтлѣй и ваша дума,
И сладостна сама печаль.

Вашъ воспримчивый и юный
Умъ любить все прозрѣть, познать:
Въ васъ есть созвучія и струны,
Чтобъ пѣснямъ пѣснью отвѣчать.

Благіе духи на дорогу
Любви свѣтильникъ въ васъ зажгли,
И ненавидѣть, слава Богу,
Вы ничего бы не могли.

DCLXIV.

NOTTURNO.

Во снѣ или въ видѣньи чудномъ
Раскрылось предо мною небо,
Какого я нигдѣ не зналъ,
Ни на востокѣ, ни на югѣ,
Гдѣ, взорами впиваясь въ небо,
Я въ созерцаньи утопалъ.

Въ немъ нѣтъ далекихъ небосклоновъ,
Нѣтъ, въ этомъ небѣ миловидномъ
Все и доступно, и свѣтло.
Оно златыми полосами
Обрамливалось, какъ косами
Младой красавицы чело.

Такъ близко было это небо,
Что вѣяло съ него и нѣгой,
И чистымъ счастьемъ на меня.
Предъ нимъ хотѣлось бы мнѣ вѣчно
Съ молитвой, съ жертвоприношеньемъ
Стоять, колѣна преклоня.

Сіяли тихо въ этомъ небѣ
Двѣ чудныя, двѣ голубыя,

Двѣ ненаглядныя звѣзды:
И, словно въ озерѣ прозрачномъ,
Въ душѣ прозрачной отражались
Ихъ лучезарныя слѣды.

О, какъ былъ чистъ ихъ нѣжный пламень:
Онъ дѣвственъ былъ какъ непорочность
И какъ любовь неотразимъ.
И сердце, теплясь, трепетало
Святымъ и благодатнымъ чувствомъ
Подъ ихъ сіяньемъ голубымъ.

DCLXV.

КИРПИЧНЫЕ ЗАВОДЫ.

Гдѣ померанцевыя рощи?
Гдѣ розъ и кактусовъ краса?
Здѣсь грустно забнетъ ельникъ тощій
И тупо смотритъ въ небеса.

И съ нихъ на пальмы и ясины
Не льются жаркіе лучи:
Среди песковъ и желтой глины
Ростутъ здѣсь только кирпичи.

DCCLXVI.

ДВА NOTTURNO.

1.

Вечеръ свѣжестю смѣняетъ
Полдня знойные часы
И на землю расточаетъ
Бисеръ серебряной росы.

Не лепечетъ вѣтвь съ вѣтвой,
Приумолкъ глубокой лѣсъ,
И подернуть звѣздной сѣтвой
Сводъ безоблачныхъ небесъ.

Все утихло! Все смиряя,
Воцарилась тишина,
Только, мѣрно ударяя,
Въ берегъ съ плескомъ бьетъ волна

Только въ ней одной движенье
Отзывается вдали,
Какъ сердечное бѣенье
Сномъ забывшейся земли.

2.

Если мнѣ была бь свобода
Звѣзды съ голубого свода
До послѣдней всѣ сорвать, —
Чуднымъ мастерствомъ издѣля,
Вамъ въ вѣнецъ и ожерелья,
Я хотѣлъ бы ихъ собрать.

Если бь я всѣ розы міра,
Съ Кипра, Пестума, Кашмира,
Съ Испагани могъ собрать, —
Ими, данью задушевной,
Каждый шагъ вашъ ежедневно
Я хотѣлъ бы устилать.

Если бь я всѣ вдохновенья,
Всѣ созвучья, пѣснопѣнья
Въ строй одинъ могъ сочетать
И всемірнымъ быть поэтомъ, —
Васъ одну предъ цѣлымъ свѣтомъ
Я хотѣлъ бы воспѣвать.

Если бь, свыше данной властью,
Могъ я къ радостямъ и счастью
Путь надежный отыскать, —
Васъ навелъ бы на дорогу,
Самъ любуясь съ порогу,
Какъ въ васъ блещетъ благодать.

DCLXVII.

ТОСКА.

Не знаю я, кого, чего ищу,
Не разберу, чѣмъ мысли тайно полны,
Но что-то есть, о чемъ вездѣ грущу;
Но сновъ, но слезъ, но думъ, желаній волны
Текуть, кипятъ въ болѣзненной груди,
И цѣли я не вижу впереди.

Когда смотрю, какъ мчатся облака,
Гонимыя невидимою силой, —
Я трепещу, меня беретъ тоска,
И мыслю я: прочь отъ земли постылой!
Зачѣмъ нельзя мнѣ къ облакамъ прильнуть
И съ ними въ даль летѣть куда-нибудь?

Шумитъ ли вѣтръ? Мнѣ на ухо души
Онъ темныя нашептываетъ рѣчи
Про чудный край, гдѣ кто-то изъ глуши
Манитъ меня привѣтомъ тайной встрѣчи;
И сихъ рѣчей отзвѣвы, какъ во снѣ,
Твердитъ душа съ собой наединѣ.

Весь міръ, вся жизнь загадка для меня,
Которой пѣтъ обѣщаннаго слова.

Все мнится мнѣ: я на канунѣ дня,
Который жизнь покажетъ безъ покрова;
И настаесть обѣтованный день, —
И предо мной все та же, та же тѣнь.

Когда подъ громъ оркестра, пляски зной
Всѣхъ обдаеъ веселостью безумной,
Обвитый невидимою рукой,
Изъ духоты существенности шумной
Я рвусь въ просторъ иного бытія
И до земли ужъ не касаюсь я.

При блескѣ звѣздъ въ таинственный тотъ часъ,
Какъ ночи сонъ міръ видимый объемлетъ
И бодрствуетъ то, что не наше, въ насъ,
Что жизнь души, — а жизнь земная дремлетъ,
Въ тотъ часъ одинъ сдается мнѣ: живу
И сны одни я вижу на яву.

DCLXVIII.

NOTTURNO.

Все тобой, все одною тобою, всѣ дни,
Занять мысленно я, озабоченъ сердечно,
И все очи твои, эти звѣзды мои,
Цѣловалъ, цѣловалъ, цѣловалъ бы я вѣчно.

На землѣ безъ тебя — какъ отъ стужи цвѣтокъ
Увядаетъ — и я увядалъ бы отъ скуки,
Безъ тебя и въ раю былъ бы я одинокъ
И на землю къ тебѣ простиралъ бы я руки.

DOLXIX.

ВСЕГДА.

Не говори *сеида*! Всегда не наше слово:
На языкъ земномъ ему значенья нѣтъ.
Измѣнчиво оно, и часто такъ сурово
Жизнь на него даетъ свой роковой отвѣтъ.

Ужъ многія *сеида*, предательствомъ лукавымъ,
На опытность мою печально налегли,
Не смѣю довѣрять надеждамъ молодежьимъ,
За близкой радостью предвижу скорбь вдали.

Съ лѣтами я теперь пугливъ и суевѣренъ:
Страшусь, чтобы *сеида* не сглазило меня,
Въ желаньяхъ и мечтахъ теперь я сталъ умѣренъ
И дальше не иду я нынѣшняго дня.

Мнѣ счастье — невзначай и встрѣча, и свиданье,
Прогулка у моря вдвоемъ въ почной тиши,
Улыбка, сердца вѣсть, иль грустное прощанье,
И ласка нѣжная, и слово отъ души.

Я ими дорожу, съ любовью, съ умиленьемъ,
Въ сердечной памяти ихъ свято берегу,

Какъ спасшійся отъ волнъ пловецъ съ благоговѣньемъ
Пожитки милые хранить на берегу.

Всегда ложь милая, которой бредитъ младость,
Но трезвой старости оно ужь не подь стать;
По мнѣ: дню каждому своя довлѣетъ радость,
А завтра? Но не мнѣ о завтрашнемъ гадать.

DCLXX.

МЕРИ-ПЕРИ.

Не даромъ прозвали васъ Мери,
Нельзя сказать, что певзначай:
Вы на глаза и рѣчю — Пери,
И растворяете вы двери
Въ завѣтный и цвѣтущій рай.

Младой предверницею крылатой
Вы охраняете порогъ
Святыни, тайнами богатой;
Вы избраннымъ сердцамъ вожатой
Въ тотъ поэтическій чертогъ.

Какъ Пери также вы воздушны
Въ сіяньи радостной весны;
Вы также кротко-благодушны,
Какъ ей равно и вамъ послушны
Всѣ поэтическіе сны.

Васъ Муръ предугадалъ, игралъ
Своимъ златымъ карандашемъ;
Въ родную прелесть облекая,

Ему Жуковскій подражая
Васъ русскимъ увѣнчалъ вѣнкомъ.

Они прозрѣли васъ заочно,
Присвоили своей мечтѣ:
И блескъ поэзіи восточной,
И тихій свѣтъ звѣзды полночной
Сроднились въ вашей красотѣ.

DCLXXI.

Нигдѣ такъ роза не алѣетъ,
Такъ не плѣняетъ красотой,
Нигдѣ такъ плющъ не зеленѣетъ,
Віая бархатной волной,
Нигдѣ прикованные взгляды
Такъ не любятся на нихъ,
Какъ на развалинахъ ограды,
Какъ средь обломковъ вѣковыхъ.

Нигдѣ златой зари отливы,
Нигдѣ блескъ серебряной луны,
Такъ не причудливы, красивы,
Какъ на остаткахъ старины,
Какъ на часовнѣ одинокой,
На замкѣ дѣдовскихъ временъ,
Гдѣ годы врыли слѣдъ глубокій
По камнямъ посѣдѣвшихъ стѣнъ.

Нигдѣ такъ пѣснью звучно-томной
Не услаждаетъ соловей,
Какъ на кладбищѣ, ночью темной,
Въ глуши сгустившихся вѣтвей.
Въ противорѣчьяхъ этихъ прелесть!
Тутъ изъ того же роднива

Веселье въ душу бьетъ и, невѣсть
Съ чего, умильная тоска.

И молодость, вѣнокъ прелестный
Которой радости сплели,
И красота, сей гость небесный,
Сей гость — поэзія земли,
Нигдѣ такой отрадой милой
И благодатной для души
Какъ о божь съ старостью унылой
И увядающей въ тиши.

Нѣтъ умилительнѣй картины:
Красавица во цвѣтѣ дней
Ласкаетъ грустныя сѣдины
Младой улыбкою своей,
Она заботливымъ участиемъ
Печальныхъ думъ сгоняетъ тѣнь
И смотритъ солнцемъ, смотритъ счастьемъ
На старческій осенній день.

DCLXXII.

Вы на небѣ моемъ, покрытомъ ночью темной,
Зажгли привѣтную и свѣтлую звѣзду:
И странникъ по пескамъ, усталый и бездомной,
Любуясь на нее, доврчиво иду.

Я на нее гляжу: она мнѣ смотритъ въ очи
И въ душу льется мнѣ улыбчивымъ лучемъ,
И не жалю я при этой тихой ночи
О утрѣ радостномъ и полднѣ золотомъ.

DCCLXXIII.

ПЕТЕРГОФЪ.

Какъ свѣжъ, какъ изумрудно мраченъ,
Въ тѣни густыхъ своихъ садовъ,
И какъ блестящъ, и какъ прозраченъ
Водоточивый Петергофъ.

Какъ дружно эти водомеры
Шумятъ среди столѣтнихъ дровъ,
Днемъ и въ часы ночной дремоты
Не умолкаютъ ихъ напѣвъ.

Изгибистымъ, разнообразнымъ
Въ игрѣ причудливой своей,
Они кипятъ дождемъ алмазнымъ
Подъ блескомъ солнечныхъ лучей.

Лучи скользятъ по влагѣ зыбкой,
Лучъ преломляется съ лучемъ,
И водомеръ подъ этой сшибкой
Вдругъ вспыхнетъ радужнымъ огнемъ.

Какъ изъ хрустальныхъ ульевъ пчелы
Отъ сна подъятыя весной,

И здѣсь, блестящій и веселый,
Жужжа, кружится брызговъ рой.

Они отважно и красиво
То, прынувъ, рвутся въ небеса,
То опускаются игриво,
И прыщеть съ нихъ кругомъ роса.

Когда жь сіянья лунной ночи
Сады и воздухъ осребрятъ
И неба золотыя очи
На землю ласково глядятъ,

Когда и воздухъ не струится,
И море тихо улеглось,
И все загадочно таится,
И въ мракѣ видно все насъвозь,

Какой поэзіей восточной
Проникнуть, дышетъ и поетъ
Сей край Альгамбры полуночной,
Сей край волшебства и красоть.

Ночь разливаетъ сны и чары,
И полонъ этихъ чудныхъ сновъ
Преданьями своими старей
И вѣчно юный Петергофъ.

DCLXXIV.

ПОЗДРАВИТЬ ЛИ МНѢ ВАСЬ?

Поздравить ли мнѣ вась? Нѣтъ, поздравлять не встати!
Жизнь много свѣтлыхъ дней и счастья вамъ дала,
И много есть на вась небесной благодати,
И многимъ ваша жизнь священна и мила.

Но и печаль мечемъ пронзила душу вашу,
Средь счастья горечь слезъ не миновала васъ,
Вы медленно до дна испили скорби чашу,
Которую поднесъ вамъ Промыслъ въ тяжкій часъ.

Судьба и Божій Судъ намъ смертнымъ не понятны:
Съ безоблачныхъ небесъ караетъ насъ гроза,
Надежды лучшія и лживы, и превратны,
И въ чистыхъ радостяхъ отыщется слеза.

Жизнь наша — таинство; мы, странники, тревожно
Подъ облакомъ идемъ въ невѣдомый намъ путь.
О чемъ печалиться? Чѣмъ радоваться можно?
Не знаемъ, и впередъ намъ страшно заглянуть.

Не ваши блага, намъ дарованныя Богомъ:
Намъ страшно и любить, что намъ любить дано,

Что сознаемъ въ душѣ святыней и залогомъ
Грядущаго, и чѣмъ намъ радостно оно.

Но вдругъ грядущее и съ нимъ всѣ упованья
Ударомъ роковымъ во прахъ погребены:
Однѣ развалины неконченнаго зданья,
И душу тяготятъ несбывшіеся сны.

Жизнь—таинство! Но жизнь—и жертвоприношенье.
Призванью вѣренъ тотъ, кто средь земныхъ тревогъ
Смирено совершитъ священное служенье
И вѣруетъ тому, чего постичь не могъ;

Кто немощи души молитвою врачуетъ,
И, если душу жизнь обманомъ уязвить,
Скорбя, безъ ропота свой тяжкій крестъ цѣлуетъ
И плачетъ на землѣ, а на небо глядитъ.

DCLXXV.

ДАЧА ЗА ПЕТЕРГОФОМЪ.

Когда въ прогулкѣ я зайду на эту дачу,
Гдѣ зелень есть и тѣнь, и море на придачу,
Передъ мечтой моей рисуются всегда
Въ мерцаньи марсева минувшіе года.
Здѣсь я ищу слѣды, здѣсь слушаю преданья,
Угадывать люблю здѣсь первыя сознанья
Младого бытія, которое въ тѣни
Здѣсь мирно провело младенческіе дни.
Здѣсь все мерещится мнѣ миленькій ребенокъ:
Румянецъ на щекахъ и чистый голосъ звонокъ,
И глазокъ голубыхъ плѣнителенъ разсвѣтъ,
Блистательнаго дня задатокъ и привѣтъ,
И локоны, какъ шелкъ роскошный и струистый,
По плечикамъ сквозятъ оттѣнкой золотистой,
Улыбка свѣжая какъ роза на зарѣ.
И все, что манитъ насъ въ младенческой порѣ,
Все радуеть меня, на все люблюсь жадно;
И настоящее такъ мило ненаглядно,
И въ тайныхъ прелестяхъ, готовыхъ ужъ расцвѣсть,
Такъ много милаго, пророческаго есть.
Рѣзвась, бѣжить дитя зеленою дорожкой:
Сама живой цвѣтокъ, своею гибкой ножкой

Чуть мнетъ она цвѣты въ порханьи молодомъ
И взапуски бѣжитъ съ крылатымъ мотылькомъ.
То съ книгою въ рукѣ, въ тѣни вѣтвей дубовыхъ,
Заглядываетъ въ міръ ей чувствъ и мыслей новыхъ;
Тревожной жаждою въ взволнованной груди
Пытается прозрѣть, что будетъ впереди.
Средь шума дѣтскихъ игръ и рѣзвости безпечной,
Вдругъ трепеть пробѣжить по ней тоски сердечной:
Ей слышатся вдали другіе голоса.
Задумчиво она глядитъ на небеса
И молча сторожить, въ сіяньи ночи звѣздной,
Знакомый огонекъ ей звѣздочки любезной,
Ей повѣряетъ сны невинности своей,
На ней начнетъ гадать о тайнахъ этихъ дней,
Которые, вдали блестя сквозь сумракъ зыбкой,
Ей улыбаются таинственной улыбкой.
Они зовутъ ее и манятъ, ей поютъ;
И жизни внутренней раскрывшійся пріютъ
Въ ней озарится вдругъ непостижимымъ чудомъ,
Видѣній свѣтлыхъ рой, таившійся подъ спудомъ,
Поднимется, души молчанье огласитъ,
И даль пустынную, и міръ весь населитъ.
Проснувшейся души порывы и боренья,
И радость, и тоска, блаженства и волненья
Знакомы стали ей съ первоначальныхъ лѣтъ.
На все былъ въ ней вопросъ, на все ждала отвѣтъ.
Ей сонъ младенчества, хранимый Провидѣньемъ,
Пророческимъ былъ сномъ и свѣтлымъ откровеньемъ.
Въ ней рано мысль зажглась; въ ней рано чуткій умъ
Прислушиваться сталъ къ призванью тайныхъ думъ.
Поэзія души, поэзія природы,
Сны потаенные, шумъ лѣса, непогоды,
Гроза на небесахъ, иль въ голубой ночи
Серебряной луны струистые лучи,
Миръ и просторъ полей, луговъ благоуханья,
И тихій ропотъ волнъ и моря завыванья,

Когда широкій вѣтръ, носясь по лону водъ,
 Крутитъ и гонитъ ихъ, боробитъ и мететъ,
 Все вноситъ въ душу ей живыя впечатлѣнья,
 Все развиваетъ жизнь и будитъ вдохновенья.
 Ей все загадочно, но въ таинствѣ своемъ
 Невѣдомый сей міръ ей родственно знакомъ.

Младенчества лѣта, сей возрастъ легкокрылый
 Умчался; и за нимъ такой же возрастъ милый
 Ей новый небосклонъ и новый міръ открылъ —
 За раннею зарей день юный наступилъ.
 Нѣтъ дѣвочки теперь и барышни въ поминѣ,
 Дитя теперь глядитъ красавицей-графиней.
 Она узнала свѣтъ и свѣтъ ее узналъ;
 Но даромъ передъ ней онъ ласки расточалъ,
 Но даромъ и теперь жжетъ ладонь опъ предъ нею:
 Лукавой прелестью, приманкою своею
 Опъ соблазвить ума и сердца не успѣлъ;
 Въ святынѣ внутренней есть у нея придѣлъ,
 Есть лоно чистое, спасительная келья,
 Гдѣ, свѣта позабывъ побѣды и веселья,
 Она умѣетъ быть наединѣ съ собой,
 Чтобъ, чувствомъ освѣжась, встрѣчать житейскій бой.

Въ красавицѣ еще есть дѣтскія примѣты:
 Простосердечный нравъ, годами не задѣтый,
 Котораго не могъ избаловать успѣхъ,
 И свѣжесть чувствъ и думъ, и свѣжей дѣтскій смѣхъ,
 Не измѣнили ей; нѣтъ, свѣта зной и холодъ
 Не тронули цвѣтка: онъ такъ же чистъ и молодъ,
 Но только-что милѣй, душистѣе цвѣтетъ
 И сердце, и глаза вѣрнѣй къ себѣ влечетъ.
 Разсудокъ въ ней окрѣпъ, въ ней и душа созрѣла,
 Но прелесть ни одна съ нея не отлетѣла.
 Что прежде былъ намекъ на смыслъ грядущихъ дней,
 Что прежде шепотомъ высказывалось въ ней, —

Все пѣсню стройною запѣло сладкозвучно;
Съ ней мысли и мечтамъ привольно и сподручно.
И пылкій юноша, и опытный старикъ,
Который жизнь позналъ и вѣрить ей отвыкъ,
Прельщенію ея покорствуя послушно,
При ней ровесники, при ней единократно,
Какъ будто молодость и старость все одно,
Сочувствіемъ однимъ влекутся къ ней равно.
Въ ней все изящество и нѣтъ ни въ чемъ искусства;
При мѣткости ума есть неподдѣльность чувства,
Съ игривой прихотью есть сердца теплота,
Въ ней прелесть женщины и дѣтства простота.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ КНЯЖНѢ ЕВГЕНИИ
МАКСИМИЛАНОВИЧѢ РОМАНОВСКОЙ ГЕРЦОГИНѢ
ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОЙ.

Въ чертахъ письма съ чертами права
Есть сходство для привычныхъ глазъ,
Перо нескромное лукаво
Выводитъ тайны напоказъ.

Вашъ почеркъ стройный и красивый
Внимательно я изучалъ,
И хиромантию прозорливый
Васъ по рукѣ я разгадалъ.

Въ васъ много женственности милой,
Но есть и мужественный складъ,
Есть прелесть съ внутреннею силой,
Обвитый розами булатъ.

Въ васъ много мягкости сердечной,
Но рядомъ съ нею голова
Не любить въ слѣпотѣ безнечной
На жизнь терять свои права.

Упрямства нѣтъ, но крѣпкой воли
Въ васъ есть запасъ: въ бою съ судьбой,
(Дай Богъ не знать вамъ трудной доли)
Вы смѣло бѣ выдержали бой.

Вашъ умъ глядитъ и судить строго,
Онъ умѣряетъ чувствъ порывъ,
Онъ даже мнителенъ немного,
Но безпристрастенъ и правдивъ.

Вамъ лесть, изысканность и лживость
Противны въ людяхъ и дѣлахъ;
Вамъ сродны толкъ и бережливость
Въ желавьяхъ, чувствахъ и рѣчахъ.

Обмолвиться вамъ невозможно
Ни на словахъ, ни на письмѣ,
Такъ за собою осторожно
Вы караулите въ умѣ.

Все такъ оно теперь — а далѣ?
Дерзнулъ о будущемъ гадать,
Какъ на златомъ его зеркалѣ
Мнѣ ни хотѣлось бы читать.

Не долго ждать еще, быть можетъ,
Пробьетъ и вамъ урочный часъ,
Вамъ душу радость повстревожитъ
И въ новый мѣръ похититъ васъ.

На новую вамъ жизнь укажетъ,
Переродитъ онъ васъ слегка:
И почеркъ вашъ тогда докажетъ —
Чего не выскажу пока.

DCLXXVII.

JE ME MIS A PLEURER COMME ON PLEURE A VINGT ANS.

Какъ лебедь молодой
На синемъ влажномъ лонѣ,
И мѣсяцъ золотой
Блеснулъ на небосклонѣ.
Нѣмая тишина,
Цвѣтовъ благоуханіе,
Ночь дивная полна
И мрака, и сіянія.

И молча началъ я, смотря на лунный свѣтъ,
Мечтать, какъ я мечталъ бывало въ двадцать лѣтъ.

Вдругъ раздались въ тиши
Чарующіе звуки,
Въ нихъ сладкій плачь души,
И радости, и муки,
Души душѣ родной
Въ нихъ исповѣдь младая,
Языкъ въ ней не земной,
А отголосокъ рая.

Казалось, слышенъ былъ въ немъ Ангела привѣтъ,
И началъ плавать я, какъ плачутъ въ двадцать лѣтъ.

DCCLXXVIII.

ПОДМОСКОВНАЯ.

Люблю природы подмосковной
Родной, сочувственный привѣтъ;
Радужно, съ лаской вѣчно ровной,
Она, какъ другъ отъ давнихъ лѣтъ,

Усталымъ путникамъ съ дороги
Даруетъ отдыхъ и досугъ,
Смиряетъ жизни въ насъ тревоги
И лѣчитъ скорбныхъ ранъ недугъ.

Въ гостепріимныя объятія
Она зоветъ своихъ дѣтей:
Въ ней миръ найдетъ земная братья,
Ласкаясь къ матери своей.

Спокойство, тихая свобода,
Вы чужды суетныхъ заботъ!
Здѣсь втайнѣ русская природа
Вѣсть сердцу русскому даетъ.

Ея красивыя картины,
Ея широкіе луга,
Поля, овраги и долины,
Рѣки прозрачной берега,

Лѣса съ ихъ мракомъ и прохладой,
Гдѣ такъ привольно отдохнуть,
Все вѣтъ на душу отрадой, *
Все успокаиваетъ грудь.

Съ сердечнымъ, родственнымъ поклономъ
Любуюсь рощей молодой:
Здѣсь ясенъ рядомъ съ стройнымъ вленомъ,
Береза съ серебряной корою,

Рябина съ алымъ ожерельемъ,
Красавица родныхъ лѣсовъ;
Съ какой тоской, съ какимъ весельемъ,
Я васъ, друзей, обнять готовъ!

Березы тѣ же, тѣ же влены,
Во дни младенческой поры,
Меня манили въ мракъ зеленый,
Подъ свѣжіе свои шатры.

Они свидѣтелями были
Невинныхъ игръ, моихъ проказъ,
И здѣсь моей давнишней были
Какъ будто слышенъ мнѣ рассказъ.

Кругомъ селенье за селеньемъ
Съ ихъ колокольнями вдали:
Ихъ благовѣсть несется пѣньемъ,
Молитвой къ небу отъ земли.

Москва-рѣва, намъ всѣмъ родная,
Течетъ спокойно подъ горой,
Своимъ теченьемъ пробуждая
Преданья старины родной.

Здѣсь Русь окрѣпла, здѣсь хранится
Родникъ событій вѣковыхъ,

И, словно въ зеркалѣ, глядится
Вся Русь въ струяхъ ея святыхъ.

Красою скромной, ненаглядной,
Какъ свѣжій, полевой цвѣтокъ,
Намъ улыбается отрадно
Сей милостивый уголокъ.

Цвѣти въ виду двойной лазури
Родныхъ небесъ, родной рѣки,
Затишье, пристань послѣ бури
И мрачныхъ дней, и дней тоски.

Не знай ни въ чемъ судьбы враждебной:
На лонѣ мира и любви
Ты свѣжестъ силъ струей цѣлебной
Въ усталыхъ чувствахъ обнови.

Отдохновеньемъ и усладой
Ты будь помѣщицѣ своей,
Будь ей спасительной оградой,
Будь ей святыней ясныхъ дней.

Отъ пышныхъ роскошей чертога
И мысль, и чувства удаля,
Она здѣсь съ свѣтлаго порога
Глядитъ на мирныя поля.

Она ихъ прелесть повнимаетъ,
Сродни ихъ чистымъ красотамъ,
Душой созвучной отвѣчаетъ
Она ихъ стройнымъ голосамъ.

Пусть на твое уединенье
Снисходитъ Божья благодать,
И въ ней храни, о Провидѣнье,
Помѣщицу, супругу, мать.

DCLXXIX.

В Е Ч Е Р Ъ.

Прелестный вечеръ! Въ сладкомъ обаяньи
Душа притихла, словно въ чудномъ снѣ,
И небеса въ безоблачномъ сіяньи,
И вся земля почилъ въ тишинѣ.

Куда бѣ глаза пыливо ни смотрѣли,
Таинственной завѣсой міръ одѣтъ,
Слухъ звука ждетъ, — но звуки онѣмѣли;
Движенья ищетъ взоръ — движенья нѣтъ.

Не дрогнетъ листь, не зарыбится влага,
Не проскользнетъ воздушная струя;
Все тишь!.. Какъ будто въ пресыщеньи блага
Жизнь замерла и не слышать ея.

Но въ видимомъ бездѣйственномъ покоѣ
Не истощенье силъ, не мертвый сонъ:
Присущны здѣсь и таинство живое,
И стройнаго могущества законъ.

И молча жизнь кругомъ благоухаетъ
И въ неподвижной красотѣ своей

Прохладный вечерь молча расточаетъ
Поэзію безъ звуковъ, безъ рѣчей.

И въ этотъ часъ, когда, въ тѣни нѣмѣя,
Все, притаясь, глубокой миръ хранитъ,
И тихій ангелъ, крыльями чуть вѣя,
Землей любуясь, медленно паритъ,

Природа вся цвѣтеть, красуясь пышно,
И, насъ склоня къ мечтамъ и забытью,
Передастъ незримо и неслышно
Намъ всю любовь и душу всю свою.

DCCLXXX.

Изъ родника души Ей льется пѣснь моя
Влеченью своему свободному послушно:
Ея не оскорблю, не пристыжу себя
Ни приторной хвалой, ни лестью малодушной.

Льстецомъ не назоветъ меня родная Русь.
Нѣтъ, прелести двойной я честно повинуюсь:
Царицей русскою, какъ русскій я горжусь,
И милой женщиной я, какъ поэтъ, люблюсь.

DCLXXXI.

СЛЕЗНАЯ КОМПЛЯНТА.

КИ НЕ ТЕТРЪ ВУ ФЕРА РИРЪ.

Всѣ женщины въ прабабку Еву
Хитрятъ во снѣ и на яву.
Онъ говоритъ: хочу въ Женеву,
Она въ отвѣтъ: *не жене ву.*

„То-есть, пожалуйста, не суйтесь:
Къ чему женироваться вамъ?
Сидите дома, повинуйтесь
Своимъ дряхлѣющимъ годамъ“.

„Васъ видѣть мнѣ была бѣ отрада.
Но если все въ расчетъ принять,
Быть можетъ, я была бы рада
Васъ къ чорту, ангель мой, прогнать.“

„И такъ довольна я судьбою:
Ле мѣ се ленеми дю бьянз:
Боюсь, меня стиховъ ухою
Замучите вы, какъ Демьянъ“.

Онъ плачетъ, а она... хохочетъ
И говоритъ: „*Ле грандъ нана*“
Все о Желевѣ онъ хлопчетъ,
А я свое: „*же не ве па*“.

1866 г.

DCIXXXII.

ФРЕЙЛИНЪ ОГАРЕВОЙ.

Когда на зло судьбѣ, ненастью и морозамъ,
Здѣсь розой вы цвѣли и пѣли соловьемъ,
Что жь тамъ, гдѣ вы теперь, тамъ, гдѣ въ раю земномъ
Приволе и житье и соловьямъ, и розамъ?

Тамъ дома вы, тамъ все, земля и небеса,
И воздухъ родственнѣй любовью васъ ласкаетъ:
Поете ль вы — и вамъ созвучно отвѣчаютъ
И окликаютъ васъ природы голоса.

Все обаянье тамъ для слуха и для глаза,
А намъ осталась грусть и память проплыхъ дней,
Что Петергофскій нашъ весеннѣй соловей
Теперь соловушко далекаго Кавказа.

ДОЛХХІІІ.

ТРОЙКА.

Пѣсня, басня и выль.

Вотъ мчится тройка удалая,
Бакунинъ, Герценъ, Огаревъ,
И „колокольчикъ, даръ Валдая“,
Гремитъ какъ сто колоколовъ.

Бѣснуйась, тройка рветъ и мечетъ,
Валяетъ и всѣхъ валить съ ногъ:
Кого лягнетъ, кого увѣчитъ,
Иль переѣдетъ поперегъ.

Любуются зѣваки тройкой,
Снимаютъ шапки передъ ней,
И колокольчикъ дробью бойкой
Имъ всякихъ пѣсней былъ милѣй.

Но вскорѣ тройка приустала,
Знать, худо кормлена была —
Она замялась, захромала
И спотыкаться начала.

Задору много, силы мало!
Съ полупути надорвалась,

А въ колокольчикъ-запѣвало
Забилась вплоть густая грязь.

Ужь имъ не тѣшатся зѣваки,
Бѣгомъ за тройкой не бѣгутъ,
И кони, звѣри-забіяки,
Теперь ужь клячами сльвуть.

Гдѣ прыть, гдѣ звонъ, всѣхъ оглушившій?
И вотъ валдайскій громобой,
Теперь языкъ свой прикусившій,
„Гудить уныло подь дугой“.

Приписка.

А Долгоруковъ въ одипочку
Пошелъ съ кляченкой на извозъ:
Онъ въ полночь сваливаетъ въ бочку
Чужой и собственный навозъ.

А паче собственный! . Богато
Господь имъ надѣлилъ его,
И раздаетъ онъ таровато
Нагаръ желудка своего.

Съ своей вляченкой волченогой
Въ журнальномъ дѣлѣ онъ профось,
И, гдѣ съ нимъ встрѣтишься дорогой,
Тамъ крѣпче зажимаешь носъ.

DCLXXXIV.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ.

ШУТКА.

Чтобы поздравить Дарью,
Хотѣлъ воспѣть я арию,
Но голосъ мой охрипъ,
Со всей моей охотою
И съ гриппомъ и перхотою
Весь сморщенъ старый грибъ.

Но про себя келейную,
Сердечно незатѣйную
Такую рѣчь веду:
Богъ Дарьѣ дай здоровья,
Будь съ ней безъ превословья
Судьба всегда въ ладу.

Чело вѣнчай ей розами,
Житейскими морозами
Ей сердца не студи.
Пошли ей въ жизнь попутчика
Гвардейскаго порутчика
Съ живымъ огнемъ въ груди;

Пожалуй, хоть придворнаго,
Но сердцемъ непритворнаго,
Какъ искренна она.

Будь съ радостью домашнею
Ей спутницей всегдашнею
Медовая луна.

DCLXXXV.

ВЕСНА.

„Весна! весна! краса природы!“¹⁾
Гниль въ воздухѣ, грязь на землѣ.
Ее ругаютъ пѣшеходы,
И кони вязнуть въ киселѣ.

Ломаются коляски, дрожки,
Простудь и насморковъ пора,
И ей творятъ поклоны въ ножки
Каретники и доктора.

---

¹⁾ Стихъ Дмитріева.

DCLXXXVI.

Застѣнчивой рукой вношу кривыя строки
И на починѣ еще въ не тронутый альбомъ,
На немъ почиетъ миръ безмолвный и глубокій,
Миръ, не встревоженный заносчивымъ перомъ.

Ждутъ бѣлыя листы загадочнаго слова;
Пустыня ждетъ, чтобъ жизнь заговорила въ ней,
Чтобъ выразилась мысль безъ лжи и безъ покровъ,
Чтобъ съ сердцемъ не было разлада у рѣчей.

Какимъ же словомъ здѣсь я рѣчь свою открою?
Когда бъ я молодъ былъ, то слово сгоряча
Изъ сердца вырвалось легко бъ само собою,
Какъ звонкая струя изъ свѣжаго ключа.

Къ несчастью, устарѣлъ словарь мой первобытный:
Гдѣ ставилъ я *любовь*, тамъ *дружбу* ставлю я,
И къ вамъ ее несу я, какъ билетъ кредитный
Въ замѣну звонкаго цѣлковаго рубля.

DCCLXXXVII.

КОМИСАРОВУ.

Святого Промысла смиренное орудье
Народную скрижаль собой ты озарилъ:
И благодать свою, и мощь, и правосудье
Въ тебѣ невѣдомомъ Господь провозгласилъ

Злодѣйства сокрушилъ ты замысль и выю:
Ты Божьимъ ангеломъ явился въ грозный часъ,
Ты отвратилъ ударъ, направленный въ Россію,
Ты спасъ Царя, и въ Немъ Его народъ ты спасъ.

DCLXXXVIII.

16 АПРѢЛЯ 1866 г.

Есть слезы радости, есть тяжелой скорби слезы,
Есть неба яснаго безоблачность, есть грозы,
Которыя порой волнують тихій день,
За тѣвью солнца блескъ, за блескомъ тучи тѣнь,
Надежды свѣтлыя, и грустныя преданья,
Которыя хранить ковчегъ воспоминанья,
Въ которыхъ теплится еще завѣтный слѣдъ
Того, что ужь прошло, и тѣхъ, которыхъ нѣтъ.
Такъ въ храмѣ, гдѣ молитвъ окончены обряды,
Передъ иконами горять еще лампы,
И вечеромъ, когда ужь опустѣетъ храмъ,
Благоухаетъ въ немъ потухшій еиміамъ.
Есть въ тайникѣ души безсмѣнное свѣтило:
Любовь къ тому, что есть, любовь къ тому, что было,
И сердцу не рѣшить въ двойной любви своей,
Которая изъ двухъ дороже и святѣй;
Есть въ таинствахъ души обмѣнъ намъ непонятный
И счастья грустнаго, и скорби благодатной,
Намекъ, что жизни путь—отрывочный рассказъ
Изъ книги, коей смыслъ непостижимъ для насъ;
Есть бодрости порывъ, есть грусть изнеможенья;
Есть тягота борьбы, есть сладость умиренья;

Есть радостей разсвѣтъ, есть радостей закатъ,
 И вѣра въ прочность благъ, и тайный страхъ утратъ.
 Все это жизнь! И все Вы это испытали
 Съ смиреньемъ въ счастіи и съ кротостью въ печали.
 Жизнь опытомъ своимъ обогатила Васъ;
 И Промыслъ въ радостный и въ злополучный часъ
 Былъ Вамъ прибѣжище и стражъ, и вождь единый.
 Въ сей памятный Вамъ день священной годовщины,
 Когда предъ алтаремъ, во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ,
 Вы свято изрекли любви святой обѣтъ,
 И жизнь свою съ другой Вы жизнью сочетали,
 И сердцемъ любящимъ Своею Васъ признали
 Семейство Царское и русская семья,
 Предъ Господомъ любви колѣни преклоня,
 И нынѣ въ этотъ день, съ молитвой и слезами,
 Все пережитое, испытанное Вами,
 Все, что утратили, и все, что сберегли,
 Какъ жертву чистую Вы молча вознесли.
 Минувшій каждый день, для сердца незабвенный,
 Великой радостью, иль скорбью освященный,
 Одинъ — улыбкою сіяющій, другой —
 Неосушимою отмѣченный слезой,
 Всѣ дни, вся Ваша жизнь, въ своемъ значеніи многомъ,
 Высоко на землѣ поставленная Богомъ,
 Жизнь міра внѣшняго съ величіемъ своимъ
 И бременемъ равно и тяжкимъ, и благимъ,
 И внутренняя жизнь, которой зритель совѣсть,
 Вся лѣтопись души, всѣхъ чувствъ прекрасныхъ повѣсть,
 Все снова облеклось въ дѣйствительность для Васъ,
 И двадцать пять годовъ вмѣстилъ единый часъ.

Вы слышите кругомъ молитвы намъ родныя:
 Въ одинъ священный кликъ весь городъ, вся Россія,
 Въ молебствіе одно, въ одну любовь слились,
 Предъ Божьимъ Промысломъ, которымъ дни спаслись,
 Дни драгоцѣнные Вамъ и семьѣ народной.

Краспорѣчивъ сей гласъ всеобщій и свободный;
 Онъ на любовь Царя и Вашу папъ отвѣтъ:
 Онъ Божій гласъ; годамъ позднѣйшимъ онъ завѣтъ.
 Стеклись въ немъ въ строй родныхъ, одушевленныхъ звуковъ
 Почившихъ предковъ гласъ и гласъ грядущихъ внуковъ.
 Онъ исповѣдь любви народной: и на ней
 Твердыня русская съ святынею своею.
 Во всѣхъ и мысль одна и бьется сердце то же;
 Жизнь въ пѣснь народную сложилась. Въ кликъ: „Боже,
 „Царя храни!“ душа народная звучить,
 Поетъ и молится, и мужествомъ кипить.
 На шумной площади, за трапезой семейной,
 Гремить, иль шопотомъ души благоговѣйной
 Онъ льется изъ конца въ конецъ родной земли,
 И сердцу чуткому онъ слышенъ и вдали.
 Вы внемлете ему душою умиленной,
 Отъ страха вздрогнувшей и счастьемъ возрожденной,
 Онъ теплою струей стремится въ Вашу грудь:
 Напутствуетъ онъ Васъ на Вашъ дальнѣйшій путь.
 И если въ жизни нѣтъ минувшему возврата,
 И въ сердцѣ матери всегда свѣжа утрата,
 Будь сей восторженный, сознательный сей кликъ,
 Который подъ грозой изъ всѣхъ сердецъ возникъ,
 Спасенье возвѣстивъ встревоженной столицѣ,
 Будь утѣшеньемъ онъ Супругѣ и Царицѣ,
 За скорбь минувшаго будь онъ возмездьемъ Ей.

Народная любовь — сокровище Царей.
 Издавна на Руси родникъ ея обилень: ·
 Въ Царѣ живетъ народъ и Царь народомъ силенъ.
 О, какъ великъ и святъ, и свѣтель жребій Вашъ!
 Народная любовь, какъ ангелъ, Божій стражъ,
 Лицомъ къ лицу стоитъ предъ Вами у престола.
 Вамъ не страшна вражда, Вамъ не страшна крамола.
 Вы объ-руку съ Царемъ и съ Нимъ душа съ душой,
 Надежда и вожди семьи страны родной,

Идете Вы путемъ любви и вѣры въ Бога.
Подвижникамъ трудна державная дорога,
Но и прекрасна цѣль, которая ихъ ждетъ,
Когда за ними вслѣдъ Россія къ ней идетъ.

DCLXXXIX.

Ея ужь нѣтъ! Увы, кому же
И было жить, когда не ей?
Непозднихъ дней враждебный стужѣ,
Погибъ цвѣтокъ, любовь очей.

Веселья чаша непрохладно
По каплямъ выпита до дна:
Порывомъ вихря безпощадно,
Нѣтъ, опровинута она!

Не отъ осеняго ненастья
Умолкъ въ тѣни пѣвецъ ночной:
Нѣтъ, звучный гимнъ любви и счастья
Вдругъ замеръ, прерванный грозой.

Міръ озаривъ струями злата,
День майскій, не въ урочный часъ,
Дождавшись тихаго заката,
Въ вечернемъ сумракѣ погасъ:

Нѣтъ, туча съ мракомъ набѣжала,
Когда алѣли небеса,
И свѣжимъ жемчугомъ свервала
На розѣ ранняя роса;

Вдругъ все въ природѣ потускнѣло,
Въ ночь обратилась дня заря:
Едва зажглось и потемнѣло
Паникадило алтаря.

Въ ней все цвѣло, въ ней все сіяло,
Жизнь была огненнымъ ключомъ,
Въ ней сердце такъ благоухало,
И умъ былъ такъ богатъ плодомъ

Былъ свѣтель взоръ ея прелестной,
Души онъ свѣтлость выражалъ,
И тайной, ей одной извѣстной,
Самъ въ душу нашу проникалъ.

Онъ ласковъ былъ и непорочень,
Порой задумчивъ и унылъ,
Какъ будто чѣмъ-то озабочень,
Чего онъ *здѣсь* не находилъ.

Въ немъ отражались перемежкой
И радость жизни, и тоска,
И слезы съ дѣтскою усмѣшкой,
И солнца лучъ, и облака.

Впадалъ онъ въ душу тихъ, невѣдомъ.
Какъ съ неба южнаго звѣзда,
Сорвавшись, падаетъ, и слѣдомъ
Во тьмѣ горитъ ея бразда.

И кто бы мелькомъ и случайно
Сей чудный взоръ ни повстрѣчалъ,
Тотъ былъ имъ очарованъ тайно
И въ жизнь его не забывалъ.

Въ ней все, что дочери любимой
Природа-матерь можетъ дать,

Все прелестью невыразимой
Она умѣла сочетать.

Ни въ комъ такъ жизнь не улыбалась,
Какъ на младомъ ея челѣ,
Она въ движеньяхъ чуть касалась,
Какъ ангелъ крыльями, землѣ.

Все было строго въ ней послушно
Закону чистой красоты,
Все поэтически-воздушно,
Все—обаяніе мечты;

Все было стройно въ ней и плавно,
И не нарушенъ былъ сей строй,
Когда игралъ въ ней своенравно
Избытокъ жизни молодой.

Устроивъ съ равновѣсьемъ строгимъ
Свой внутренній и ви́шній міръ,
Въ одномъ—доступная немногимъ,
Въ другомъ—для всѣхъ была кумирь.

Сходились, не тѣсняя другъ друга,
Съ разсудкомъ радость юныхъ лѣтъ:
Такъ подъ счастливымъ небомъ юга
На той же вѣткѣ́ плодъ и цвѣтъ.

И сколько благъ, надеждъ цвѣтущихъ,
Сокровищъ, зрѣющихъ въ тиши,
Хранилось для годовъ грядущихъ
Въ святилищѣ́ ея души.

Не выждавъ полного развитья,
Природы измѣнивъ законъ,
Жизнь не дозрѣла до событья
И улетучилась какъ сонъ.

Но этотъ сонъ былъ откровенье,
Былъ вѣстникъ рая на землѣ,
Неуловимое видѣнье
Съ повязкой звѣздной на челѣ.

Насъ въ темной ночи сонъ чудесный
Улыбкой счастья озарилъ,
И плачемъ мы, что гость небесный
У насъ такъ мало погостилъ.

ДСХО.

КНЯГИНЬ ЕЛИЗАВЕТЬ ПЕТРОВНА УРУСОВОЙ
(РОЖДЕННОЙ КНЯЖИ ТРУБЕЦКОЙ).

И ангелъ радости, и ангелъ испытанья
Вашъ одръ болѣзненный безсмѣнно стерегутъ:
Улыбкою души тѣлесныя страданья
Въ васъ озаряются и къ вамъ сердца влекутъ.

Вы тайно, про себя, несете крестъ смиренья,
И упоительно для всѣхъ и на лву
Вы чувства свѣжестью, игрой воображенья
И прелестью своей чаруете Москву.

Вѣнкомъ душистыхъ розъ и свѣтлыхъ незабудокъ
Прикрытъ и спрятанъ вашъ страдальческій вѣнецъ;
Предъ вами набожно смиряется разумъ,
И вамъ несется дань и оміамъ сердецъ.

При васъ миримся мы съ житейскими борьбами,
И въ скорби прелесть есть сочувственная намъ:
Молиться хочется и любоваться вами,
И на душѣ свѣтло съ слезами пополамъ.

Знакомите вы насъ съ поэзіей недуга:
И небо южное, — найдутъ ли облака, —

Все жь вѣтъ теплотой благоуханной юга,
Прозрачнымъ сумракомъ задернувшись слегка.

Идешь къ вамъ съ горестью, придешь—при первомъ словѣ,
Завидя только васъ, утѣшены друзья:
Конечно, молимъ мы, чтобъ были вы здоровѣй,
Но быть еще милѣй вамъ пожелать нельзя!

ДСХСІ

УГОЛОКЪ.

Чуждый блеску, чуждый шуму,
Средь которыхъ я живу,
Часто думаю я думу
Про родимую Москву.

Тамъ есть уголокъ мнѣ милый,
Есть сочувственный пріютъ,
И таинственною силой
Мысли такъ къ нему и льнуть.

Съ нимъ сближаюсь мечтою
И о немъ, его любя,
То съ надеждой, то съ тоскою
Ворожу я про себя.

Что свѣтло ли въ тихой вельѣ
У затворицы моей?
Сердцу свѣтитъ ли веселье,
Словно блескъ дневныхъ лучей?

Хоть и въ влѣткѣ, но безпечно,
Грусть въ себѣ она тая,

Разливается ль сердечно
Звонкой пѣснью соловья?

Окруженная цвѣтами,
Словно свѣтлая весна,
И устами, и очами
Улыбается ль она?

Ею радуюсь заочно,
Сердце на нее глядитъ,
Забывая, что непрочно
Все, что сердце вѣселитъ.

Иль, быть можетъ, ночью темной
Мраченъ свѣтлый уголокъ,
И поникъ головкой томной
Ненаглядный нашъ цвѣтокъ.

Уж не слышенъ смѣхъ веселый,
Приумолкло все вокругъ,
И гнететъ ее тяжелый
И томительный недугъ.

Тутъ и холодомъ повѣетъ,
И унынемъ на меня;
Съ темной кельей потемнѣетъ
И скорбитъ душа моя.

Ворожба мнѣ не въ помощь.
Были бь крылья — тотчасъ въ путь,
Чтобъ хоть мелькомъ, хоть съ порога
На затворницу взглянуть.

Въ неизвѣстности томится
Сердце бѣдное мое,
Ждетъ вѣстей, вѣстей боится,
Грезитъ-бредитъ про нее.

ДСХСП.

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГѢ, ВЪ ДЕНЬ ОТЪѢЗДА ИЗЪ
ДЕРЕВНИ.

Благодаренье вамъ, долины, рощи, нивы,
Вамъ, тихимъ ангеламъ, хранителямъ полей,
Дающимъ свѣтъ лугамъ и жатвѣ плодъ счастливый
И Божій миръ сердцамъ и помысламъ людей.

И насъ вы берегли благимъ своимъ покровомъ.
Жизнь наша протекла, какъ тихій, ясный день,
И съ благодарностью, съ любовью, теплымъ словомъ
Гостепріимную помянемъ вашу сѣнь.

Чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ ближе мы къ природѣ,
Тѣмъ въ насъ свѣжѣй душа, тѣмъ тверже каждый шагъ.
Устроены Божій міръ, чтобъ жить въ немъ на свободѣ
И чистою душой знать сладость чистыхъ благъ.

Но дерзкій человекъ, кичливый, непокорный,
Міръ этотъ возмутилъ строптивостью своей:
Небесъ въ своей красѣ и грозы благотворны,
Но отвратительна гроза людскихъ страстей.

Тамъ кровью залиты поля, луга и жатвы,
Тамъ съ звѣрской дикостью идетъ на брата братъ,

Тамъ стонетъ вся земля подъ карой страшной клятвы,
Которую на міръ изрыгнулъ злобный адъ.

Но злобы торжество есть призракъ скоротечной,
И въ мірѣ нравственномъ оно загадка намъ:
Положимъ же запретъ мы въ простотѣ сердечной
Сомнѣньямы разума и ропщущимъ устамъ.

Что люди, что успѣхъ ихъ суетной гордыни,
Что слава ихъ, когда съ ней рядомъ ложь идетъ?
Изъ зыбкаго песка подъяты твердыни
Ихъ вѣтеръ взгромоздилъ—и вѣтеръ ихъ снесетъ.

Ослабимъ, освѣжимъ житейскія заботы,
И жаждущей любви да утолится пылъ
Въ живой купели благъ, въ источникѣ щедроты,
Который Самъ Творецъ въ природѣ намъ открылъ.

Счастливы, кто въ сумракѣ дубравъ уединенныхъ
Хоть на день мыслями и сердцемъ отдохнулъ,
Кто гнетъ удушливый событій современныхъ
Съ себя, какъ страшный сонъ, раскрывъ глаза, стряхнулъ.

Счастливы, кто возлюбилъ и рощи, и долины,
Кто отъ дневныхъ тревогъ спѣшитъ подъ сѣнь полей,
Какъ странникъ, въ край родной пришедшій изъ чужбины,
Привѣтствуетъ, вкрестясь, домъ матери своей.

ДОХСІІІ.

НА ПРИѢЗДЪ ПРИНЦЕССЫ ДАГМАРЫ, ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ ОБОДОРОВНЫ.

Въ дни весны, когда природа
Расточаетъ радость намъ,
Съ свѣтлоголубого свода,
По роднымъ намъ небесамъ,
Промелькнула на разсвѣтѣ
Юныхъ ангеловъ чета:
Миръ и ласка въ ихъ привѣтѣ,
Въ лицахъ блескъ и красота.

Съ крыльевъ ихъ, съ очей ихъ ясныхъ,
Съ сребро-царственныхъ одеждъ
Вѣтъ много думъ прекрасныхъ,
Много радостныхъ надеждъ.
Всѣ, предавшись съ умиленьемъ
Упованью одному,
Любовались мы видѣньемъ,
Сердцемъ вѣруя ему.

Вдругъ ударилъ громъ съ вершины,
Вдругъ затмился сводъ небесъ,
И изъ ангеловъ единый
Навсегда въ грозѣ исчезъ.

А другой на насъ изъ тучи
Съ иѣжной грустью посмотрѣль,
И нашъ гость мимолетучій
Одиновій отлетѣль.

Двѣ печали, двѣ утраты
Разомъ уязвили насъ;
Чернымъ облакомъ объятый,
До полудня день угасъ.
Но, очнувшись отъ удара,
Какъ таинственный залогъ,
Слово милое: Дагмара
Нашъ народъ въ душѣ сберегъ.

Это имя повторяя,
Съ нимъ народъ роднился вновь:
Въ немъ и память есть святая,
Есть надежда и любовь.
Сердца чуткаго догадкой
Онъ своей Дагмару звалъ
И молитвами украдкой
Въ храмахъ Божьихъ поминалъ.

Гласъ народа есть гласъ Божій:
Мы красавицы своей
Домолились у подножій
Милосердыхъ алтарей.
Святы Промысла законы,
Но таинственъ ихъ глаголь:
Тамъ, гдѣ смертному препоны,
Богъ бразду свою провель.

Ты, искупленная грустью,
Радость наша, благъ залогъ,
Въ пристань вновь къ родному устью,
Послѣ бури и тревогъ,

Вѣтромъ теплымъ и попутнымъ,
Словно дышетъ въ немъ весна,
Къ нашимъ берегамъ пріютнымъ
Ты—приплывшая волна!

Ангель намъ обѣтованный,
Наша вѣщая звѣзда,
Закатившись въ день туманный
И, вазалось, безъ слѣда,
Намъ въ отраду и возмездье
Нашей вѣрѣ и слезамъ,
Ты вступаешь вновь въ созвѣздье
Неба радостнаго намъ.

Сонъ пророческій недавно,
Нынѣ Промысла завѣтъ,
Совершающійся явно,
Дня желаннаго разсвѣтъ,
Гость, уже не легкокрылой,
Что, блеснувъ, умчится прочь,
Ты любви святою силой
Навсегда Россіи дочь.

Ты отнынѣ намъ родная
Передъ Богомъ и людьми:
Чувствамъ нашимъ отвѣчая,
Дань родныхъ сердець прими.
Сердцемъ нашъ народъ умѣеть
Сердцу вѣсть любви подать:
Гдѣ любовь цвѣтетъ и зрѣетъ,
Тамъ и Божья благодать.

Не страшися русской стужи,
На морозъ нашъ не смотри:
Русь, холодная снаружи,
Чувствомъ теплится внутри.

Породнись любовью съ нами,
Какъ, заочно возлюбя,
Предрекали мы сердцами
Цесаревною тебя.

Ждутъ тебя подъ Царскимъ кровомъ .
Съ нѣжной Матерью Отецъ,
Чтобъ тобою въ блескъ новомъ
Ихъ украсился вѣнецъ,
Жребій свой благословляя,
Ждетъ тебя молодой Женихъ,
Съ хлѣбомъ-солью Русь святая
Ждетъ улыбки усть твоихъ.

DCXCIV.

ДВѢ ВЕСНЫ.

Свою Дагмарину недѣлю
Природа честно отслужила,
И осень южному апрѣлю
Ненастный сѣверъ уступила.

Земля уговорилась съ небомъ
Отпраздновать Невѣсту нашу
И ей поднести съ задравнымъ хлѣбомъ
Цвѣтами убранную чашу.

Весна сошла съ небесъ для встрѣчи
Весны, приплывшей къ намъ съ полночи,
Ведеть съ ней ласковыя рѣчи
И ей глядить съ любовью въ очи.

И двѣ весны, два обаянья,
Сроднились тайной обоюдной:
Отъ ихъ молодого сочетанья
Намъ льется въ душу отблескъ чудной.

Но праздничные дни приема
Съ своимъ волшебствомъ миновали,

И по домашнему мы дома
Съ себя нарядъ роскошный сняли.

Съ любовью иѣжнаго участья
Весна, отпраздновавъ подругу,
Намъ пожелала благъ и счастья
И съ солнцемъ закатилась къ югу.

И всероссійская природа
Въ права помѣщицы вступила:
Вотъ холодъ, дождь и непогода —
И Русь свое заговорила.

Но сердцу есть еще веселье:
Весна, подъ именемъ Дагмары
Къ намъ прилетѣвъ на новоселье,
И расточая блескъ и чары,

Какъ та весна, не измѣнила:
Свернувши крылья молодья,
Она Россію полюбила,
И породнилась съ ней Россія.

Гость ненаглядный и почетной,
Она въ гнѣздѣ любви ей миломъ
Намъ будетъ птичкою залетной
И нашимъ вѣрнымъ старожиломъ.

Весна души тепломъ душевнымъ
Намъ въ душу навѣваетъ радость,
Даруя розамъ однодневнымъ
Неувядаемую младость.

Дары души — залогъ нетлѣнный,
И за божественной печатью
Они сохранно-неизмѣнны
И свѣтятъ тихой благодатью.

DOXCV.

Меня вы дразните прекрасными стихами,
Я вамъ завидую, вы счастливѣй меня,
Эллады небеса раскинуты надъ вами,
Кругомъ васъ милый блескъ аттическаго дня.

Вы возродились вновь въ священной колыбели,
Гдѣ не скупилась жизнь въ раздачѣ благъ своихъ;
Тамъ пѣсни звучныя боговъ любимцы пѣли
На благозвучнѣйшемъ изъ языковъ земныхъ.

На лонѣ мудрости безпечной и свободной
Жизнь счастьемъ была ужь тѣмъ, что жизнь—она,
И радости цвѣли на почвѣ плодородной,
И жизнь съ поэзіей была одна весна.

Тамъ красота была царицей и богиней,
И набожно сердца курились ей мольбой,
Ей весь цвѣтущій міръ былъ храмомъ и святыней,
И не было границъ межъ небомъ и землей.

Тамъ творческая мысль не знала охлажденья,
Послушны были ей кисть, слово и рѣзецъ,
Художества цвѣли подъ солнцемъ вдохновенья,
И каждый былъ ему поклонникъ или жрецъ.

Тамъ музы не мечта, не баснословья дѣти,
Онѣ гостили тамъ на милой имъ землѣ:
И свѣжъ еще вѣновь изъ розъ былыхъ столѣтій,
Который расцвѣталъ на свѣтломъ ихъ челѣ.

И тѣни ихъ, еще таинственно красуясь
Улыбкой дѣвственной и пламенемъ очей,
Тамъ плавно носятся, тоскуя и любуясь
Все вѣчно молодой отчизною своею.

Вы ихъ встрѣчаете въ тѣни садовъ лицейскихъ,
Знакомой нѣкогда Аѳинскимъ мудрецамъ,
И гостю дальнему изъ странъ Гиперборейскихъ
Пѣснь нѣжную онѣ нашептываютъ вамъ.

Скажите имъ, что я, питомецъ недостойный
Ихъ сѣверныхъ подругъ, зашедшихъ въ нашу даль,
Люблю хотъ издали внимать напѣвъ ихъ стройный,
Въ ихъ вымыслахъ цѣлить души моей печаль.

Блуждающей звѣзды спутникомъ покорнымъ
И я изъ края въ край довольно я блуждалъ,
Далече по морю и по вершинамъ горнымъ,
И чрезъ пустынный зной я путь мой пролагалъ.

Но не привѣтствовалъ я чувствомъ умиленнымъ
Тебя, желанный край обѣтованныхъ сновъ!
Не поклонялся я развалинамъ священнымъ,
Гдѣ смѣшенъ съ пепломъ ихъ и прахъ самихъ боговъ.

Ты именемъ однимъ мнѣ, Греція, знакома,
Одной мечтой твой міръ меня усыновилъ,
Но чуждъ мнѣ милый кровъ родительскаго дома,
Который страстно я заочно возлюбилъ.

Акрополь, алтари божественной Паллады,
Вскормившей свѣтлый строй героевъ и гражданъ!

Ты, златовласый богъ созвучій ихъ услады,
Ты, коимъ смертному глагольъ безсмертныхъ данъ!

Ты, скорби тайнство пославшій Эврипиду,
Которой онъ сердца разилъ и умилялъ,
Ты, стройный складъ рѣчей внушившій Оувидиду.

Ты, розами любви и гроздомъ винограднымъ
Вѣнчавшій сѣдины Θεосскаго пѣвца,
Такъ, что на зло судьбѣ и лѣтамъ безпощаднымъ
Онъ былъ чувствителенъ и молодъ до конца!

Какъ много свѣтлыхъ думъ въ насъ будятъ эти звуки!
Чредой сойдутъ съ земли вѣка и племена,
О нашихъ подвигахъ забудутъ наши внуки,
Но греческихъ сыновъ безсмертны имена.

Въ нашъ вѣкъ и грубой лжи, и дикаго насилья,
Въ который алчностью умы омрачены,
Счастливы, чей взоръ поикъ, чьи опустились крылья
На вѣчно свѣтлое кладбище старины.

Минувшаго душа тоскующая проситъ,
А въ настоящемъ ей желанной пищи нѣтъ,
И отъ нечестій дня мечта ее уноситъ
Въ мракъ поэтической давно минувшихъ лѣтъ.

Тамъ вѣчный бьетъ родникъ сочувственныхъ преданій,
Тамъ пролилась бы въ грудь ихъ свѣжая струя,
Тамъ я сознать бы могъ въ тѣни воспоминаній
И съ гордостью сказать, что человекъ и я.

DCXCVI.

ТОМУ СТО ЛѢТЬ.

(Посвящается памяти Карамзина).

Тому сто лѣтъ, подъ тихимъ кровомъ
Богобоязненной семьи,
Гдѣ чистымъ дѣломъ, чистымъ словомъ
Хранилась заповѣдь любви,
Въ краю, гдѣ Волгой плодородной
Поются нивы и луга,
Гдѣ жизнью бодрой и народной
Кипятъ рѣка и берега,

Тому сто лѣтъ, зимой суровой,
Младенецъ, Божья благодать,
Младенецъ, въ жизнь пришелецъ новой,
Утѣшилъ страждущую мать.
Любуясь имъ, она гордилась,
Заботъ и благъ въ немъ зря залогъ,
О немъ и о себѣ молилась,
Чтобъ ихъ другъ другу Богъ сберегъ.

Но жизнь и вся земная радость
Все тѣнь, неуловимый наркъ:

Въ чемъ предвкушаемъ счастья сладость,
 Въ томъ часто намъ грозитъ ударъ.
 Была молитва завѣщаньемъ
 Передъ разлукой роковой,
 Любви привѣтомъ и прощаньемъ
 Съ новорожденнымъ сиротой.

Еще молитвы, сердцу милой,
 Мать не успѣла досказать,
 А смерти ангелъ чернокрылой
 Кладъ на уста ея печать.
 Гробъ рядомъ съ юной колыбелью
 И съ гранью жизни жизни даль:
 И въ домъ попутчицей веселью
 Вошла семейная печаль.

Но нѣжной матери моленье
 Угодный небу оймѣамъ:
 Мать замѣнило Провидѣнье.
 Не по годамъ, а по часамъ,
 Младенецъ, отрокъ благодушный,
 И подросталь, и расцвѣталь,
 И въ тайнѣ матери послушный
 Рѣчамъ загробнымъ онъ внималь.

Ужъ раннимъ пламенемъ горѣли
 Ребенка чуткіе глаза,
 Пытливо вдаль они смотрѣли,
 Въ нихъ вдохновенная слеза
 Свѣтлѣлась чувствомъ многодумнымъ
 Предъ блескомъ утреннихъ небесъ,
 Или когда подъ вѣтромъ шумнымъ
 Тревожно пѣлъ и плакалъ лѣсъ.

Все, что быть можетъ мысли пицей,
 Или потребностью души,

Все съ каждымъ днемъ яснѣй и чище,
 Еще въ пророческой тиши,
 Еще невѣдомо для свѣта,
 Въ немъ развивалось красотой;
 И проблескъ тихаго разсвѣта
 Былъ дня прекраснаго зарей.

За утромъ дѣтскихъ обаяній
 Настала зрѣлости пора:
 Съ умомъ, алкающимъ познаній,
 Съ душою, жаждущей добра,
 Вступилъ онъ въ жизнь, какъ въ бой воинъ,
 Какъ труженикъ, любящій трудъ,
 Служенья чистаго служитель,
 Избранный Промысломъ сосудъ.

Сперва, попыткою искусства,
 На новый ладъ настроивъ рѣчь,
 Уснѣлъ онъ мысль свою и чувства
 Прозрачной прелестью облечь
 Россія рѣчью сей плѣвилась,
 И съ новой грамотой въ рукѣ,
 Читать и мыслить приучилась
 На Карамзинскомъ языкѣ.

Понятьямъ міръ открылъ онъ новый,
 Пустилъ ихъ въ общій оборотъ,
 Снялъ съ рѣчи тяжкія оковы
 И слову русскому далъ ходъ.
 Не смѣйтеся надъ *Бѣдной Лизой*,
 Младой красавицей въ тѣ дни:
 Окутавшись забвенья ризой
 Всѣмъ намъ она еще сродни.

Все шире, глубже и просторнѣй
 Онъ мирный подвигъ совершалъ,

И все теплѣй, все благотворнѣй
Лучи онъ свѣта проливалъ.
Казалось, новый воздухъ вѣялъ
На вновь раскрытыя бразды,
И все, что онъ съ любовью сѣялъ,
Несло сторичные плоды.

Намъ предковъ воскресилъ онъ лица,
Ихъ образъ въ насъ запечатлѣлъ,
И каждая его страница
Зерцало древнихъ дней и дѣлъ.
Своей живительной рукою
Событій нить связалъ онъ вновь,
Сроднилъ насъ съ русскою семьею
И пробудилъ онъ въ ней любовь.

Въ иномъ художественный пламень,
Но малъ запасъ рабочихъ силъ;
Здѣсь зодчій самъ за камнемъ камень
Въ свой исполинскій трудъ вносилъ.
Воздвигъ онъ храмъ сей величавый,
Прекрасный стройпостью частей,
Сей памятникъ и русской славы,
И славы собственной своей.

Любви къ трудамъ, къ добру, природѣ
Въ своихъ твореньяхъ учить онъ:
Онъ учить въ нравственной свободѣ
Блюсти общественный законъ,
Отечеству быть вѣрнымъ сыномъ
И челоуѣчество любить,
Стоять за правду гражданиномъ
И вмѣстѣ челоуѣкомъ быть.

Нѣтъ тѣни въ немъ противорѣчья;
Гдѣ авторъ — тамъ и жизнь сама:

Та жь теплота добросердечья
 И трезвость свѣтлаго ума.
 Предъ нимъ одна была дорога,
 Проселковъ не искалъ ни въ чемъ:
 Онъ чистотой душа и слога
 Былъ, есть и будетъ образцемъ.

Съ покорностью благоговѣйной
 Къ Тому, Кѣмъ призванъ къ бытію,
 Любилъ онъ свой очагъ семейный,
 Всѣхъ ближнихъ, какъ свою семью.
 На горе братьевъ, на ихъ радость,
 И на закатѣ позднихъ лѣтъ,
 Какъ и въ довѣрчивую младость,
 Въ созвучномъ сердцѣ былъ отвѣтъ.

И славы онъ извѣдалъ чары
 И ласку, и пріязнь царей,
 Судьбы дары, судьбы удары;
 Но въ мирѣ съ совѣстью своей
 Не зналъ онъ ропота въ печали,
 Ни счастья суетныхъ тревогъ;
 И жизни чистыя скрижали
 На Божій судъ припестъ онъ могъ.

Нашъ праздникъ надъ минувшимъ тризна,
 Но мыслью жизни онъ согрѣтъ:
 На немъ сочувствуетъ отчизна
 Тому, что было за сто лѣтъ.
 Въ своей отвагѣ разнородной,
 Какъ ни забывчивы умы,
 Здѣсь благодарности народной,
 Здѣсь гласъ потомства слышимъ мы.

И въ день сей памятный межъ днями,
 Столѣтняго преданья день,

Не носится ль еще надъ нами
Россію любящая тѣнь?
Не онъ ли самъ, роднымъ влеченьемъ
Возставъ изъ гроба, въ этотъ часъ,
Благословляетъ съ умиленьемъ
И слово русское, и насъ?

ДСХСVII.

ЗАМѢТКИ.

1.

Литературы идеальной
Когда-то вѣкъ былъ золотой:
До насъ доходить отзывъ дальшой
О ней, давно ужь намъ чужой.

Затѣмъ реальный вѣкъ! Съ нимъ въ мѣрѣ
Любви, ни вѣрованій нѣтъ;
Въ одно: что дважды два четыре
Съ любовью вѣрять черствый свѣтъ.

Теперь насталь ужь вѣкъ животный,
Литература въ плоть вошла;
И мысль, сей лучъ, сей духъ безплотный,
Къ землѣ животно приросла.

Графу силъ нравственныхъ, духовныхъ
Обозначаемъ мы пулемъ;
Въ своихъ трактатахъ многословныхъ
Мы къ безсловеснымъ такъ и льнемъ.

Одно теперь у насъ въ предметѣ
Познанье гадовъ, ихъ примѣтъ,

Чтобъ доказать, что въ Божьемъ свѣтѣ
Душѣ и Богу мѣста нѣтъ.

Не надо старыхъ намъ игрушекъ:
Не въ анатомію страстей,
А въ анатомію лягушекъ
Впились Бальзаки нашихъ дней.

И все, на что ты не уважешь,
Литературой ли назвать?
Какая гадина! ты скажешь
И будешь цѣлый день плевать.

2.

Отшельникъ, спрятанный въ Капрерѣ,
Не Цинцинать, не Вашингтонъ,
Въ исторію, по крайней мѣрѣ,
Героемъ врядъ ли вступить онъ.

Онъ чистъ и честенъ, я не спору,
Онъ бѣденъ, а богатъ быть могъ,
Въ глаза смотрѣлъ онъ прямо горю,
Былъ твердъ и смѣлъ среди тревогъ.

Все это, спора пѣтъ, похвально,
Но тутъ еще геройства нѣтъ,
Къ тому жъ онъ слишкомъ театрално
Рубахой красной пріодѣтъ.

Въ плащѣ, подъ шляпой и небрежно
Платкомъ онъ шею обвязавъ,
Такъ и глядитъ, что неизбѣжно
Его отгиснетъ фотографъ.

Болтунъ, корреспондентъ всемірный,
Всѣмъ нищеть, всѣхъ заговорилъ,

И, генераль довольно мирный,
Онъ пролилъ множество чернилъ.

Онъ слишкомъ любить популярность,
Туристокъ лондонскихъ наплывъ,
Журналовъ ложь, высокопарность,
Рукоплесканій пошлыхъ взрывъ.

Облекшись скромности оправой,
Торчитъ онъ вѣчно на яву,
Онъ, не довольствуясь славой,
Влюбленъ въ дешевую молву.

Не поддаваясь суевѣрью,
Правдивый дать ли судъ о немъ?
Что жъ сдѣлалъ онъ? Раскрытой дверью
Онъ ворвался въ сосѣднй домъ.

Измѣной призванный, безъ боя
Онъ побѣжденныхъ побѣдилъ;
Съ Кавуромъ фокусы устроая,
Неаполь шляпой онъ накрылъ.

Тутъ царская корона ль, шляпа ль?
Но шутка сыграна, — и вотъ
Въ чужой карманъ попалъ Неаполь,
И встати Римъ туда жъ зоветъ.

И ловко, и замысловато:
Но какъ-то способомъ инымъ
Далъ скромный Вашингтонъ когда-то
Свободу землякамъ своимъ.

Борьбою выстрадалъ онъ славу,
Величьемъ духа поражалъ,
И по успѣху, и по праву
Безсмертье честное стяжалъ.

Мы любимъ какъ бы подешевле
И лавръ, и совѣсть покупать.
Геройствовать умѣли древле,
А мы умѣемъ промышлять.

Удачи блескъ и самовластье
Не рѣдко яркое пятно;
Гдѣ видишь блескъ, спроси ты счастье,
Откуда и къ чему оно?

Дойдешь ты часто до отвѣта,
И до сознанья ты дойдешь,
Что это счастье, слава эта —
Безчестьемъ купленная ложь.

На путь побѣдной колесницы
Цвѣтами слѣпо не сори;
Не принимай ночной зарницы
За проблескъ утренней зори.

Не будь поклонникомъ событья,
Творить кумиры не спѣши:
Нѣтъ прочной славы безъ наитья
Свѣтло возвышенной души.

Нашъ вѣвъ, способный на продѣлки,
Не знаетъ доблестей труда;
Всѣ ваши славы-скороспѣлки
Потомству не дадутъ плода.

Мы видѣли и помнимъ живо,
Не вамъ чета, а исполинъ
Вознесся быстро и кичливо
И такъ же быстро палъ съ вершинъ.

Всѣхъ этихъ выскочекъ удачи
Обманчивъ и пролетень сонъ;

И не глубоки ихъ слѣды горячіи,
И скоро простываетъ онъ.

Падутъ въ свой часъ и тѣ подростки,
Что насадили мятежи,
И съ шумомъ рушатся подмости
Подъ вашей выставкою жи.

3.

Когда жь въ чаду высоколѣтня
Успѣхъ, насъ вздернувъ непутемъ,
Занимствуетъ павлинья перья,
Какъ будто мало быть орломъ,

Успѣхъ его хоть будь громаденъ,
Но силы нравственной лишенъ,
Онъ отвратительно досаденъ
И утомительно смѣшенъ

Былъ Нѣкто: съя вѣсть благую,
Онъ проповѣдывалъ любовь,
И проповѣдь Его Святую
Его жь запечатлѣла кровь.

Но глупымъ дѣтямъ не къ спасенью
Богатство мудраго отца.
Мы христіане по крещенью:
Гдѣ христіанскія сердца?

Въ вину мы ставимъ людоѣду,
Что ближнимъ завтракаетъ онъ,
Но развѣ не людьми побѣду
Кормилъ Лукуллъ - Наполеонъ?

Неблаговидно и безбожно
 Зарѣзать ближняго ножемъ,
 Но гуртомъ ближнихъ съ честью можно
 Душить игольчатымъ ружьемъ.

4.

Все тѣхъ же щей, хоть и пожиже,
 Идетъ и нынѣ дикій торгъ,
 Людей волотятъ въ прахъ, они же
 Приходятъ отъ того въ восторгъ.

Жрецы убійственной науки,
 Они ко Господу любви
 Подъемлютъ съ святотатствомъ руки,
 Обмытыя въ родной крови.

Какъ мало ихъ, какъ рѣдко братья,
 И духомъ братья межъ собой,
 Приносятъ безъ лицепріятя
 Дань братству и любви одной.

Вкусъ къ человѣческому мясу,
 Конечно, скверный аппетитъ;
 Я предпочтенье дамъ бекасу,
 Но спорамъ вкусъ не подлежитъ.

Не въ томъ вопросъ, что хорошо ли,
 Зажаривъ брата, проглотить,
 Но хорошо ль изъ доброй воли,
 Или изъ злой его убить.

Не пушечнаго ль мяса сбытомъ
 Сей человѣческій мясникъ
 Въ своемъ искусствѣ знаменитомъ
 Былъ громко славенъ и великъ?

5.

Нашъ вѣкъ, всѣмъ жертвуя идеѣ,
Все ломить вдоль и поперегъ,
А все же пороха умнѣе
Придумать ничего не могъ.

Когда всѣ убѣжденья пусты,
И умъ становится въ тупикъ,
А дипломаты-златоусты
Охрипнуть, притупивъ языкъ,

Тутъ аргументомъ самымъ дѣльнымъ
Ad hominem, то-есть, къ лицу,
И краснорѣчьемъ огнестрѣльнымъ
Приводятъ долгій споръ къ концу.

1867 г.

ДСХСѢІІІ.

ИСПОВѢДЬ.

Я только и здоровъ, когда вы нездоровы,
Когда, уединясь, вы дома, взаперти,
Снимаете съ себя алмазныя оковы,
Которыя судьбой вамъ суждено нести.

Для слабыхъ глазъ моихъ блескъ солнца не подь силу,
Въ сердечной немощи я сумерковъ ищу:
Сочувствую въ тѣни вечернему свѣтилу,
А въ ликованьяхъ дня, имъ чуждый, я грущу.

Всѣхъ праздниковъ свѣтлѣй, всѣхъ радостей мнѣ краше,
Когда желанный день могу я подстеречь,
И съ глазу на глазъ быть душой съ душою вашей,
Мысль вашу вопрошать и слушать вашу рѣчь.

Есть дни, когда кругомъ смолкаютъ жизни шумы,
А жизни внутренней всѣ голоса слышнѣй,
И средь мірскихъ суетъ растеряныя думы
Вновь въ душу просятся и отдыхаютъ въ ней.

Тутъ мыслью искренней и непритворнымъ словомъ
Высказывать себя готова жизнь сама,

Тутъ не завѣшаны искусственнымъ покровомъ
Ни зеркало души, ни зеркало ума.

Въ нихъ отражаются съ улыбкой откровенной,
Простосердечную свободу возлюбя,
И явный образъ вашъ, и образъ потаенной,
Который скупю вы храните про себя.

Но рѣдки эти дни свободнаго досуга,
И повунаешь ихъ тяжелою цѣной,
Цѣною вашего томленья иль недуга,
Когда потребенъ вамъ и отдыхъ, и покой.

Какъ сердце самому себѣ противорѣчить!
Кто равновѣсье дастъ желаньямъ и мечтамъ?
Насъ съ крайности одной въ другую крайность мечеть,
И часто жаждемъ мы того, что въ горе намъ.

Я ими дорожу: звѣздой обѣтованной
Мнѣ свѣтятся часы, въ которые слегка
Вамъ нездоровится, и словно въ день туманный,
По небу вашему мелькають облака.

А между тѣмъ молю всей мыслью, всей душою,
Чтобъ Промыслъ охранялъ отъ зла вашъ каждый день,
А между тѣмъ отъ васъ, самъ жертвуя собою,
Хотѣлъ бы я отвлечь малѣйшей скорби тѣнь;

Хотѣлъ бы власть имѣть вашъ путь я такъ устроить,
Чтобъ съ вѣрной радостью сближалъ васъ каждый шагъ,
Чтобъ жизни тѣни всѣ я могъ себѣ усвоить
И въ даръ вамъ выстрадать всю долю свѣтлыхъ благъ.

Не властны въ чувствахъ мы и сердце не послушно:
Для насъ самихъ оно загадка и для всѣхъ.
Вы исповѣдь мою примите благодушно,
И, если грѣшенъ я, простите мнѣ мой грѣхъ.

DCXСІХ.

НА ПРІВЗДЪ СЛОВЕНЪ ВЪ РОССІЮ.

Гостей мы угостили плотно
И плотно доказали имъ,
Что говоримъ словоохотно
И плотно пьемъ мы и ѣдимъ.

Славяне могутъ, взявъ съ насъ слѣпокъ,
Вписать въ дорожный свой дневникъ:
Желудокъ русскихъ очень крѣпокъ,
А вдвое крѣпче ихъ языкъ.

ДСС.

КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ МИХАИЛОВИЧУ ГОРЧАКОВУ.

И чувствъ повѣренный, и мысли проводникъ,
Перо имѣетъ свой таинственный языкъ
И мимолетному, разсѣянному слову
Даруетъ образъ, жизнь, осѣдлость и основу.
Перо — волшебный жезлъ и строить чудеса.
Вѣковъ, объятыхъ тьмой, въ немъ слышны голоса;
Въ грядущемъ, воссоздавъ дней нашихъ бѣглыхъ повѣсть,
Оно, какъ исповѣдь, какъ видимая совѣсть,
Передъ святымъ судомъ потомства огласитъ
И тайну помысловъ, и дѣйствій блескъ, иль стыдъ.
Перо есть тотъ же мечъ, когда безъ укоризны,
Безъ страха, ратуетъ оно за честь отчины
И словомъ мужества враждѣ даетъ отпоръ.

Перомъ вступаемъ мы въ заочный разговоръ
И сердца вѣсть даемъ сердцамъ отъ насъ далекимъ
И такъ же, какъ и мы, въ разлукѣ одиночимъ.
У дружбы и любви нѣтъ тайны для пера.
Сердечныхъ таинствъ былъ, какъ самый мѣръ, стара,
Но подъ перомъ о ней рассказъ чистосердечной
Все дышетъ прелестью и молодостью вѣчной.
Онъ увлекаетъ умъ: сочувствіемъ живымъ

Онъ вчужѣ намъ даетъ жить бытіемъ двойнымъ,
 Подъ яснымъ небомъ знать чужого неба грозы
 И о чужихъ слезахъ лить сладостныя слезы.
 Жизнь съ красками ея вѣрнѣй, чѣмъ кисть сама,
 Перо рисуетъ намъ на полотнѣ письма.

Поэзія въ нашъ вѣкъ—поблекшее преданье:
 Цвѣтокъ увялъ, но есть еще благоуханье.
 Немногимъ избраннымъ дается сознавать
 И святость свѣтлыхъ думъ, и пѣсней благодать.
 Но алтарей ужъ нѣтъ: низвержены вумиры,
 И струны сорваны съ священновѣщей лиры.
 Рапсодамъ мѣста нѣтъ, но въ очередь свою
 Перо вливаетъ въ насъ поэзіи струю.

Перо священствуетъ и поучаетъ смѣло,
 И съ Пушкинымъ оно въ садахъ лицейскихъ пѣло,
 И умиляло насъ, и волновало грудь,
 Изъ тѣсныхъ рамъ земныхъ намъ разрѣшая путь
 Въ обѣтованный міръ духовнаго простора,
 Гдѣ съ мыслью строгой нѣтъ у чувства нерекора,
 Гдѣ, обновляясь, жизнь въ святынѣ красоты
 Мирится съ истиной подъ вымысломъ мечты.
 Съ поэтомъ объ руву, въ питомникѣ Лицея,
 Его товарищъ, съ нимъ умомъ и духомъ зрѣя,
 Готовился въ тѣни, призваніемъ судьбы,
 Стяжать иной успѣхъ цѣной другой борьбы.
 Гражданской доблестью измлада вдохновенный,
 Жрецъ слова и боецъ, перомъ вооруженный,
 Россіи вѣрный сынъ, и онъ свое перо
 Ей посвятилъ на честь, на пользу и добро.
 Когда вражду на насъ накликала крамола,
 Онъ защищалъ права народа и престола,
 И въ словѣ вспыхнувшемъ изъ сердца слышенъ былъ
 Негодованья гнѣвъъ и русской чести пылъ.
 За братьевъ страждущихъ подъ властью ненавистной,

Онъ предъ Европой былъ ходатай безкорыстной,
 И памятью Того, Кто самъ за насъ страдалъ,
 Онъ совѣсть сонную правительствъ пробуждалъ;
 Молилъ сыновъ Христа не быть за Магомета,
 И если ихъ душа любовью не согрѣта,
 То изъ стыда, въ виду и сирыхъ, и вдовицъ,
 Въ примѣръ терпимости не выставлять убійцъ.
 Съ сознаньемъ гордости народной, съ убѣжденьемъ,
 Съ священнымъ трепетомъ любви и умиленьемъ
 Россія вся своей и скрѣпой, и душой
 Признала голосъ сей за кровный голосъ свой.

Перу вы дали, князь, народное значенье.
 Не сердца ль русскаго въ немъ слышится бѣенье?
 Свободенъ вашъ языкъ, за тѣмъ, что не лукавъ,
 Что охранитель онъ общенародныхъ правъ,
 Что Русскаго Царя онъ отголосокъ вѣрной,
 И что не нужно вамъ уловкой лицемѣрной
 Мысль потаенную прикрыть обманомъ словъ;
 Свободенъ онъ за тѣмъ, что нашъ народъ готовъ,
 По вызову Царя, отважный и послушной,
 Рѣчь вашу отстоять въ борьбѣ великодушной.
 Въ болѣзненномъ пылу тревожныхъ нашихъ дней,
 Средь скорбнаго умовъ недуга, средь страстей,
 Средь ухищреній лжи и зависти лукавой,
 Счастливъ—кому въ удѣлъ дается мыслью здравой,
 На совѣсть опершись, возвысить голосъ свой
 За правду общую и честь земли родной.

Сегодня празднуемъ мы вашу годовщину.
 Давно..., но о годахъ у женщинъ нѣтъ помину,
 И неохотно имъ выводимъ мы итогъ.
 Кто милъ, кто свѣжій умъ и свѣжесть чувствъ сберегъ,
 Тотъ молодъ, и тому, безъ справокъ и безъ иска,
 Ведется нами счетъ внѣ послужнаго списка,

И не по чину мы сочувствуемъ ему:
 Ни лѣтъ, ни старшинства нѣтъ сердцу и уму.

Не брали—что таить?—мы Пуфендорфа въ руки.
 Смысль политической запутанной науки
 По слуху, вкривь и вкось, намъ, женщинамъ, знакомъ:
 Да и признайтесь, князь, жалѣть ли намъ о томъ?
 Но намъ Россія мать: предъ ней благоговѣемъ
 И самоучкой мы любить ее умѣемъ.
 Но чувство русское подастъ ли сердцу вѣсть?
 Отвѣтная струна и въ нашемъ сердцѣ есть.
 Что было бь не вдогадъ понятьямъ нашимъ темнымъ,
 Что было бы для насъ трудомъ головоломнымъ,
 По женскому чутью, налетомъ, въ мигъ одинъ
 Уразумѣемъ мы не хуже васъ, мужчинъ.
 Предусмотрѣнья даръ таится въ сердцѣ чутьемъ,
 И сердцемъ судимъ мы, какъ судите разсудкомъ,
 Тѣмъ чувствомъ цѣнимъ мы вашъ подвигъ намъ родной.
 Не возвеличить васъ хотимъ своей хвалой:
 Похвальный подвигъ самъ себя достойно славить;
 Но сердце просится, себѣ въ потребность ставить
 Сочувствій искреннихъ подъ спудомъ не беречь
 И въ слово теплое признательность облечь.

Отъ русскихъ женщинъ всѣхъ, ихъ имеемъ, предъ вами,
 Спѣшимъ вамъ выразить и сердцемъ, и словами
 Желанье многихъ лѣтъ, желанье многихъ благъ,
 Чтобъ долго васъ друзья любили, чтобъ и врагъ,
 —Ужь если быть врагамъ—васъ помнилъ, и не въ пору
 Васъ впредь не вызывалъ на письменную ссору.
 А лучше и того—и молимся о томъ—
 Чтобъ примирительнымъ, врачующимъ перомъ,
 Любовью, истиной и силой ихъ доводовъ
 Вы стерли слово врагъ изъ словаря народовъ.
 И будь нашъ даръ, перо, и впредь орудьемъ вамъ
 Къ побѣдамъ нравственнымъ и мирнымъ торжествамъ:

Страдающимъ оно будь состраданья вѣстью,
Уливой слѣпотѣ и гордому нечестью.
Да убѣдится имъ всемирная молва,
Что святы намъ свои и ближняго права;
Что мы Святую Русь святой и величаемъ
За то, что вѣруемъ въ нее и съ вѣрой чаемъ,
Что мирно совершимъ, въ урочный день и часть,
Мы подвигъ, Промысломъ возложенный на насъ.

ДССІ.

Когда, какъ будто вихрь попутный,
Приспособляя крылья намъ,
Уносить насъ вагонъ уютный
По русскимъ дебрямъ и степямъ,

Благословляю я чугулку!
И вдругъ мнѣ что-то говорить:
На насъ, весь вытянувшись въ струнку,
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Почуя гулъ необычайной,
Царь всталъ тревожно изъ земли
И съ любопытствомъ, думой тайной
Вперилъ на насъ глаза свои.

Въ умѣ недолго онъ пошарилъ,
Всю важность дѣла онъ смекнулъ
И по лбу вдругъ себя ударилъ
И тяжело, нашъ Родной, вздохнулъ.

Чудовищемъ любясь жадно,
Ему отвѣсилъ онъ поклопъ,
Но все жь Голубчику досадно,
Что чортъ сей не при немъ рождень.

Царь, эту пятую стихію,
 Еще не выдумалъ народъ,
 А царь нашъ матушку Россію
 На всѣхъ парахъ ужь гналъ впередъ.

Вставъ спозаранку, чарку хватить,
 Подасть къ походу зычный свистъ
 И сплошь свою громаду катить
 Нашъ вѣнценосный машинистъ.

Не зная тундръ, ни буераковъ,
 Онъ то и дѣло бороздить,
 Не угадавши, что Аксаковъ
 Его за это пожурить.

Такъ твердо тендеръ свой державный
 Онъ въ руки мощныя забралъ,
 Что съ рельсовъковки стародавней
 По новымъ круто онъ помчалъ.

Россію онъ вогпалъ въ Европу,
 Европу къ намъ онъ подкатилъ,
 И, прирастившись въ телескопу,
 Окно онъ въ море прорубилъ.

Морская зыбь — его веселье!
 И самъ катается по ней,
 И погостить на новоселье
 Скликаеть стаи кораблей.

Быть можетъ, сважутъ: „Засидѣлись
 Мы слишкомъ долго у окна
 И на чужое заглазѣлись...“
 Но полно! тутъ его ль вина?

Онъ окончательнаго слова
 Сказать, нашъ Зодчій, не успѣлъ,

И не достроена основа
Великихъ помысловъ и дѣлъ.

Какъ бы то ни было, на славу
Изъ ботика развелъ онъ флотъ,
По русски отстоялъ Полтаву
И Питеръ вызвалъ изъ болотъ.

Намъ скажутъ: „Русь онъ онѣмчилъ!“
Нѣтъ, извините, господа!
Россію онъ очеловѣчилъ
Во имя мысли и труда.

Петръ былъ не узкій подражатель
Однихъ обычаевъ и модъ;
Нѣтъ, съ бою взялъ завоеватель
То, въ чемъ нуждался нашъ народъ.

Хоть самъ былъ среднимъ грамотѣемъ,
Науку ввелъ къ намъ на проломъ:
Все, что мы знаемъ, что имѣемъ,
Всему онъ крестнымъ былъ отцомъ.

Въ его училищѣ и нынѣ
Урокъ для всякаго добра:
Да и Второй Екаторинѣ
Не быть безъ Перваго Петра.

Онъ въ царство тьмы, во время оно,
Одинъ въ грядущее проникъ,
Одинъ былъ собственной персоной
Свой телеграфъ и паровикъ.

Но мысль его, прижавши крылья,
На долгихъ совершала путь,
И не могли бойца усилья
И даль, и время въ вомъ сомкнуть.

Что врядъ приснится ли любому,
 Онъ на яву свершилъ одинъ:
 Но все же шелъ онъ по людскому,
 Хоть и шагаль, какъ исполинъ.

Въ свой краткій вѣкъ онъ жилъ сторишно,
 Безсмертья заживо достигъ;
 Онъ трудъ вѣковъ обдѣлалъ лично
 И своеручный мѣръ воздвигъ.

Ученыхъ не прося совѣта,
 Онъ зналъ не хуже англичанъ,
 Что время та же есть монета, —
 И онъ пускалъ ее въ чеканъ.

Вездѣ пройдетъ, гдѣ есть лазейка,
 Гдѣ нѣтъ, — пробьетъ и впуститъ трудъ:
 Часъ каждый, каждая копейка
 На пользу и въ процентъ идутъ.

Хоть Самъ онъ былъ державнымъ зодчимъ,
 Учиться побѣжалъ въ Сардамъ
 И тамъ, трудясь чернорабочимъ,
 Блескъ придалъ царственнымъ рукамъ.

Онъ пиво пилъ, курилъ онъ внастеръ,
 Кутилъ, но дѣлу не въ ущербъ,
 И изъ вутилы вышелъ мастеръ,
 Которымъ славенъ русскій гербъ.

Въ Карлсбадѣ, гдѣ силачъ нашъ хворый
 Пилъ самородный кипятокъ,
 Гдѣ съ Лейбницемъ вступалъ онъ въ споры
 И тутъ же первый былъ стрѣлокъ,

Съ сѣдла сбивая смыслъ нѣмецкій, —
 Карлсбадъ то въ хронику вписалъ —

Верхомъ на Гиршпрунгъ молодецки
Онъ съ русской удалю вскавалъ.

Такъ онъ вскавалъ и на Россію
И за собой ее повлекъ,
Коню скрутилъ немножко выю, —
Но ужъ таковъ былъ нашъ ѣздокъ!

Онъ крутъ былъ малую толику,
Но бодръ въ немъ и духъ, и плоть,
И мощью на добро владыку
Самъ надѣлилъ его Господь.

Какого жь русскаго вамъ надо,
Когда и онъ отмѣченъ въ бравъ?
Природы русской типъ и чадъ,
Наирусѣйшій онъ русакъ!

Нѣтъ, нѣтъ, онъ — нашъ! онъ — первый мастеръ,
Въ немъ русскихъ доблестный залогъ,
И согрѣшилъ ли въ чемъ, — такъ страсти
Въ немъ тотъ же русскій духъ разжегъ.

Пусть онъ подписывался Piter,
Но предъ отечествомъ на смотръ
Все жь выйдетъ изъ заморскихъ литеръ
На русскій ладъ: Великій Петръ.

Ужъ то-то задалъ бы онъ тряску,
Когда про коврикъ-самолетъ
Онъ могъ бы въ быль упрочить сказку
Безъ лишнихъ справокъ и хлопотъ;

Когда бъ онъ, силъ своихъ въ избыткѣ,
Всю Русь могъ обручемъ спясть,
Ее жь по проволочной ниткѣ
Заставить прыгать и плясать:

Раздолье было бѣ мощной волѣ!
Царь — электричеству сродни,
И въ русскомъ свороспѣломъ полѣ
Сегодня сѣи, а завтра жни.

Вотъ отчего, когда стрѣлою
Нашъ поѣздъ огненный летитъ,
На насъ съ раздумьемъ и тоскою
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Утѣшься, Соколъ нашъ любимый!
Не ты ль насъ закалилъ въ борьбѣ?
Нѣтъ, не пройдетъ надъ Русью мимо
Святая память о тебѣ.

Что ты задумалъ, что съ любовью
Посѣялъ щедрою рукой,
Когда работалъ ты надъ новью
Земли, распаханной тобой,

Все дало плодъ, даетъ задатокъ.
Твой мудрый свѣточъ не погасъ —
И нашъ петровскій отпечатокъ
Вѣками не сотрется съ насъ!

ДССП.

А Ю - Д А Г Ъ.

(дорогой).

Гамъ, гдѣ извилины дороги
Снуютъ свою веругъ моря сѣтъ,
Вотъ страшно выползъ изъ берлоги
Громадной тучности медвѣдь.

Глядитъ налѣво и направо,
И вдаль онъ смотритъ свысока
И подпираетъ величаво
Хребтомъ косматымъ облава.

Въ своемъ спокойствіи медвѣжьемъ
Улегся плотно исполинъ,
Любуясь и роднымъ побережьемъ,
И роскошью его картинъ.

Порой — угрюмой онъ и мрачной,
Порой его прелестенъ видъ,
Когда, съ закатомъ дня, прозрачной
Вечерней дымкой онъ обвить.

Порой на солнцѣ въ нѣгѣ дремлетъ
И грѣтъ жирныя бока;
Онъ и не чуетъ, и не внемлетъ,
Какъ носятся надъ нимъ вѣва.

Вотще кругомъ реветъ и рдѣтъ
Гроза иль смертоносный бой,
Все неподвижно,—не старѣтъ
Онъ допотопной красотой.

Нашъ звѣрь обросъ зеленой шерстью!..
Когда же зной его печетъ,
Спустившись къ свѣжему отверстию,
Онъ голубое море пьетъ.

Сынъ солнца южнаго! На взморьѣ
Тебѣ живется здѣсь легко,
Не то, что въ нашемъ зимогорьѣ,
Тамъ, въ снѣжной ночи, далеко,

Гдѣ мишка, братъ твой, терпитъ холодъ,
Весь день во весь звѣдаетъ ротъ,
И чтобъ развлечь тоску и голодъ,
Онъ лапу медленно сосетъ.

И я, сынъ сѣверныхъ мятелей,
Сынъ непогодъ и буйныхъ вьюгъ,
Пришлецъ, не вѣдавшій доселѣ,
Какъ чуденъ твой роскошный югъ,

Любуясь, гдѣ мы ни проѣдемъ,
Тѣмъ, что даритъ намъ каждый шагъ,
Я самъ бы радъ дожить медвѣдемъ,
Какъ ты, счастливецъ Аю-Дагъ!

ДОСІІІ.

БАХЧИСАРАЙ.

(НОЧЬЮ ПРИ ИЛЛЮМИНАЦИИ).

Изъ тысячи и одной ночи
На часть одна пришлась и мнѣ,
И на яву прозрѣли очи,
Что только видится во снѣ.

Здѣсь ярко блещетъ баснословный
И поэтическій востокъ;
Свой рай прекрасный, хоть грѣховный,
Себѣ устроилъ здѣсь пророкъ.

Сады, сквозь сумракъ, разноцвѣтно
Пестрѣютъ въ лентахъ огневыхъ,
И прихотливо, и привѣтно
Облита блескомъ зелень ихъ.

Красуясь стройностію чудной,
И тополь здѣсь, и кипарисъ,
И крупной кистью изумрудной
Роскошно виноградъ повисъ.

Обвитый огненной чалмою,
Встаетъ стрѣльчатый минаретъ,
И слышится ночью тьмою
Съ него молитвенный привѣтъ,

И нѣгой, полной упоенья,
Ночнаго воздуха струи
Намъ навѣвають оболъщенья,
Мечты и марева свои.

Вотъ одалиски легкимъ роемъ
Воздушно по саду скользятъ:
Глаза ихъ пышутъ страстнымъ зноемъ
И въ душу вкрадчиво глядятъ.

Чуть слышится ихъ тайный шопотъ
Въ кустахъ благоуханныхъ розъ;
Фонтаны льютъ свой свѣжій ропотъ
И зыбкій жемчугъ звонкихъ слезъ.

Здѣсь, какъ изъ нѣдръ волшебной сказки,
Мгновенно выдаются вновь
Давно отжившей жизни краски,
Власть, роскошь, слава и любовь,

Волшебства мѣръ разнообразный,
Сновъ фантастическихъ игра,
И утонченные соблазны,
И пышность ханскаго двора.

Здѣсь многихъ тайнствъ, многихъ былей
Во мракѣ лѣтопись слышна,
Здѣсь дикимъ прихотямъ и силѣ
Служили молча племена;

Здѣсь, въ царствѣ нѣги, бушевало
Не мало смуть, домашнихъ грозъ;

Здѣсь счастье блага расточало,
Но много пролито и слезъ.

Вотъ стѣны темнаго гарема!
Отъ страстныхъ думъ не отрѣшась,
Еще здѣсь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь.

Она еще простить не можетъ
Младой соперницѣ своей,
И тѣнь ея еще тревожитъ
Живая скорбь минувшихъ дней.

Невольной, роковою страстью
Несется тѣнь ея къ мѣстамъ,
Гдѣ жадно предавалась счастью
И сердца пенадежнымъ снамъ,

Гдѣ такъ любила, такъ страдала,
Гдѣ на любовь ея въ отвѣтъ
Любви измѣна и опала
Ее скосили въ цвѣтѣ лѣтъ.

Во дни счастливыхъ вдохновеній
Тревожно посѣтилъ дворецъ
Страстей сердечныхъ и волненій
Самъ и страдалецъ, и пѣвецъ.

Онъ слушалъ съ трепетнымъ вниманьемъ
Рыданьемъ прерванный не разъ
И дышущій еще страданьемъ
Печальной повѣсти рассказъ.

Онъ понялъ раздраженной тѣни
Любовь, позпавшую обманъ,
Ея и жалобы, и пени,
И боль неисцѣлимыхъ ранъ.

Предъ нимъ Зарема и Марія —
 Сковала ихъ судьбы рука —
 Грозы двѣ жертвы роковыя,
 Два опаленные цвѣтка.

Онъ плакалъ надъ Маріей бѣдной:
 И образъ узницы молодой,
 Тоской измученный и блѣдный,
 Но свѣтлый чистой красотой,

И непорочность, и стыдливость
 На дѣвственномъ ея челѣ,
 И безутѣшная тоскливость
 По милой и родной землѣ,

Ея молитва предъ иконой,
 Чтобы отъ гибели и зла
 Небесъ Царица обороной
 И огражденьемъ ей была, —

Все понялъ онъ! Ему не ново
 И вчужѣ сознавать печаль,
 И пояснять намъ слово въ слово
 Сердечной повѣсти скрижалъ.

Маріи дѣвственныя слезы
 Какъ чистый жемчугъ онъ собралъ,
 И свѣжій кипарисъ, и розы
 Въ вѣнокъ посмертный онъ связалъ.

Но вмѣстѣ и Заремы гнѣвной
 Любилъ онъ ревность, страстный пылъ,
 И отголосокъ задушевной
 Въ себѣ ихъ воплямъ находилъ.

И въ немъ борьба страстей кипѣла,
 Душа и въ немъ отъ юныхъ лѣтъ

Страдала, плакала и пѣла,
И подь грозой созрѣлъ поэтъ.

Онъ передалъ намъ вѣщимъ словомъ
Всѣ впечатлѣнїя свои,
Все, что прозрѣлъ онъ за покровомъ,
Который скрылъ былые дни.

Тѣнь и его здѣсь грустно бродить,
И онъ, нашъ Данте молодой,
И насъ по царству тѣней водить,
Даруя образъ имъ живой.

Подъ плескъ фонтана сладкозвучный
Здѣсь плачется его напѣвъ,
И онъ — спутникъ неразлучный
Младыхъ бахчисарайскихъ дѣвъ.

DCCIV.

ЧУФУТЪ-КАЛЕ.

Грустна еврейская Помпея;
Въ обломкахъ городъ тихъ и пустъ,
Здѣсь вѣхій голосъ Моисея
Переходилъ изъ чистыхъ устъ
Въ уста преданьемъ непрерывнымъ
И, вѣрный праотцамъ своимъ,
Хранилъ завѣтъ ихъ съ рвеньемъ дивнымъ
Благочестивый караимъ.

Сюда, изгнанникъ добровольный,
Онъ свой Израиль перенесъ;
Въ обрядахъ жизни богомольной
Съ годовъ младенческихъ онъ росъ,
И, совершивъ свой путь смиренный,
Достигнувъ мирно позднихъ дней,
Онъ возвращалъ свой пепелъ бранный
Земль-кормилицѣ своей.

Крутизна и голыхъ скалъ вершины,
Природы дикой красота
Напоминали Палестины
Ему священныя мѣста,

Здѣсь онъ оплаканнаго края
Подобье мнлое искалъ,
И чужлось ему: съ Синая
Еще Господь благовѣщаль.

Теперь здѣсь жизнь уже остыла,
Людей житейскій гуль утихъ,
И словно буря сокрушила
И разметала дома ихъ.
Не тронуты однѣ гробницы
Почившихъ въ вѣчности колѣнъ,
Сіи нетлѣнныя страницы
Изъ повѣсти былыхъ временъ.

Народъ, разрозненный грозою,
Скитальцы по лицу земли!
Здѣсь, наконецъ, вы подъ землею
Осѣдлость вѣрную нашли.
Въ Иосафатовой долинѣ
Васъ ждалъ желаемый покой:
И ужъ не вызовутъ васъ нынѣ
Изъ лона матери родной.

DCCV.

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗЪ КОРЕИЗА.

Усѣяно небо звѣздами,
И чудно тѣ звѣзды горять,
И въ море златыми очами
Красавицы съ неба глядятъ;

И зеркало пропасти зыбкой
Купаетъ ихъ въ лонѣ своемъ
И, вспыхнувъ ихъ ярвой улыбкой,
Струится и брызжетъ огнемъ.

Вдоль моря громады утесовъ
Сплотились въ единый утесъ:
Надъ ними колоссъ изъ колоссовъ
Ай-Петри ихъ всѣхъ переросъ.

Деревья, какъ сборище тѣней,
Воздушно толпясь по скаламъ,
Подъ сумракомъ съ горныхъ ступеней
Киваютъ задумчиво намъ.

Тревожное есть обаянье
Въ сей теплой и призрачной мглѣ;

И самое ночи молчанье
Несется, какъ пѣснь, по землѣ.

То нѣгой, то чувствомъ испуга
Въ насъ сердце трепещетъ сильнѣй;
О ночь благодатнаго юга,
Какъ много волшебнаго въ ней!...

DCCVI.

Вдоль горы, поросшей лѣсомъ,
Есть уютный уголокъ:
Онъ подъ вѣтвянымъ навѣсомъ
Тихъ и свѣжъ, и одинокъ;

Приютившись къ ущелью,
Миловидный Корензь
Здѣсь надъ моремъ колыбелью
Подъ крутой скалой повисъ.

И съ любовью, съ нѣжной лаской
Ночь, какъ мать, въ тихій часъ
Сладкой пѣснью, чудной сказкой
Убаюкиваетъ насъ.

Сввозъ глубокое молчанье,
Подъ деревьями, въ тѣни
Слышны ропотъ и журчанье:
Съ плескомъ падаютъ струи.

Этотъ говоръ, этотъ лепетъ
Въ вѣчно-люющихся струяхъ
Возбуждаетъ въ сердцѣ трепетъ
И тоску о прошлыхъ дняхъ.

Улыбалась здѣсь красиво
Ненаглядная звѣзда,

Къ намъ слетѣвшая на диво
Изъ лазурнаго гнѣзда.

Гостя въ блескѣ скоротечномъ
Нынѣ скрылася отъ насъ,
Но въ святилищѣ сердечномъ
Милый образъ не угасъ.

DCCVII.

МѢСЯЧНАЯ НОЧЬ.

Тамъ высоко, въ звѣздномъ морѣ,
Словно лебедь золотой,
На безоблачномъ просторѣ
Ходить мѣсяцъ молодой,

Нашъ красавецъ ненаглядный,
Южной ночи гость и другъ;
Все при немъ, въ тѣни прохладной,
Все затеплилось вокругъ:

Горы, сваты ихъ, вершины,
Тополь, лавръ и кипарисъ
И во глубь морской пучины
Выдвигающійся мысъ.

Все мгновенно просвѣтлѣло —
Путь и темные углы,
Все пріяло жизнь и тѣло,
Все воспрянуло изъ мглы.

Съ нѣгой юга сны востока,
Поэтическіе сны,

Вѣсти, гости изъ далека,
Изъ волшебной стороны,—

Все для сѣвернаго сына
Говорить про міръ иной;
За картиною картина,
Красота за красотой:

Тишь и сладость нѣги южной,
Въ небѣ звѣздный караванъ,
Здѣсь струей среброжемчужной
Тихо плачущій фонтанъ.

И при мѣсячномъ сіяньи,
Съ моря, съ долу, съ высоты,
Вьются въ сребrenomъ мерцаньи
Тѣни, образы, мечты.

Новыхъ чувствъ и впечатлѣній
Мы не въ силахъ превозмочь:
Льешься чашей упоеній,
О таврическая ночь!

Вотъ татаринъ смуглолицый
По прибрежной вышинѣ,
Словно всадникъ изъ гробницы,
Тѣнью мчится на конѣ,—

Освѣщенный луннымъ блескомъ
Диво смотритъ на меня,
Вдругъ исчезъ! И море плескомъ
Вторитъ топоту коня.

Здѣсь татарское селенье:
Съ плоской кровлей низкій домъ

И на ней, какъ привидѣнье,
Дѣва въ облакѣ ночномъ;

Лишь выглядываютъ очи
Изъ накинутой чадры,
Какъ зарницы темной ночи
Въ знойно-лѣтніе жары.

DCCVIII.

КАЛОША.

(Е. Л. Игнатьевой).

Въ чаду прощальнаго поклона
У васъ, въ послѣдній вечерокъ,
Какъ молодая Сандрильона,
Оставилъ я свой башмачекъ.

Нѣтъ, лучше слогъ вудрявый брошу
И, реализма ученикъ,
„Оставилъ я свою калошу“,
Скажу вамъ просто напрямикъ.

Одну у вашего порогу
Благополучно я надѣлъ,
Но вспомнить про другую ногу
Я, растерявшись, не сумѣлъ.

Все такъ дышало обаяньемъ
И нѣгою въ ночной тиши,
И вы подъ мѣсячнымъ сіяньемъ
Такъ чудно были хороши,

И мѣсяць такъ свѣжо глядѣлся
Въ морскую синюю волну,
Что самъ невольно засмотрѣлся
Я и на васъ, и на луну.

И кто жь тутъ память не утратить?
Кому до ногъ и до калошъ,
Когда тебя восторгъ обхватить
И поэтическая дрожь?

Конечно, тепель вечеръ южный
И ночь согрѣта зноемъ дня,
Здѣсь осторожности не нужны,
Но зябки ноги у меня.

Прошу васъ оказать услугу
Мнѣ и разрозненной четѣ,
Пришлите вѣрную подругу
Моей калопѣ-сиротѣ.

Когда-то—но теперь все плоше
И время ужь совсѣмъ не то —
Сказалъ бы, что у васъ съ калошей
Еще забылъ я кое-что.

Но это кое-что напрасно
Дерзнулъ бы я вамъ въ давь принести:
Въ вѣнокъ вашъ свѣжій и прекрасной
Цвѣтокъ весенній должно вплести.

Тутъ нужно чувство помоложе,
Чтобъ не попасть какъ разъ въ просакъ,
А сердце старое вамъ то же,
Что вашъ изношенный башмакъ.

СССІХ.

ГОРЫ НОЧЬЮ.

(Дорогою).

Морского берега стѣна сторожевая,
Дающая отбой бунтующимъ волнамъ,
Въ лазурной глубинѣ подошву омывая,
Ты гордую главу возносишь къ облакамъ.

Рукой невѣдомой изсѣченныя горы,
Съ ихъ своенравною и выпуклой рѣзью!
Нельзя отъ нихъ отвлечь вперившіеся взоры,
И мысль запугана ихъ дикой красотой.

Здѣсь въ грозной прелести могуществомъ и славой
Природа царствуетъ съ первоначальныхъ дней;
Здѣсь стелется она твердыней величавой,
И кто помѣрится осмѣлился бы съ ней?

Ужь внятно, кажется, природа челоуѣку
Сказала: здѣсь твоимъ наѣздамъ мѣста нѣтъ,
Здѣсь бурямъ да орламъ однимъ испоконъ-вѣку
Раздолье и просторъ, а ты будь домоуѣды!

Но смертный на землѣ есть гость неугомонный,
Природы-матери онъ непослушный сынъ;
Онъ съ нею борется, и волей непреклонной
Онъ хочетъ матери быть полный властелинъ.

Крамольный сынъ, ее онъ вызываетъ въ бою;
Смѣльчакъ, пробилъ ея онъ каменную грудь,
Утесамъ онъ сказалъ: раздвиньтесь предо мною
И прихотямъ моимъ свободный дайте путь!

И съ русской удалю, татарски-беззаботно,
По страшнымъ крутизнамъ во всю несемся прыть,
И смѣлый лозунгъ нашъ въ сей скачкѣ поворотной:
То be or not to be—иль быть, или не быть.

Здѣсь пропасть, тамъ обрывъ: все тринъ-трава, все сказки!
Валяй, ямщикъ, пока не разрѣшенъ вопросъ:
Иль въ море выскочимъ изъ скачущей воляски,
Иль лбомъ на всемъ скаку ударимся въ утесъ!

ДССХ.

ЛИВАДІЯ.

(27-го юля).

Отчего красою новой
Улыбается намъ день,
Свѣявъ съ тверди бирюзовой
И послѣдней тучки тѣнь?
Отчего онъ такъ свѣтлѣеть?
Отчего еще нѣжнѣй
Насъ лобзаетъ, насъ лелѣетъ
Теплой ласкою своей?

Отчего такъ благосклонно
И такъ празднично глядятъ
Море, берегъ благовонный
И его роскошный садъ?
Отчего такъ солнце блещетъ,
Златомъ даль озарена,
И такъ радостно трепещетъ
Моря синяя волна?

Въ этотъ день, всѣхъ дней прекраснѣй,
И земля, и небеса,

Отчего еще согласнѣй
 Въ пѣснь сливаются голоса?
 Отчего вездѣ такъ мило
 Чье-то нѣ слышно намъ,
 И молитва, какъ кадило,
 Свой возноситъ ѳиміамъ?

Въ уголокъ сей безмятежный
 Отчего нашъ тайный врагъ —
 Пресыщенье, неизбѣжный
 Спутникъ всѣхъ житейскихъ благъ, —
 Не помыслить, не посмѣеть
 Заглянуть за нашъ порогъ,
 И затихнувъ, здѣсь нѣмѣеть
 Шумъ заботливыхъ тревогъ?

Древній міръ очарованья
 Нынѣ вновь помолодѣлъ;
 Словно въ первый день созданья
 Юной жизнью онъ расцвѣлъ;
 Непочатый самовластьемъ
 Разрушительныхъ вѣковъ,
 Юнымъ блескомъ, юнымъ счастьемъ,
 Свѣжей зеленью цвѣтовъ,

Онъ увѣнчанъ, опоясанъ
 Онъ жемчужною волной,
 Сводъ небесъ надъ нимъ такъ ясенъ,
 Да и самъ онъ — рай земной.
 Отчего, съ природой дружно,
 На кого ни погляди,
 Всѣ сердца горятъ такъ южно
 Въ нашей сѣверной груди?...

Оттого здѣсь все такъ живо
 Блещетъ праздничной красой,

Что встрѣчаемъ день счастливый
Годовщины дорогой.

Въ этотъ день у колыбели
Ангель жизни предстояль,
И младенцу къ свѣтлой цѣли
Свѣтлый путь онъ указалъ.

Съ возрастающей надеждой
Предсказаніе сбылось,
И подъ царственной одеждой
Сердце чистое зажглось.
Кроткій духъ благоволенья
Возлелѣяль и развилъ
Всѣ души ея движенья
И весь строй душевныхъ силъ.

Жизнь созрѣла и богато
Принесла дары свои,
Все, что благо, все, что свято,
Ей знакомо, ей сродни.
Не страшась завоеванья
Для другихъ враждебныхъ лѣтъ,
Свѣжестью благоуханья
Въ ней роскошенъ жизни цвѣтъ.

Ей къ лицу и багряница,
Но еще она милѣй,
Если прячется царица
Въ женской прелести своей.
Въ свѣтломъ праздничномъ уборѣ
Оттого здѣсь небеса,
Горы, голубое море
И душныя лѣса.

Всѣ, ревнуя другъ предъ другомъ,
Расточаютъ блескъ и тѣнь,
Чтобъ отпраздновать всѣмъ югомъ
Этотъ радостный намъ день!

ДССХІ.

Слуху милья названья,
Зрѣнью милья мѣста!
Свѣтлой цѣпью обаянья
Къ вамъ прикована мечта.

Вотъ Ливадія, Массандра!
Благозвучныя слова!
Съ древнихъ береговъ Меандра
Ихъ навѣяла молва.

Гаспра тихая! Красиво
Расцвѣтающій Мисхоръ!
Оріанда, горделиво
Поражающая взоръ!

Живописнаго узора
Свѣтлый, свѣжій лоскутокъ —
Коренизь, звѣздой съ Босфора
Озаренный уголокъ!

Солнце, тѣнь, благоуханье,
Горъ Таврическихъ краса,
Въ не мерцающемъ сіяньѣ
Голубыя небеса!

Моря блескъ и тишь, и трепеть!
И средь тьмы и тишины
Вдоль побережья плачь и лепеть
Ночью плещущей волны!

Поэтической Элады
Отголоски и залогъ,
Мира, отдыха услады,
Пристань, чуждая тревогъ!

Здѣсь, не знаясь съ ненастьемъ,
Жизнь такъ чудно хороша,
Здѣсь цѣлебнымъ, чистымъ счастьемъ
Упивается душа.

Съ нашимъ чувствомъ здѣсь созвучнѣй
Горь, долинь, лѣсовъ привѣтъ,
Намъ ихъ тайнства сподручнѣй,
Словно тайнства въ нихъ нѣтъ.

Здѣсь намъ родственнымъ нарѣчьемъ
Говорить и моря шумъ;
Съ дѣтскимъ здѣсь простосердечьемъ
Умиляется нашъ умъ.

И съ природою согласно
Свѣжестъ въ мысляхъ и мечтахъ,
Здѣсь и на сердцѣ такъ ясно,
Какъ въ прозрачныхъ небесахъ.

DCСXII.

ОРИАНДА.

(Государыня Императрица).

Море яркою парчею
Разстиляется внизу,
То блеснетъ златой струею,
То сольется въ бирюзу,

Въ изумрудъ и въ яхонтъ синій,
Въ ослѣпительный алмазь,
Зыбью радужной пустыни
Не насытитъ жадный глазъ.

И предъ моремъ, съ нимъ сподручно,
Моремъ зелень разлилась,
И растительностью тучной
Почва пышно убралась.

Тамъ, гдѣ стелется веранда,
Гдѣ гора даетъ отлогъ,
Заблѣлась Орианда,
Какъ серебряный чертогъ.

И надъ нимъ сапфирной крышей
Развернулся неба сводъ,
Воздухъ здѣсь струится тише,
И все тише ропотъ водъ;

Какъ твердыня, скалъ громада
Уперлася въ полукругъ —
И охрана, и ограда
Отъ напора зимнихъ вьюгъ.

Знать, здѣсь громы рокотали
И огнемъ своихъ зарницъ
Горъ осколки разметали
Съ этихъ каменныхъ бойницъ.

Средь прохлады и потемокъ
Древъ, пресѣвшихъ солнца свѣтъ,
Допотопныхъ горъ потомокъ,
Камень, древній домосѣдъ,

Весь обросшій сѣрымъ мохомъ,
На красу картинъ живыхъ,
Какъ старикъ, глядитъ со вздохомъ
На красавицъ молодыхъ.

На скалѣ многоголовной,
Освященьемъ здѣшнихъ мѣстъ,
Водруженъ маякъ духовной,
Искупительный вашъ крестъ.

Чуть завидя издалече
Это знаменье, морякъ,
Ободраясь благою встрѣчей,
Совершаетъ крестный знакъ.

И свитальцамъ въ бурномъ морѣ,
И житейскихъ волнъ пловцамъ,

Въ дни попутные и въ горѣ,
Крестъ и вождь, и свѣточъ тамъ;

Здѣсь о немъ пройдетъ преданье:
Былъ воздвигнуть надъ скалой
Онъ царицей на прощанье
Съ этой чудной стороной;

Въ ней какъ будто сердцу снилось,
Говорило что-то ей,
Что ужъ въ Западу клонилось
Солнце ненадежныхъ дней.

Въ ней угадывало чувство,
Что дворецъ, что этотъ садъ,
Гдѣ съ природою искусство
Очаровываютъ взглядъ,

Это море безъ границы,
Небеса безъ облаковъ,
Горы, мирныя бойницы,
Зданья зодческихъ вѣковъ,

Южный день съ своимъ сіяньемъ,
Ночь подъ небомъ голубымъ,
Съ теплымъ ласковымъ дыханьемъ,
Съ звѣзднымъ сумракомъ своимъ,

Эти прелести природы,
Эти пышности дворца
И урывкой дни свободы
Изъ-подъ царскаго вѣнца,

Все, чѣмъ сердце такъ богато,
Все, въ чемъ сладость бытія,
Все, что мило, все, что свято
Въ словѣ радостномъ: семья, —

Все казалось ей непрочно,
Переходчиво какъ тѣнь,
Къ цѣли близкой, хотъ заочной,
Каждый день ей былъ ступень.

Благъ житейскихъ скоротечность
Оцѣнить она могла
И душой прозрѣла вѣчность
И себя ей обрекла.

Въ эти дни, когда, красуясь,
Все цвѣло еще окрестъ,
Думѣ тайной повинуюсь,
Вознесла она сей крестъ.

Крестъ сей ближнимъ завѣщанье,
Въ немъ имъ слышится привѣтъ,
Что за гробомъ есть свиданье,
Что разлуки въ смерти нѣтъ;

Освѣщая нравъ гробницы,
Передастъ до позднихъ дней
Съ милымъ именемъ царицы
Память вѣчную о ней.

ДССХІІІ.

М О Р Е.

Опять я слышу этот шумъ,
Который сладостно тревожилъ
Повой моихъ лѣнивыхъ думъ,
Съ которымъ я такъ много прожилъ
Бессонныхъ, памятныхъ ночей,
И слушалъ я, какъ плачетъ море,
Чтобъ словно выплакать все горе
Изъ глубины груди своей.

Не выразить языкъ земной
Твоихъ рыдающихъ созвучій,
Когда, о море, въ тьмѣ ночной
Раздастся голосъ твой могучій!
Кругомъ все тихо! Вѣтръ уснулъ
На возвышеньяхъ Аю-Дага;
Ни человѣческаго шага,
Ни словъ людскихъ не слышенъ гулъ

Дневной свой подвигъ соверша,
Земля почилъ послѣ боя;
Но бурная твоя душа
Одна не вѣдаетъ покоя.

Тревожась внутренней тоской,
Томясь невѣдомымъ недугомъ,
Какъ пораженное испугомъ,
Вдругъ вздрогнувъ, ты подѣмлешь вой.

Таинственъ мракъ въ ночной глуши,
Но посреди ея молчанья
Еще таинственнѣй души
Твоей, о море, прорицанья!
Ты что-то хочешь рассказать
Про таинства природы вѣчной
И намъ волною скоротечной
Глубокой смыслъ ихъ передать.

Мы внемлемъ чудный твой рассказъ,
Но разумѣть его не можемъ;
Съ тебя мы не спускаемъ глазъ
И надъ твоимъ тревожнымъ ложемъ
Стоимъ, вперяя жадный слухъ:
И чуемъ мы, благоговѣя,
Какъ мимо насъ, незримо вѣя,
Несется бездны бурный духъ!..

DCXXIV.

Я Л Т А.

Люблю я шумъ, движенье Ялты,
Когда вечерній пароходъ
Изъ Севастополя, изъ Балты
На берегъ высыплетъ народъ.

Тутъ смѣсь восточнаго базара
И европейцевъ пестрый грузъ:
Еврей, греки и татары,
Венгерецъ, нѣмецъ и французъ;

Парижскіе цвѣты и дымки,
Чадра какъ бы въ pendant чепцу
И милостивой караимки
Нарядъ такъ мѣтко ей къ лицу.

Вотъ гулъ и шумъ дошли до гвалта.
Все о ночлегѣ толкъ идетъ;
Но какъ ни живописна Ялта,
А въ помещеньяхъ недочетъ.

Поэзіи здѣсь очень встати
Глазѣтъ на звѣзды и луну,

Но прозаической кровати
Нѣтъ, чтобъ предаться ночью сну.

Природа южная здѣсь чудо
Въ красѣ безчисленныхъ даровъ,
А все жь гостинницамъ не худо
Завести побольше номеровъ.

ДССХV.

Въ сіяньи радуга взошла,
Ея цвѣтныя пояса
Вонзались въ голубое море
И огибають небеса.

Двухъ безконечностей краса—
Съ пучиной моря неба высь
Телеграфическою лентой
Въ прозрачномъ воздухѣ сплелись.

И что за вѣсть несетъ она?
Какимъ таинственнымъ ключемъ
Раскрыть смыслъ радужной депеши,
Облитой солнечнымъ лучемъ?

Извѣстно, бойкій астрономъ,
И небографъ, и звѣздословъ.
Ее, какъ дважды два четыре,
Вамъ сразу объяснить готовъ.

Но я не вѣрую ему,
Но астрономъ мнѣ не указъ,
Ученье тьма, а свѣтъ въ повѣрьяхъ,
И мнѣ вѣришь сердечный гласъ.

Есть тайна въ знаменьи небесъ,
И вѣрю, радуга—завѣтъ
Сестрѣ-землѣ, родного неба
Благовѣстительный привѣтъ.

ДССХVI.

ВЪ ОРІАНДЪ.

(ОТРЫВОКЪ).

Средь величья, на вершинѣ
Власти, счастья, благъ земныхъ
Чистый пламень въ ней святыней
Чувства тайно берегли.

Что невѣрно солнце наше,
Что невѣрны наши дни,
Чѣмъ то радостнѣй, чѣмъ краше,
Тѣмъ обманчивѣй они...

ДССХVII.

ВСТРѢЧА ВЪ ЯЛТѢ.

Программа.

Войдите господа! Васъ ждетъ пріемъ хорошій,
И сердцемъ вторые намъ, и хлопайте въ ладоши!
Здѣсь лица собрались со всѣхъ возможныхъ странъ,
Здѣсь вратцѣ выставка племенъ разнонародныхъ:
У каждаго свой нравъ, свой умъ и свой кафтанъ;
Но всѣ, сродствомъ любви и связью чувствъ свободныхъ,
Всѣ, какъ душа одна, слились въ привѣтъ одинъ,
Чтобъ дружно праздновать день свѣтлыхъ именинъ.

Дѣйствующія лица.

Madame de-Курдюкова.

Г. Болтуновъ, путешественникъ.

Г. Органдоццо, чиновникъ.

Г. Коврижкинъ, сочинитель изъ г. Вязьмы.

ЯВЛЕНІЕ I.

А.

Ну, что у васъ подѣлывается въ Ялтѣ?

Б.

Жаловаться нечего, все обстоитъ благополучно.

А.

Много пріѣзжихъ?

Б.

Настоящая ярмонка. Со всѣхъ краевъ свѣта такъ народъ и валить; на дняхъ приплыла цѣлая Америка.

А.

А не были ли между прочими и квакеры?

Б.

Навѣрное сказать не могу. Не слыхалъ этой фамиліи. А, вѣроятно, были квакеры, потому что они все квакали между собою, но рѣчей ихъ понять нельзя. И вѣстимо, какъ намъ темнымъ людямъ понимать то, что говорятъ пріѣзжіе съ того свѣта.

А.

Рѣчь не о томъ: я спрашиваю о квакерахъ, о тамошнихъ раскольникахъ, которые нигдѣ и никогда не снимаютъ шляпы съ головы. Я думаю, они въ шляпѣ и спать ложатся.

Б.

Нѣтъ, такихъ шляпочниковъ, кажись, не было, а и того подавно не было шляпочницъ: барыни ходили по солнцу простоволосыя.

А.

Развѣ не боялись онѣ загорѣть?

Б.

Знать ужь таковой народъ незагораемый и несгораемый. Многія барышни даже не сгорѣли со стыда, выставляя свои лица, которымъ слѣдовало бы сидѣть дома, не то что пріѣзжать изъ-за моря далече на показъ. А народъ все добрый, да, вѣжется, и насъ любить.

А.

Какіе же еще были пріѣзжіе?

Б.

Былъ еще знаменитый турокъ; онъ пріѣзжалъ сюда съ арабскими сказками, переведенными на французскій языкъ, съ безконечнымъ продолженіемъ впредь.

А.

Кстати о пріѣзжихъ, нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь сочинителя?

Б.

Какъ не быть, этого народа вездѣ развелось довольно.

А.

Гдѣ бы мнѣ найдти такого и какъ бы съ нимъ познакомиться?

Б.

Вотъ мнѣ на дняхъ указывали на одного, онъ часто здѣсь по бульвару шатается въ сумеркахъ.

А.

Что же онъ тутъ дѣлаетъ?

Б.

Да все заглядываетъ подъ дамскія шляпки.

А.

А что дамскія шляпки?

Б.

Разумѣется, отъ него отворачиваются, потому что онъ старъ.

А.

Укажи мнѣ его.

Б.

Да вотъ онъ идетъ къ намъ навстрѣчу.

А.

Хорошо.

(Б. уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

А.

Позвольте мнѣ, милостивый государь, вамъ отрекомендоваться, имѣю нуждицу до васъ.

Сочинитель.

Очень радъ познакомиться съ вами. Что вамъ отъ меня угодно?

А.

Вы, съ позволенія сказать, сочинитель, не такъ ли?

Сочинитель.

Ну, будь такъ, что же далѣе?

А.

У меня до васъ большая просьба, именно по вашей части.

Сочинитель.

Говорите.

А.

Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ въ обществѣ есть сегодня дорогой имениникъ. Намъ хотѣлось бы отпраздновать его маленькимъ сюрпризомъ. Знаете ли, такъ сочинить что-нибудь и вставить, напимѣръ, стишки, чтобы пропѣть ихъ хоромъ. А если голоса ни у кого не хватитъ, то хоть прочесть ихъ торжественно, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“.

Сочинитель.

За разстановкой остановки не будетъ, потому что обыкновенно на домашнихъ театрахъ актеры рѣдко знаютъ твердо свои роли.

А.

Что же? Ошибка въ фальшь не ставится, было бы чувство вѣрное—что главное.

Сочинитель.

А кому готовится сюрпризъ и въ чемъ долженъ онъ состоять?

А.

Помилуйте, да вы забываете, что это сюрпризъ. Сюрпризъ такъ ужъ и долженъ быть сюрпризомъ равно для всѣхъ, начиная съ васъ. А тутъ какому же быть сюрпризу, когда кто-нибудь въ секретѣ?

Сочинитель.

Да все же надобно знать, хотя приблизительно, о комъ и о чемъ должна идти рѣчь; нельзя же писать и наугадъ, и на авось?

А.

Въ томъ-то и штука, что сердце должно угадать. Если же непременно требуете, то въ общихъ чертахъ намекну на именинника, онъ всѣми любимъ. Вотъ вамъ и канва. А вы ужь тамъ, какъ знаете, распишитесь. Еще, пожалуй, скажу вамъ на ухо первую букву имени его. Больше ужь ничего не скажу.

Сочинитель.

Теперь начинаю догадываться. Дайте мнѣ полчаса времени, и я постараюсь что-нибудь для васъ изготовить.

ЯВЛЕНІЕ III.

А.

Ахъ м-те де Курдюковъ! какими судьбами вы здѣсь?

М. де Курдюкова.

Да такъ, вомса, де пассажъ.

А.

Вотъ ужь подлинно пассажъ! Откуда вы?

М. де Курдюкова.

Ту друа де Бизансъ.

А.

А я думалъ, что вы проѣхали въ Парижъ на выставку.

М. де Курдюкова.

Конечно, я визитировала л'экспозиціонъ.

А.

Какъ же попали вы въ Турцію?

М. де Курдюкова.

Я васъ знаю: вы человекъ дискретный, какъ духовнику, я вамъ все авуирую. Со мной были страшные авантюры.

А.

Расскажите, сдѣлайте милость!

М. де Курдюкова.

На exposition встрѣтилась я съ султаномъ. Замѣтила я, что онъ на машины вовсе не глядитъ, даже и на прусскую огромную пушку, а все на меня поглядываетъ и усмѣхается. Ну, я и начала поправлять свои бумки, спустила немножко шаль съ своей люксюриозной талии и также на него поглядываю, лорнирую. Думаю себѣ: на, султанъ, адмирируй меня! Онъ, какъ будто паръ-азаръ, высморкнулся и уронилъ платокъ, то-есть, жете де мушуаръ.

Я чтобы показать ему, что не игнорирую ле мерсь дю сераль, бросилась подымать его и, присѣдая, подала его, — онъ крѣпко и съ большою тандресь пожалъ мнѣ руку, даже хотѣлъ поцѣловать ее; губы зашевелились и потянулись впередъ, но тутъ пустилъ онъ глубокой супиръ и втянулъ въ себя свои левры, — видно, Магометъ запрещаетъ. Знаете, я дама импрессионабельная, да въ тому же и лестно пуръ ла ваните фемининъ. Думаю, почему не попробовать и не танте л'авантюръ? Влюблялись въ меня христіане, а тутъ замуричалъ со мною турокъ, да и еще ле гранъ сюльтанъ. Можетъ быть, попаду и я въ ля сюльтанъ фаворитъ. Тутъ впрочемъ была не одна ваните, а и желаніе конвертировать, и послѣ быть восприемницей его изъ купели. Вспомнила я тутъ и Заиру: же не м'атанде па жен'э бель Заиръ, о нуво сентиманъ ке се лье вуз'енспиръ, да

и отправилась въ дорогу вслѣдъ за султаномъ. Часто ран-контрировала его въ Константинополѣ: онъ на меня опять нѣжно глядитъ и деворируетъ глазами; губы шевелятся, но опять втягиваются и ничего не говорятъ. Я жду; монъ Оросманъ не уйдетъ отъ меня! Но тутъ пошли интриги ан-глійскаго амбассадера. Начали говорить, что я, тайно пере-одѣтая въ фельдъегерскій мундиръ, была прислана княземъ Горчаковымъ съ важнымъ порученіемъ, а Горчаковъ дан-де-бон-вье-танъ волочился за мною и фсрлакурничаль. Турки это знали по депешамъ отъ своего посла въ Петер-бургѣ. Другіе распустили слухъ, что я молодая гречанка, ля бель филь о зьё нуаръ, присланная пар лез'инсюрже, чтобы седюировать ле гранъ Тюркъ. Вотъ турецкіе ми-нистры и анфермировали меня въ ле туръ а дубль туръ.

А.

Quel tour!—Au reste, Madame, vous devez en prendre à vous même, les Turcs se sont aperçus à votre taille que vous étiez faites au tour.

М. де Курдюкова.

Мерси пуръ ле грасьё вомплиманъ. Три дня прося-дѣла я анъ призонъ и похудѣла какъ спичка. Какъ ви-дите, я еще и теперь оправиться не пё па. Однажды ночью, когда всѣ гардъены, напившись опіуму, уснули, я вылѣзла въ окно чрезъ желѣзную рѣшетку.

А.

Какъ, вы пролѣзли чрезъ рѣшетку?

М. де Курдюкова.

Пуркуа са вуз'етоннъ? Не смотря на мои абадемиче-скія формы, я очень суцль и могу вытянуться въ струнку. Послѣ бросилась я вплавъ по Босфору, я большая мастерица

плавать, особенно хорошо дѣлаю ла пляншъ и плонжоны, я настоящая ангилья въ водѣ. По счастію, стояло тутъ недалеко русское вупеческое судно, вотъ я немножко фатиге и малядъ на него и сѣла. — Ахъ, миль пардонъ, я хотѣла сказать русскій навиръ — не могу суффрировать вашего русскаго слова, такъ оно меня въ краску и бросаетъ. Такимъ образомъ и приплыла я сюда.

А.

А теперь, что же думаете дѣлать?

М. де Курдюкова.

Жду ла репонсъ дю сюльтанъ. Я ему телеграфировала, чтобы онъ анвоировалъ миѣ платье башибузука, чтобы въ этомъ дегизманъ я могла инкогнито къ нему явиться.

А.

Желаю вамъ счастливаго пути и исполненія желаній.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сочинитель.

Вотъ приношу вамъ что я успѣлъ написать. Не взыщите, не красна изба углами, то-есть, стихами, а красна...

А.

А красна пирогами, хотите вы сказать, то-есть, чувствами. Будь такъ. Усердному пирожнику, какъ даровому коню въ зубы не смотрятъ. Прошу покорно прочесть.

Сочинитель.

Не пристуая въ предисловью,
Не возвѣщу, о комъ пою.

Загадку я сложу съ любовью
И на любовь вамъ отдаю.

Своей сердечною догадкой
Вамъ угадать ее легко:
Что сердце молвить и украдкой —
Ложится въ сердцѣ глубоко.

Въ толпѣ узнать его не трудно:
Гдѣ явится — кипитъ народъ,
И чуткой связью обоюдной
Другъ въ другу ихъ любовь влечетъ.

Онъ кротокъ взглядомъ, ростомъ статенъ,
Какъ ни высокъ, не горделивъ;
Онъ сердцемъ такъ же благодатенъ,
Какъ и наружностью красивъ.

Онъ горячо любимъ семьею,
Самъ нѣжно любить онъ семью
И благомыслящей душею
Ей посвящаетъ жизнь свою.

А чтобъ узнать было удобно
Семьи начало и конецъ,
Безъ географіи подробной
Вступивъ бы сталъ и самъ отецъ.

Есть дѣти у него на югѣ,
Есть дѣти въ сѣверныхъ снѣгахъ,
Въ палатахъ и вурной лачугѣ,
Въ степныхъ кибиткахъ и въ дворцахъ.

Сочти столицы и уѣзды,
Деревни, степи безъ конца,
Вездѣ горять, что въ небѣ звѣзды,
Его любящія сердца.

Вездѣ сегодня гуль пирушекъ,
Колокола гудятъ съ утра,
И вторитъ грому зычныхъ пушекъ
Такое жь громкое ура!

Здѣсь тише, но очагъ семейный
Здѣсь также празднично горитъ,
И пѣснь мольбы благоговѣйной
Изъ глубины души летитъ.

Довольно! Все вамъ ясно нынѣ,
Смиренно, скромность возлюбя,
Одинъ онъ развѣ въ сей картинѣ
Не станетъ узнавать себя.

М. де Курдюкова.

Почему же, мусье, ле сочинитель атрибуруетъ себѣ ле привилежъ—одинъ объяснять свои сентименты?

И наши чувства не таятся,
Ле фѣ сакре намъ также данъ,
И наши губы шевелятся,
Какъ шевелилъ ихъ мой султанъ.
Въ сей день и мы молчать не станемъ,
Съ желаньемъ многого добра
Въ честь именинника всѣ грянемъ
Ура, сердечное ура!

(Всѣ повторяютъ ура!)

ДООХVІІІ.

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Здѣсь есть святыня, русская святыня
Великихъ жертвъ, великой скорби край,
Но торжествомъ вещественнымъ, гордыня,
Предъ скорбью сей себя не величай.

Богатыря на поединокъ честный
Разсчетливый врагъ вызвать не посмѣлъ,
На одного влччъ поднялъ повсемѣстный
И на него ордами налетѣлъ.

Насильствомъ врагъ вѣнчалъ свою гордыню,
Надъ камнями побѣду одержалъ,
Онъ разгромилъ бездушную твердыню,
Но русской духъ въ паденьи устоялъ.

Здѣсь понесла свой тяжкій крестъ Россія;
Но этотъ крестъ — сокровище для насъ;
Таятся въ немъ страданья намъ родныя,
Страдалъ и Тотъ, Кто міръ страданьемъ спасъ.

Сей крестъ облить великодушной кровью,
Прославленъ онъ духовнымъ торжествомъ,

И передъ нимъ съ сыновнею любовью
Склоняемся мы набожнымъ челомъ.

Цѣлуемъ мы сіи святая раны,
Живыя мощи доблестныхъ бойцовъ;
И пепель сей, и мертвые курганы
Краснорѣчивѣй всѣхъ похвальныхъ словъ.

На насъ отъ сихъ развалинъ скорбью вѣтъ,
Но мужествомъ воспламеняетъ грудь,
И молча путникъ здѣсь благоговѣтъ,
И падшихъ оцъ дерзнетъ ли упрекнуть?

Нѣтъ, не кладбище здѣсь народной славы:
Изъ камней сихъ въ сілнѣи возстаетъ
Алтарь любви нетлѣнный, величавый,
Отечества святыня и кивотъ.

Изъ рода въ родъ помянемъ эти бои,
Васъ, мученики, жертвы злой судьбы,
Васъ, павшіе, какъ падаютъ герои
Въ послѣдній часъ отчаянной борьбы.

Тѣнь и твою, нашъ Царь многострадальный,
Встрѣчаемъ мы средь славныхъ сихъ могилъ,
Отселѣ грудь твою осколокъ дальный
Глубокой язвой смертно поразилъ.

Здѣсь за тебя и за Россію пали
Бойцы, которыхъ Богъ въ себѣ призвалъ;
Подъ жгучей болью доблестной печали
И ты за нихъ и за Россію палъ.

Ты лепту внесъ въ кровавую годину,
Твой каждый день былъ безпощадный бой,
И тихій одръ, гдѣ встрѣтилъ ты кончину,
Царь-богатырь, былъ Севастополь твой.

Здѣсь при тебѣ чета твоихъ героевъ,
Съ Корниловымъ Нахимовъ и при нихъ
Весь свѣтлый ликъ христолюбивыхъ воевъ,
Которыхъ прахъ лежитъ у стѣнъ родныхъ.

Миръ вамъ съ небесъ, вамъ, труженикамъ битвы,
Съ вѣнцомъ терновымъ славы на челѣ,
Вамъ вѣчныя и память, и молитвы
Въ сердцахъ родныхъ и на родной землѣ!

А ты, могучій градъ—теперь обломки,
Свои преданья набожно храни,
И тризною достойною потомки
Отпразднуютъ развалины твои!

DCСXIX.

ПРОЕЗДОМЪ ЧЕРЕЗЪ КИШИНЕВЪ.

За поэтическую удалъ
Пѣвцу показано на Прутъ;
Не зналъ онъ, навсегда ль, покуда ль,
Но зналъ, что въ Кишиневъ запруть.

Здѣсь, какъ Овидій, нашъ изгнанникъ
Заброшенъ былъ въ глухую даль;
Но рову непослушный данникъ
Не хныкалъ онъ свою печаль.

Его тюремщикъ, добрый Инзовъ,
Отцомъ ему и другомъ былъ:
Хоть генералъ изъ разночинцовъ,
Но благородно поступилъ.

Честь воздадимъ ему по праву,
Что разгадалъ онъ въ шалунѣ
Россіи будущую славу
И не давилъ ея въ зернѣ.

И вотъ прослывшій бѣсъ арабскій,
Нашъ поэтическій пострѣль,

Невольный житель бессарабскій,
Здѣсь вольно жилъ и вольно пѣлъ.

Съ молвы стоустной Кишинева
Его стиховъ, его проказъ
Отъ одного въ уста другога
По всей Россіи шель разсказъ.

Его затверживали сразу,
И каждый шагъ, и каждый стихъ
Вносились, словно по заказу,
Въ легенду сплетней городскихъ.

Всѣмъ въ радость были эти гости:
Его цыганская артель,
И шутки мимолетной злости,
Тавъ мѣтко трафившія въ цѣль.

Кто не любилъ его медвѣдя?
Кто, какъ Алеко — то-есть, онъ —
Въ его Земфиру, ею бредя,
Самъ не былъ по уши влюбленъ?

Онъ молодъ былъ! И слава Богу!
Не бойтесь, старость не уйдетъ,
Когда съ житейскаго порогу
Смерть спозаранку не столкнетъ.

Тогда была пора иная,
Пора веселій и любви,
И знала юность удалая,
Что есть огонь въ ея крови.

Тогда въ волненьи лихорадки
Бывала юность молода,
Хоть въ комъ и чуюлись задатки
Въ свой часъ грядущаго труда.

Кипучей силою сочались
Тѣ упонтельные дни,
Но послѣ сухо отрезвились,
Какъ хмель остывшій, и они.

Теперь засѣли на хининѣ
Вся эта прыть, весь этотъ пылъ;
Нѣтъ лихорадки и въ поминѣ,
Но много ли здоровыхъ силъ?

Отъ прозаической сухотки
Томить всѣхъ спячка иль хандра,
И даже—вѣрить ли? красотки
Хлопочуть какъ бы въ доктора,

Чтобъ было женщинамъ всѣмъ льготно
И зубы рвать, и кровь пускать,
А пуще тайны подноготно
Изъ анатоміи узнать,

Сидѣть на стулѣ канцелярскомъ,
Въ жандармскомъ вѣдомствѣ служить
И въ земствѣ, хоть бы Красноярскомъ,
Свой голосъ гласно заявить.

Вы справьтесь съ Пушкинымъ: того ли
При немъ искалъ прекрасный полъ?
Охотой, слово изъ неволи,
И онъ кривымъ путемъ пошелъ.

Нашла потребность равноправья
И службы съ нами наравнѣ,
Но прелестей женодержавья
Тутъ не утратятъ ли онѣ?

Стыдятся жизни бесполезной:
Но что жь полезнѣй можетъ быть,

Какъ нравиться и быть любезной
И полъ мужской съ ума сводить?

Бывало, безъ причудъ и фальшей
Цѣль женщинамъ любовь была,
Но филантропія ихъ дальше
Хорошенькихъ мужчинъ не шла.

Пожалуй, есть и филантропки,
Но какъ-то не на прежній ладъ:
Больнымъ все стряпаютъ похлебки
Или просвирнями глядятъ.

Пусть женщина себя дурачитъ,
Но мнѣ смѣшнѣй, когда нашъ братъ
Хлопочетъ, гнѣвается, плачетъ,
Что не повышенъ женскій штатъ;

Будь женщина хоть бы Венера,
Онъ не знатокъ въ ея лицѣ,
Онъ ищетъ въ ней иль землемѣра,
Иль академика въ чепцѣ.

О, Пушкинъ, подъ удушьемъ прозы
Свой міръ не распозналъ бы ты:
Утилитарности морозы
Нобили прежніе цвѣты.

Тебя ищу я въ Кишиневѣ
И въ Петербургѣ я ищу:
Но мѣсто пусто, жизнь суровѣй,
И бывшій о быломъ грущу.

Для прежней жизни вѣкъ нашъ жутокъ,
Весь міръ—все тотъ же Кишиневъ:
Нѣтъ Пушкинскихъ стиховъ, ни шутокъ,
Ни геніальныхъ шалуновъ

ДССХХ.

Пора стихами заговѣться
И соблазнительницѣ риѳомѣ
Мое почтеніе сказать:
На старости уже преклонной,
Смѣшно и даже незаконно
Съ собой любовницу таскать.

Довольно дѣтокъ, слишкомъ много,
Мы съ нею по свѣту пустили
На произволь и на авось:
Одни, быть можетъ, вышли въ люди,
А многимъ, воля Божья буди!
Скончаться заживо пришлось.

Другіе, что во время оно
Кавой-то молодостью брали,
Теперь глупамъ стала, старамъ;
Настали новые порядки,—
И допотопныя двойчатки
Кунсткамерскій гиппопотамъ.

Кювье литературныхъ праховъ,
На нихъ ссылается Гадаховъ,
Чтобъ тварямъ всѣмъ подвести итогъ,
И вносить ихъ не для почета,

А развѣ только такъ для счета
Онъ въ свой животный некрологъ.

Пора съ серьезностью суровой
И съ прозой честной и здоровой
Вступить въ благочестивый бракъ,
Остыть, надѣть халатъ домашній
И, позабывъ былыя шашни,
Запрятать голову въ колпакъ.

Прости же, милая шалунья,
Съ которой пиръ медоволунья
Такъ долго праздновали мы.
Всему есть срокъ, всему граница:
И то была весны пѣвица
Вѣрна мнѣ до моей зимы.

Спасибо ей, моей подругѣ:
Моимъ всѣмъ прихотямъ въ услугѣ
Она являлась на лету:
Блеснетъ печальной улыбкой,
Къ стиху прильнетъ уловкой гибкой,
Дастъ мысли звукъ и красоту.

А можетъ быть, я ей наскучу,
Ея обманъ накличетъ тучу
На наши свѣтлые лады:
Не лучше ль, хоть до слезъ и жалко,
Съ моей веселой запѣвалкой
Намъ распроститься до бѣды?

Другъ друга не помянемъ лихомъ:
Съ тобой я съ глазу на глазъ въ тихомъ
Восторгѣ радость зналъ вполнѣ;
Я не былъ славолюбиемъ болей,
А про себя я былъ доволенъ
Твоими ласками ко мнѣ.

ДССХХІ.

ЗАМѢТКИ.

1.

Назвалъ бы ты журналъ свой Заведеньемъ:
Вотъ это было бѣ такъ!
Какъ ни чести его ты пышнымъ объявляемъ,
Вѣдь все же будетъ онъ кабакъ.

2.

На нихъ вы клепете напрасно,
Нѣтъ, заднихъ мыслей нѣтъ у нихъ,
Ни заднихъ, ни передовыхъ,
Въ нихъ все прозрачно, гладко, ясно.
Скорѣй — и это не опасно,
Скорѣй, нѣтъ мыслей никакихъ.

3.

Вдоль дома вашего, въ одинъ изъ зимнихъ дней,
Я тихо шелъ — и мнѣ не слышалось мороза
Алѣя за окномъ цвѣла роскошно роза:
Я думалъ, это — вы, и повлонила ей.

4.

Ни лѣтъ, ни старшинства нѣтъ сердцу и уму
Давно, но о годахъ у женщинъ нѣтъ помину,
И неохотно имъ выводимъ мы итогъ.
Кто миль, кто свѣжій умъ и свѣжесть чувствъ сберегъ,
Тотъ молодъ и тому, безъ справокъ и безъ иска,
Ведется нами счетъ внѣ послужного списка.

5.

Я тихъ и кротокъ сталъ, съ годами кровь остыла,
И не по прежнему кипятъ мои чернила:
Что хочешь ври—съ вранья не стану пошлннъ братъ,
Но чуръ, ужъ и меня прошу не задирать,
Не то задирищиковъ рука моя проучить
И шапкой шутовской, какъ прежде, нахлобучить.

1868 г.

ДССХХІІ.

ПѢСНЯ ЛЕЙБЪ-ГУСАРОВЪ.

ХОРЪ.

Мы гусары усачи,
Записные лихачи.
Бой ли—весело гарцуемъ!
Пиръ ли—весело пируемъ!
Что въ душѣ и что въ печи—
Прямо все на столъ мечи;
А дойдетъ ли до вина—
Въ глотку чарку лей до дна.

Предъ врагомъ и въ усъ не дуемъ,
Предъ красоткой усъ крутимъ:
Къ ней подходимъ съ поцѣлуемъ,
Саблей чмокаемся съ нимъ.

Въ этотъ день, намъ на поблажку,
Въ этотъ лейбъ-гусарскій день
Живо сердце на распашку!
Шапку лихо на бекрень!

Уродясь подь кровомъ Царскимъ,
Нашъ Отецъ и Командиръ

Повить ментикомъ гусарскимъ
И вступилъ гусаромъ въ міръ.

Кремль ему былъ колыбелью:
И въ счастливый этотъ часъ
Кумовьями надъ купелью
Царскій голосъ призвалъ насъ.

Съ пожеланьемъ лѣтъ и блага
Поднесли ему хлѣбъ-соль.
„Честь и вѣрность, и отвага“
Быль и будетъ нашъ пароль!

Ташка наша тутъ подушкой
Въ колыбелечку пошла,
А красавчику игрушкой
Сабля наша же была.

Нашъ гусарчикъ сталъ гусаромъ,
А гусаръ нашъ сталъ Царемъ:
Знать, усердно и не даромъ
Русь молилася о немъ.

У него не мало дѣтокъ
На родимой сторонѣ:
Нашъ онъ былъ и малолѣтокъ,
Да и мы его вдвойнѣ.

Если такъ, живѣй и смѣло
Выпьемъ чарку, выпьемъ двѣ,
Такъ, чтобъ въ сердцахъ зашумѣло,
А не то что въ головѣ!

Средь разгула и разгара
Рѣчь солдата не хитра:
Въ честь Державнаго Гусара
Грянъ гусарское ура!

ХОРЪ.

Мы гусары усачи,
Записные лихачи.
Бой ли—весело гарцуемъ!
Пиръ ли—весело пируемъ!
Что въ душѣ и что въ печи—
Прямо все на столъ мечи;
А дойдетъ ли до вина—
Въ глотку чарку лей до дна!

ДССХХІІІ.

6-е МАЯ 1868 ГОДА.

Вчера, красавица, вы бабушка ужь нынѣ.
Да, бабушка! Такъ что жь? Прекрасно, въ добрый часъ!
Васъ Промысль наградила завѣтной благостыней.
Царицей-матерью мы любовались въ васъ,
Царицей-бабушкой любимся мы вдвое.
Къ вѣнцу семейному и къ царскому вѣнцу
Прильнулъ живой цвѣтокъ, сокровище родное.
Вамъ пмя бабушки, конечно, не въ лицу,
Но въ словѣ этомъ вамъ такая прелесть звука,
Такъ много въ немъ любви, такъ много счастья въ немъ,
Что съ радостной слезой благословляя Впука,
Вы сердцемъ молоды, какъ молоды лицомъ
И чувству вашему, и вашему веселью,
Душой откликнувшись, Россія не чужда,
И съ вами молится надъ милой колыбелью,
Въ которой теплится грядущаго звѣзда.

ДССХХІV.

МОСКВА.

Городъ холмовъ и овраговъ,
Городъ зеленыхъ садовъ,
Уличныхъ пестрыхъ зигзаговъ,
Чистыхъ и всякихъ прудовъ!

Городъ — церковей не дочтешься;
Ихъ коловольный напѣвъ
Слушая, къ небу несешься,
Душу молитвой согрѣвъ.

Гордымъ величьемъ красуюсь,
Городъ съ Кремлевскихъ вершинъ
Смотрить въ поляны, любуюсь
Прелестью свѣжихъ картинъ.

Лентой рѣка голубая
Тихо струится кругомъ,
Жатвы, лѣса огибая,
Стѣны боярскихъ хоромъ,

Инововъ мирныхъ жилища,
Вѣры народной ковчегъ,

Пристани жизни—кладбища,
Общій семейный ночлегиъ.

Городъ причудливо странный,
Красокъ и образовъ смѣсь:
Древности благоуханной
Вѣтъ поэзія здѣсь.

Городъ—восточная сказка!
Городъ—Россійская быль!
Харгій намъ родственныхъ связка!
Святы ихъ ветхость и пыль.

Молча читаетъ ихъ время;
Съ заревомъ славныхъ вѣковъ
Льется на позднее племя
Доблестный отблескъ отцовъ.

Городъ минувшаго! Старче
Съ вѣчно молодою душой
Все и священнѣй, и ярче
Блещетъ своей сѣдиной!

Городъ сердечныхъ страданій!
Городъ—моя колыбель:
Здѣсь мнѣ въ года обаяній
Жизни мерещилась цѣль.

Сколько здѣсь жизни я прожилъ!
Сколько растратилъ я силъ!
Мысли и чувства тревожилъ
Юный, заносчивый пылъ.

Позже смирилась отвага,
Волны души улеглись,
Трезвая радость и блага
Въ свѣтломъ затишьи слились.

Думы окрѣпи, созрѣли
 Въ опытѣ, въ бдѣннѣ, въ борьбѣ;
 Новыя грани и цѣли
 Жизнь призывали къ себѣ.

Дружбы звѣзда засіяла,
 Дружба согрѣла мнѣ грудь,
 Душу мою воспитала,
 Жизни украсила путь.

Прелесть труда, наслажденье
 Мысль въ стройный образъ облечь,
 Чувству найти выраженье,
 Тайнамъ сердечнымъ дать рѣчь!

Творчества тихая радость,
 Внутренней жизни очагъ,
 Вашу вкусилъ я здѣсь сладость
 Въ чистомъ источникѣ благъ.

Нынѣ, когда мнѣ на плечи
 Тяжкіе годы легли,
 Съ ними надежды далече
 Въ тайную глубь отошли.

Въ памяти набожной нынѣ
 Прошлымъ нѣжнѣй дорожу:
 Старый паломникъ къ святынѣ,
 Молча къ Москвѣ подхожу.

Жертвы вечерней кадиломъ
 Будетъ Москвѣ мой привѣтъ,
 Въ память о прошломъ, мнѣ миломъ,
 Братьямъ, которыхъ ужь нѣтъ.

Манить меня ихъ дружина,
Полный раздумья стою:
Благословила бы сына,
Милую мать молю.

ДССХХV.

Сфинксъ, не разгаданный до гроба, —
О немъ и нынѣ спорять вновь:
Въ любви его роптала злоба,
А въ злобѣ теплилась любовь.

Дитя осьмнадцатаго вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ:
И презиралъ онъ человѣка,
И человѣчество любилъ.

DCCLXVI.

Н А П А М Я Т Ь

О посѣщеніи Великимъ Княземъ Государемъ Цесаревичемъ
домика Петра Великаго въ Сардамь.

И онъ былъ здѣсь, Царевичъ молодой,
Въ сѣмь скромномъ домицѣ, горнилъ русской славы,
Гдѣ нѣкогда нашъ Петръ, нашъ труженикъ-герой,
Самъ выработывалъ пророческой рукой
Грядущія судьбы своей державы.
Здѣсь царское училище! Родникъ
Глубокихъ думъ, великихъ вдохновеній:
И Русскія моря, и Русскій материкъ
Цитаться будутъ имъ до позднихъ поколѣній
Въ священномъ мѣстѣ сѣмь паломникъ молодой,
Предъ яркой памятью Петра благоговѣя
И съ нимъ въ Отечеству любовью пламенѣя,
Здѣсь слухомъ набожнымъ и жаждунцей душой
Внималъ таинственно минувшихъ лѣтъ преданью
И повѣсть славную и чудную читалъ,
Которую въ урокъ и къ подражанью
Потомству своему самъ предокъ завѣщалъ.
Здѣсь Промыслъ онъ молилъ тревожно и сердечно,
Чтобъ могъ и онъ, когда ему укажетъ Богъ,
Свой подвигъ царственный исполнить безусловно,

Всего себя отдавъ Отечеству въ залогъ;
И думы многія въ молодой душѣ кипѣли,
Въ глазахъ огонь сверкалъ и теплилась слеза.
Но юныхъ думъ плоды для жатвы не созрѣли:
Въ зародышѣ самомъ побила ихъ гроза.
И прадѣдъ съ правнукомъ въ обители загробной —
Одинъ — въ бою земномъ испытанный боецъ,
Другой — минутный гость, гость Ангелу подобной,
Блеснувшій на землѣ, но не земли жилецъ, —
Изъ жизни временной сошелся въ жизни вѣчной;
Но вѣрные любви и вл�твѣ прежнихъ дней,
Россію возлюбивъ любовью безконечной,
Надъ нею носятся и молятся о ней.

СССХХVII.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Не сѣтуй, другъ, надъ тихою могилой,
Надъ пристанью, гдѣ брошенъ якорь мой:
Здѣсь съ памятью о прошлой жизни милой
Безвѣстны мнѣ волненья съ ихъ грозой.
Жизнь улыбнулась мнѣ, какъ мимолетный сонъ,
Но сонъ сознательный,—и здѣсь мнѣ спится сонъ.

За тѣнью тѣнь, утрата за утратой
Не налегли на мой цвѣтущій путь;
Прозраченъ былъ мой небосклонъ богатый,
И радостью одной дышала грудь;
Довѣрчиво на жизнь мой любовался взглядъ,
И въ сердце не проникъ разувѣреній взглядъ.

Не знала я ни скорби, ни ненастья,
Небесъ лазурь сіяла надо мной;
Во цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ цвѣтѣ счастья
Разсталась я съ обманчивой землей.
Жалѣть ли мнѣ о томъ, что не успѣла я
До горечи испить всю сладость бытія?

Мой бѣдный другъ, ты разлученъ со мною,
Но для меня съ тобой разлуки нѣтъ:

Еще тѣснѣй слилась душа съ душою
Въ одну любовь, въ одинъ святой завѣтъ.
Земной любви моей, которой я жила,
Все свѣтло-чистое я на небо взяла.

Я при тебѣ, я спутникъ твой незримый,
Я помысломъ благимъ съ тобой дѣлюсь;
Томишься ль ты въ борьбѣ неотразимой —
Хранитель твой, я за тебя молюсь,
И, въ свѣтлой вѣчности минувшее любя,
Тебя мнѣ только жаль, и только жду тебя.

ДССХХVIII.

ЗАМѢТКИ.

1.

Въ природѣ ничего нѣтъ цѣльнаго ни въ чемъ,
Все съ примѣсью чего-нибудь, добра иль худа.
Какой бы ни былъ умъ—всмотрись: и тотъ съ грѣшкомъ,
Въ немъ такъ иль иначе есть уголокъ, откуда
Дурачество подчасъ выглядываетъ въ щель.
Что жъ дѣлать, если такъ самъ Промыслъ міръ устроилъ,
Что и въ большихъ рѣкахъ при глубинѣ есть мель,
Что къ каждому лицу изнанку онъ присвоилъ.
Но жаль, что часто тамъ, гдѣ должно брать умомъ,
Гдѣ ко всему онъ ключъ, гдѣ нуженъ наиболѣ,
Умъ повернется такъ, что волей иль неволей
Онъ въ дѣло сунется кривымъ своимъ умомъ.

2.

Французы—хвастуны и не таятъ того,
Напротивъ, чванятся своимъ самохваленьемъ.
Но вы, смиренники, скажите, изъ чего
Вамъ хвастаться своимъ смиреньемъ?

3.

У насъ и дважды два все какъ-то лѣзетъ на пять:
 Мы хвалимъ черезчуръ и черезчуръ бранимъ.
 Придетъ ли въ голову намъ что-нибудь сострипать.
 Все пересахаримъ иль все пересолимъ.

4.

Мы за собой не примѣчаемъ,
 А въ насъ китайскій есть начинъ:
 И упиваемся мы чаемъ,
 И что ни шагъ, то чинъ да чинъ.

5.

Иной—ужь такъ привыкъ—не засыпаетъ,
 Чтобъ на ночь не прочесть чего-нибудь;
 А онъ и днемъ трехъ строкъ не прочитаетъ,
 Чтобъ тутъ же не заснуть.

6.

КЪ НѢКОТОРЫМЪ.

Вашъ умъ остеръ—о томъ нѣтъ споровъ.
 Вы честны, прямодушны вы:
 Но жаль, всему перечить поровъ
 Задорной вашей головы.

Вашъ умъ ужь такъ высокомѣренъ,
 Что онъ не въ мѣру ничему;
 Вашъ умъ ужь такъ въ себѣ увѣренъ,
 Что намъ не вѣрится ему.

Ужь такъ бранится ваша честность
 И такъ назойлива, горда,

Что въ ней соблазнъ и неумѣстность,
И страсть пристрастнаго суда.

Жаль, но съ замашками такими
Отъ васъ нѣтъ пользы никакой:
Вы на ходуляхъ предъ другими,
Вы на колѣняхъ предъ собой.

7.

Географическій вопросъ рѣшите жь, братцы!
Наука ждетъ—куда себя опредѣлимъ:
Мы сердимся, когда намъ скажутъ: Азіатцы!
Быть Европейцами мы сами не хотимъ.

8.

Идти своимъ путемъ свободно,
Такъ жить, какъ просится душа—
Все это очень благородно,
Но въ этомъ мало барыша.

Предаться хочешь ли побою
И не имѣть съ людьми возни?
Какъ можно меньше будь собою,
А будь, чѣмъ быть велятъ они.

ДССХХІХ.

ПЛАЧЪ ИЗЪ ПЕТЕРГОФА.

Здѣсь море, здѣсь шумятъ фонтаны
И бьютъ кипучимъ серебромъ;
Деревья, старцы великаны,
Посажены самимъ Петромъ;
Прохлада, тѣнь, благоуханье,
Все чувство нѣжить и живить,
Все роскошь, все очарованье,
Все царски-празднично глядитъ!
Но я здѣсь зритель хладнокровный,
Здѣсь все чего-то нѣтъ какъ нѣтъ:
Увы! нѣтъ Софіи Петровны,
Здѣсь Софіи Петровны нѣтъ.

Въ саду красавиць рой порхал
Блестить и смотритъ свысока,
И музыка есть полковал,
Но я не этого полка.
Въ полку Софійскомъ я считаюсь,
Хоть и послѣднимъ рядовымъ,
Но я горжусь и восхищаюсь
Военачальникомъ своимъ.

Здѣсь міръ волшебный, баснословный,
А все чего-то нѣтъ какъ нѣтъ:
Увы! нѣтъ Софіи Петровны,
Здѣсь Софіи Петровны нѣтъ.

А нынѣ Софія Петровна,
Отправясь въ Павловскій вокзалъ,
Гдѣ дань несутъ ей поголовно
И прапорщикъ, и генералъ,
Сілетъ—и ей въ умъ не входитъ,
Что здѣсь, на берегу морскомъ,
Забытый ею грустно бродитъ
И все онъ бредитъ объ одномъ,
Изгнанникъ сирый, безпокровный,
Онъ ищетъ здѣсь, чего здѣсь нѣтъ:
Увы! нѣтъ Софіи Петровны,
Здѣсь Софіи Петровны нѣтъ.

Вы пишете: она еще похорошѣла.
Тому не вѣрю я и вѣрить не могу.
Тотъ образъ, что во мнѣ она запечатлѣла,
Въ сердечной памяти я свято берегу,
Какъ многоцѣнный кладъ, какъ талисманъ завѣтный,
Я свыкъся съ нимъ, ему на вѣрность присягнулъ.
Мнѣ всѣ черты ея такъ памятно примѣтны,
Что измѣнить бы ихъ и мыслью не дерзнулъ.
Нѣтъ, отъ добра искать добра неосторожно,
И память прежнему останется вѣрна:
Да мнѣ и въ умъ нейдетъ, чтобъ даже было можно
Еще прекраснѣй быть, чѣмъ ужь была она.

ДСОХХХ.

КЪ С. П. ШИПОВОЙ.

Когда бы времени рука,
Смѣясь надъ сердцемъ старика,
Ужь не подрѣзала мнѣ крылья,
Поклонникъ вашей красоты,
У вашихъ ногъ бы подносилъ я
Вамъ въ жертву пѣсни и цвѣты.
Теперь я просто вамъ кондитеръ:
Нѣтъ мѣста сладостнымъ рѣчамъ;
Изъ Царскаго Села въ Санктъ-Петербургъ
Конфекты посылаю вамъ.

ДССХХХІ.

ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА.

(Графиня Марія Борисовна Перовская).

Ждетъ тройка у крыльца: порывомъ
Коней умчитъ насъ быстрый бѣгъ.
Смотрите — мѣсячнымъ отливомъ
Озолотился первый снѣгъ.

Кругомъ серебряныя сосны;
Здѣсь сѣверной Армиды садъ:
Роскошно съ вѣтви плодоносной
Виситъ алмазный виноградъ;

Вдоль по деревьямъ арабескомъ
Змѣятся нити хрустала;
Серебрянымъ, прозрачнымъ блескомъ
Сіяютъ воздухъ и земля.

И небо синее надъ нами,
Звѣздами утканный шатеръ,
И въ полѣ искрится звѣздами
Зимой разостланный коверъ;

Онъ, словно изъ лебяжьей ткани,
Пушистъ и свѣтитъ бѣлизной.

Скользя, какъ челнъ волшебный, сани
Несутся съ плавной быстротой.

Все такъ таинственно, такъ чудно!
Глядишь, не вѣрится глазамъ.
Вчерашній міръ спитъ безпробудно,
И новый міръ открылся намъ.

Гордяся зимнею обновой,
Ночь блещетъ въ свѣтозарной тьмѣ;
Есть прелесть въ сей красѣ суровой,
Есть прелесть въ молодой зимѣ,

Есть обаянье, грусть и нѣга,
Поэзія и чувствъ обманъ;
Степь безконечная и снѣга
Необозримый океанъ.

Вотъ лѣшій—скоморохъ мохнатый,
Кивиморъ пляска и игра,
Вдали мерещатся палаты
Всѣ изъ литого серебра.

Русалокъ рой среброкудрявой,
Проснувшись въ сей полночный часъ,
Съ деревьевъ рѣзво и лукаво
Страхаетъ иней свой на насъ.

ДОСХХІІ.

ЗИМА.

Улыбкой первой, лаской нѣжной,
Дыханьемъ свѣжимъ, молодымъ
Царевны нашей бѣлоснѣжной
Мы насладиться поспѣшимъ.

Что ново, то намъ въ наслажденье,
Пока въ привычку не вошло,
А за привычкой пресыщенье
И радость обратить во зло.

Придетъ зима, веселье наше,
Ее какъ праздникъ встрѣтимъ мы;
Сдается намъ, милѣй и краше
Нѣтъ ничего родной зимы.

Но вотъ что нашу радость губить:
Мы гостѣ рады... Ну такъ что жь?
Засиживаться гостя любить,
Такъ что бываетъ не въ терпѣжь.

Сидить, сидить, помилуй Боже!
До безконечности томить,

Давно морозъ деретъ по кожѣ,
А все она еще сидитъ.

Теперь любуемся зимою,
Новинка въ ней, приманка есть;
Позднѣй замутитъ насъ тоскою
И намъ успѣть надоѣсть

Своей красой однообразной,
Своей улыбкой ледяной,
Своей любовью неотвзной,
Своею вѣрностью сѣдой.

1869 г.

ДССХХІІІ.

ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

Посвящается Дмитрію Гавриловичу Бибикову.

I.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.

Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой,
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.

Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ, къ ногамъ боня,

И сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.

„Богъ мой!“ онъ сказалъ съ улыбкой,
 Указавъ на вражью рать, —
 „Насъ завидѣлъ непріятель
 „И спѣшитъ намъ честь отдать“.

II.

И Кутузовъ предо мной,
 Вспомню ль о Бородинѣ:
 Онъ и въ бѣлѣй былъ фуражкѣ,
 И на бѣломъ былъ конѣ.

Черезъ плечо повязанъ шарфомъ,
 Онъ стоитъ на высотѣ,
 И надъ старцемъ блещетъ ярко
 День въ осенней красотѣ.

Старца бодрый видъ воинственъ.
 Онъ средь полчищъ одинокъ,
 Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
 Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
 Пролетѣвшею насквозь
 Смертью разъ пробитомъ,
 Пламя юное зажглось —

Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
 Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
 Онъ ихъ молча вопрошаетъ
 Сквозь пальбу, огонь и шумъ,

Мыслью онъ паритъ надъ битвой.
 И его орлиный взглядъ
 Движетъ волею и силой
 Человѣческихъ громадъ.

А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.

Отъ вождя къ вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но много безвозвратно
Смерть хватаетъ на лету!

Противъ насъ дружины, ужасъ
Завоеванныхъ земель,
Записавшія побѣду
Съ давнихъ лѣтъ въ свою артель;

Славой блещущія лица
И въ главѣ ихъ—вождь побѣдъ,
Гордымъ солнцемъ Аустерлица
Загорѣвшее лицо.

Но блѣднѣетъ это солнце
И течетъ на западъ свой,
А взойдетъ другое солнце
Надъ пылающей Москвой.

И впервые въ грудь счастливаца
Недовѣрья хладъ проникъ:
Такъ съ учителемъ заспорилъ
Сѣдовласый ученикъ.

Къ острову Святой Елены
Здѣсь проложенъ первый шагъ,
И Кремля святая стѣны
Въ казнь себѣ усвоить врагъ.

День насталъ! Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:

Шли давно о ней молитвы
Приунывшихъ усачей.

И на пиръ веселый словно
Каждый радостно летитъ,
Будь у каждаго три жизни,
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.

Никогда еще въ подлунной
Не виѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный
Разразившись поднялъ вой;

Цѣлый день не умоляетъ,
Извергая смерть кругомъ;
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.

Но пылаютъ мщенья гнѣвомъ
Снова свѣжіе ряды.
Свѣжей кровью и посѣвомъ
Смерть плодитъ свои бразды

Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь вломились обѣ,
Чтобъ противника пожать.

Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ;
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.

Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она,
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.

Грозный день сей Бородинской
 Имъ и намъ въ почетъ равно.
 Славься битвой исполинской,
 Славься въ вѣкъ, Бородино!

III.

Головешкой въ этомъ адѣ
 Кто бы могъ признать меня?
 Я ль въ воинственномъ нарядѣ
 Всадникъ борзаго коня?

Полно я ли? Вотъ задача!
 На себя гляжу ль во снѣ?
 Мой двойникъ, меня дурача,
 Не мерещется ли мнѣ?

Нѣтъ, нагрянула невзгода,
 И я, баричъ и москвичъ,
 Я услышалъ гласъ народа,
 Божій гласъ и царскій вличъ.

Полно шляндать по бульвару
 И по Прѣсенскимъ прудамъ,
 И—Макарову подъ пару—
 Быть поэтомъ милыхъ дамъ.

Риѣмы прочь и перья въ папку,
 И долой мой модный фракъ:
 Я надѣлъ медвѣжью шапку,
 Я Мамоновскій казакъ.

Я съ приволья прямо въ сѣчу,
 Съ лона нѣги молодой
 Прямо ядрамъ я на встрѣчу,
 Прямо въ Бородинскій бой!

Но мундиръ мой небывалый,
 Но медвѣжій мой нарядъ,
 Хоть красивый, хоть удалый,
 Чуть не вышли мнѣ въ накладъ.

Князь Московскій смотритъ принцемъ,
 И донецъ на всемъ скобу
 Мчится съ роковымъ гостинцемъ
 Къ самозванцу-казаку.

Но вступилось Провидѣнье,
 И тутъ кто-то въ добрый часъ
 Объяснилъ недоумѣнье
 И меня отъ смерти спасъ.

Чтобъ избѣгнуть доли тяжкой,
 Киверъ я съ себя сорвалъ,
 Тутъ же форменной фуражкой
 Жизнь свою застраховалъ.

Мнѣ фуражку далъ Валуевъ.
 Гдѣ жъ красавецъ боевой?
 Женскихъ влѣтвъ и поцѣлуевъ,
 Женскихъ слезъ кумиръ молодой?

• Гдѣ же онъ—веселой рѣчью
 Радость дружескихъ пировъ,
 Витязь смѣлый подъ картечью
 Всѣхъ красавицъ, всѣхъ враговъ?

Новобранца наградилъ онъ
 Талисманомъ въ день борьбы,
 Но себя не оградилъ онъ
 Отъ таившейся судьбы.

Между ядеръ пролетѣло
 Развѣ нѣсколько минутъ,

Въ немъ ужь сердце онѣмѣло,
И огонь его задуть.

Окровавленный онъ сброшенъ
Съ опустѣвшаго сѣдла;
Лавръ и миртъ внезапно скошенъ,
Жизнь внезапно отцвѣла.

Ужь давно молва забыла,
Что онъ жилъ, что былъ убитъ:
Безыменная могила
Неизвѣстный прахъ таить.

Кто отыщетъ въ полѣ битвы,
Смертью вспаханномъ кругомъ,
Мѣсто, гдѣ слезу молитвы
И любви пролить о немъ?

Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старья дѣла.

Но твой образъ, витязь юный,
Возстаетъ передо мной,
И созвучьемъ сердца струны
Отдѣляются съ тобой.

Въ темномъ царствѣ смерти злобной
Тѣнь твою я отыскалъ:
Будь мой стихъ тебѣ надгробной,
Гдѣ бы прахъ твой ни лежалъ.

IV.

И тебя ль сердечнымъ словомъ
Вѣрный стихъ мой обойдетъ?

Ты мнѣ также былъ покровомъ,
Мой старинный доброхотъ!

Бородинскій сослуживецъ,
Нашъ безрукій ветеранъ,
Ты, отмѣченный счастливецъ
Блескомъ, почестей и ранъ.

Дружно за кровавой чашей
Побратались мы давно,
И въ преданьяхъ дружбы нашей
Врѣзалось „Бородино“.

Этотъ день, гдѣ двѣ державы,
Двѣ судьбы сошлись въ борьбѣ,
Скрѣпой крови, скрѣпой славы
Росписался на тебѣ.

Бородинскою грозою
Изувѣченный боецъ,
Уцѣлѣвшею рукою
Ты схватилъ себѣ вѣнецъ.

За отчизну раны святы:
И счастливъ, кто съ юныхъ дней
Подвигъ, въ жертву ей подъятый,
Окрестилъ въ крови своей.

Помнишь, какъ средь перепалки
Пуль и ядеръ хлынулъ дождь?
А Суворовской закалки
Милорадовичъ, нашъ вождь,

Подъ картечью былъ, какъ дома,
Иль съ красавицей вдвоемъ:
Такъ давно ему знакома
Встрѣча съ пулей и ядромъ!

Ты, обстрѣленная пташка,
 Тутъ порхаль, говорѣзь!
 Я жь, смиренная букашка,
 Самъ дивлюсь, какъ къ вамъ залѣзь.

Подъ огнемъ неугомоннымъ
 И мой конь не уцѣлѣлъ.
 „Пѣшій не товарищъ коннымъ“,
 Молвилъ я, и на мель сѣлъ.

Ты, съ заботливостью брата,
 Тутъ же выручилъ меня:
 Что въ бою дороже злата,
 Ты займы мнѣ далъ коня.

Былъ и тотъ недолговѣченъ,
 И какъ разъ ядромъ однимъ
 Былъ Бахметевъ въ ногу встрѣченъ,
 Конь мой палъ, и я подъ нимъ.

Тѣмъ покончился смиренно
 Мой воинственный походъ!
 Но въ преданьяхъ незабвенно
 Святъ двѣнадцатый мнѣ годъ.

Съ той поры умчало время
 Много лицъ, событій, лѣтъ;
 Разрослось другое племя,
 И чего не видѣлъ свѣтъ!

Но въ полетѣ быстроврыломъ
 Время избранныхъ щадить:
 Бородинскимъ, юнымъ пыломъ
 Грудь твоя еще горитъ.

Въ день борьбы за Русь святую
 Ты руки не пощадилъ,

А въ дни мира ей другую
Гражданиномъ посвятилъ.

И къ отчизнѣ, и къ престолу
Снова возгорѣвъ огнемъ,
Вѣрный совѣсти, глаголу,
Шель ты съ ней ея путемъ.

Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
• У вертлявой суеты.

Часто и съ двумя руками,
Мѣсть и почестей ловець,
Не сведеть концовъ съ концами,
Обезсиленный дѣлецъ.

Разъ принявшись за дѣло,
Не боялся ты трудовъ
И одной рукою смѣло
Съ зломъ бороться былъ готовъ.

У иныхъ—примѣръ не новый —
„Двѣ огромныя руки“
На себя служить готовы,
И проворны, и легки;

А на выручку страдальца,
Если въ помощь ихъ зовешь,
Не найдешь живого пальца,
Полмизинца не найдешь.

Цѣлый міръ будь имъ поставщикъ,
А радѣть ли о другомъ —
Каждый пальчикъ и суставчикъ
Въ нихъ разбить параличемъ.

Если жь гдѣ тобой замѣченъ
Случай пользы дань принести,
Позабывъ, что ты увѣченъ,
Помнишь ты, что совѣсть есть.

А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
Съ другомъ связь твоя крѣпка:
И на дружбу, и на службу
Горяча твоя рука.

ДССХХХІV.

ПАМЯТИ АВРААМА СЕРГѢЕВИЧА ПОРОВА.

1.

„Онъ кроткой жизнью жилъ и умеръ смертью кроткой“.
Ему надгробною правдивой и короткой
Могли бы ближніе поминкою о немъ
Вписать сіи слова на камнѣ гробовомъ.
Но онъ не схимникъ былъ въ тѣни уединенья:
Живой членъ общества, онъ отъ его служенья,
Отъ подвиговъ, отъ жертвъ не отклонялъ себя,
И жизни благодать, и жизни крестъ любя,
Всему высокому сочувствуя сердечно,
Что въ жизни временно, и то, что въ жизни вѣчно,
Душой уразумѣть и оцѣнить онъ могъ:
Онъ тихъ и ясенъ былъ среди земныхъ тревогъ.
Любовью къ ближнему и вѣрой въ Провидѣнье
Порывы пылкихъ чувствъ и трезвыхъ чувствъ смиренье
Уравновѣсилъ онъ и въ стройность сочеталъ,
Онъ честно дѣйствовалъ и честно онъ мечталъ.
Ни въ полдень зрѣлыхъ лѣтъ, ни въ сумракъ ихъ вечерній
Не зналъ онъ темныхъ чувствъ ни горечи, ни терній;
Онъ и не сѣялъ зла, и зла не пожиналъ;
Была и совѣсть въ немъ прозрачна, какъ кристалль,

Невозмутимое и свѣжее зеркало.
 О помыслахъ другихъ судилъ онъ по себѣ:
 Обезоруженный онъ предстоялъ борьбѣ,
 Гдѣ явный врагъ вредилъ, иль недругъ лицемѣрилъ,
 Онъ зла въ себѣ не зналъ и вчужѣ злу не вѣрилъ.
 Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, изъ малаго числа,
 Которымъ жизнь вотще училищемъ была.
 Быть можетъ, съ жалостью или съ насмѣшкой строгой
 Относится нашъ вѣкъ къ сей брати убогой,
 Къ симъ людямъ Божиимъ, смиреннымъ и простымъ,
 Дающимъ въ обманъ незлобіемъ своимъ,
 Но нужны на землѣ и эти Божьи люди,
 Чтобы при нихъ вольнѣй дышали наши груди,
 Чтобы мы въ бою страстей могли на комъ-нибудь
 Душой усталою съ любовью отдохнуть.
 Среди житейскихъ смуть, съ ихъ безконечнымъ споромъ,
 Онъ долгій путь прошелъ, но на него укоромъ
 Ничья бы не могли озлобиться уста.
 Была душа его младенчески чиста,
 Но и созрѣла въ немъ, какъ плодъ благоуханной,
 Созрѣвшій на браздѣ Земли Обѣтованной,
 Гдѣ теплый воздухъ чистъ, гдѣ чисты небеса
 И Божья благодать ложится, какъ роса.

2.

Двукратно зрѣлъ онъ край священной Палестины.
 Тамъ краски свѣтлыя евангельской картины
 Еще не стерлися подъ давною вѣковъ,
 Тамъ въ почву врѣзанъ слѣдъ Божественныхъ шаговъ,
 Тамъ чуешь въ воздухѣ евангельскія рѣчи,
 Тамъ съ смутнымъ трепетомъ ждешь и боишься встрѣчи,
 Какъ тутъ же нѣбогда, дорогой въ Еммаусъ,
 Внезапно братьями былъ встрѣченъ Иисусъ.
 Евангеліе здѣсь есть лѣтопись живая:
 Ея событія поднесъ переживая,

Паломникъ съ набожнымъ вниманьемъ, день за днемъ,
Тайнственно слѣдитъ за этимъ дневникомъ.
Здѣсь не исчерпано чудесъ святое лоно,
Здѣсь все еще свѣжо, какъ и во время оно.
Вотъ, кажется, грядетъ Невѣдомый землѣ
Со знаменемъ любви и скорби на челѣ.
Благословляетъ Онъ, и милуетъ, и учитъ;
Онъ утѣшаетъ тѣхъ, которыхъ горе мучитъ;
Больныхъ врачуетъ Онъ прикосновеньемъ рукъ,
И, въ мудрой простотѣ превыше всѣхъ наукъ,
Чтобъ въ мѣръ и жизнь вселить миръ, счастье и свободу,
„Любите ближняго!“ Онъ говорилъ народу.
Кто разъ сподобился, о, Иерусалимъ,
Хоть мимоходомъ быть причастникомъ твоимъ,
Кто умирительный твой воздухъ жадной грудью
Вдыхалъ, кто твоему молчанью и безлюдью
Сочувствовать умѣлъ и въ этой тишинѣ
Съ минувшимъ и съ собой могъ быть наединѣ,
Тотъ скажетъ, что хоть разъ вкусилъ онъ въ жизни сладость
Унынья свѣтскаго, похожаго на радость.
И какъ забыть тебя, спасенія купель,
Тебя, живыхъ чудесъ ковчегъ и колыбель!
Васъ — Геосиманскій садъ и берега Кедрона!
Васъ — Елеонская гора, холмы Сіона,
Иосафатовой долины тишина!
Васъ — вѣчный блескъ небесъ и вѣчная весна,
Весь этотъ свѣтлый мѣръ, всю эту Іудею
Съ своей поэзіей и скорбію своею!
Въ сей край паломникъ нашъ, какъ въ отчій домъ вступилъ;
Сей край онъ съ юныхъ лѣтъ заочно возлюбилъ,
Къ нему неслись его завѣтныя стремленья;
Онъ изучалъ его въ трудахъ долготерпѣнья,
Но глубже вѣрою своей его постигъ;
Она была ему вѣрнѣйшая изъ книгъ.
Съ Апостолами онъ духовно породнился,
Онъ съ ними вѣровалъ и плакалъ, и молился;

Онъ почву цѣловаль, носившую Христа;
 Завидоваль онъ вамъ, сподвижники Креста;
 Онъ съ вами раздѣлить желаль бы вашу долю:
 Гоненья, нищету и язвы, и неволю.

Онъ жертвамъ доблестнымъ былъ рано обученъ.
 Служенье обществу страданьемъ началъ онъ,
 Но тяжкій опытъ сей, какъ рыцарскимъ обѣтомъ,
 Въ немъ честь запечатлѣлъ предъ нимъ самимъ и свѣтомъ
 И закалилъ ее, какъ огненной струей.
 Въ дни отрочества онъ, паломникъ боевой,
 Въ пылъ битвы брошенный едва созрѣвшей волей,
 За родину стоялъ на Бородинскомъ полѣ
 И, разомъ возмужавъ подъ ядрами въ бою,
 Ей въ жертву онъ принесъ младую кровь свою.
 И во всю жизнь его тѣ два воспоминанья,
 Два чистые ключа, двѣ страсти, два призванья,
 Двѣ радуги души на всѣхъ путяхъ, во всемъ,
 Въ немъ отзывались и отгѣнялись въ немъ.
 Въ немъ и паломникъ былъ, сынъ вѣры и молитвы,
 И отрокъ пламенный, какъ въ день народной битвы.
 Сосудъ, очищенный огнемъ Бородина,
 Душа призванію осталася вѣрна.

Россія для него была земной святыней.
 Онъ лавромъ молодымъ и взросшей въ Палестинѣ
 Завѣтной пальмою, дней прежнихъ помня былъ,
 Былъ въ правѣ обвивать свой боевой кистыль.
 Любили слышать мы, какъ съ молодой замашкой,
 Постукивалъ нашъ другъ своею деревяшкой,
 Какъ прямо отъ души душѣ онъ говорилъ,
 Хоть заикался онъ и хоть разсѣянъ былъ.
 Но на дѣла добра, за правду ли вступааясь,
 Умъ, въ совѣсть вслушавшись и съ ней не запинааясь,
 Мысль выражалъ свою правдивымъ языкомъ.
 Нѣтъ, совѣсть ни предъ кѣмъ не заикалась въ немъ.

Онъ жизнь любилъ, но въ ней не суетныя блага.
Добра святая страсть, ей сродная отвага,
Любовь къ прекрасному и этотъ чистый пылъ,
Который въ немъ питалъ очагъ духовныхъ силъ,
Все въ старческой душѣ нетлѣннымъ уцѣлѣло,
И юный духъ бодрилъ дряхлѣющее тѣло.

Но для него и смерть не пугаломъ была:
Близъ праха милаго она его ждала
Привѣтливой звѣздой желаннаго свиданья;
Онъ руку подалъ ей съ улыбкой упованья.
Молитвой озарилъ онъ свой послѣдній часъ,
Онъ смертью вроткою и праведной угасъ,
Съ покорностью Творцу, съ любовью нѣжной къ братьямъ,
Какъ гаснетъ чистая лампада предъ Распятьемъ,
Когда въ свой часъ ея свѣтильня догоритъ,
И утро новое сводъ неба озарить.

ДССХХХV.

КЪ С. П. ШИПОВОЙ.

Вотъ возвращается вамъ ваше опахало,
Къ услугамъ вашимъ вновь является оно;
Съ нимъ имя и мое, хотъ вамъ въ томъ дѣла мало,
Игрою случая на вѣкъ закрѣплено.

Когда меня уже не будетъ, а на балѣ,
Между мазуркою и вальсомъ, напримѣръ,
Прохладу станете искать вы въ опахалѣ
И слушать, что поетъ вамъ нѣжный кавалеръ,

Вдругъ память обо мнѣ оно на васъ навѣетъ,
Туманный образъ мой предъ вами промелькнетъ,
И вырваться еще вздохъ тихій не успѣетъ,
А вальсъ опять умчитъ васъ въ бурный свой полетъ.

ДССХХХVI.

Фонтаны! Жаль васъ, отдохните,
Что тратить вамъ свое добро?
Водой вы насъ не удивите:
Безъ васъ свѣжо, безъ васъ мокро

Смотрите, какъ во время Ноя
И такъ до вечера съ утра .
Въ насъ ливня хлещетъ до убоя
Дождь изъ небеснаго ведра.

А вы еще туда жь, съ жеманствомъ
Красуясь въ этотъ влажный часъ,
Своимъ задорнымъ постоянствомъ
Вы дразните и дождь, и насъ.

Пожаромъ зданье обхватило,
А въ домъ свой, залитой огнемъ,
Козлинь, чтобы свѣтлѣе было,
Бѣжитъ съ зажженнымъ фонаремъ.

Тамъ, гдѣ потопись, Сампсонъ, тобою
Намъ любоваться недосугъ,
И то грозитъ намъ бѣдою
Водобоязненный недугъ.

ДСОХХХVII.

РОМАНСЪ.

На голосъ: Beau troubadour, quelle audace t'emporte, etc.

Прекрасный пажъ, куда несешься смѣло?
Опасенъ путь въ горахъ, а ночь темна:
Погибнешь ты. — Погибну! Что за дѣло?
Несчастному въ отраду смерть одна.

Я полюбилъ, кого любить не смѣю,
Кого назвать языкъ мой не дерзнетъ:
И тайной сей, святынею моею,
Душа моя страдаетъ и живетъ.

Въ саду царя цвѣтетъ молодая роза,
Прекрасная какъ утро, какъ весна;
Съ нея тайкомъ запада въ грудь заноза,
И явою врослась мнѣ въ грудь она.

Цвѣнлетъ насъ цвѣтокъ благоухал,
Не вѣдая всей прелести своей:
Цвѣтешь и ты, владычица, не зная,
Какъ много чаръ въ огнѣ твоихъ очей.

Я радъ служить ей молча, безкорыстно,
Скрывая страсть въ сердечной глубинѣ,

Но зрѣть при ней счастливца—ненавистно
И страшно мнѣ, и не по силамъ мнѣ.

На край земли, изгнанью обреченный,
Я понесу души моей кумиръ,
Мою любовь и образъ незабвенный:
Въ немъ и вся жизнь моя, и весь мой міръ.

А тамъ, когда меня уже не станетъ,
Когда взойдетъ освобожденья день,
Быть можетъ, вздохъ ея меня помянетъ
И усладитъ тоскующую тѣнь.

ДССХХVІІІ.

ВВЕДЕНСКІЯ ГОРЫ.

Мнѣ не чужда Зеленая Эрина,
Влечетъ и къ ней сыновняя любовь:
Въ моей груди есть съ кровью славянина
Ирландской дочери наслѣдственная кровь.

Отъ двухъ племенъ идетъ мое рожденье,
И въ двухъ церквахъ съ молитвою одной,
Одна любовь, одно благословенье
Предъ Господомъ однимъ сливались надо мной.

Не долго мать меня руководила,
И ласкъ ея вкушалъ я благодать:
Во цвѣтѣ лѣтъ болѣзнь ее сразила,
И бессознательно оплакивалъ я мать.

Но дѣтства дни промчались съ быстротою,
И сердцемъ я тоскующимъ сказалъ:
Чего-то нѣтъ, чего-то нѣтъ со мною,
И образъ матери въ груди моей возсталъ.

Она во мнѣ одну надежду знала,
Одинъ разсвѣтъ ей радостнаго дня;

Тоска по ней въ минувшемъ угадала
Все то, что съ матерью отнято у меня.

Сталъ милый образъ спутникъ сердцу зримой,
Онъ проливалъ мнѣ въ душу тихій свѣтъ,
Но грустно мнѣ, что матери любимой
Сталъ нѣжнымъ сыномъ я, когда ея ужъ нѣтъ;

Что мнѣ она не жизнь, а призракъ милой,
Чистѣйшихъ благъ утраченный залогъ;
Что въ ней люблю не столько то, что было,
Какъ то, что я позднѣй любить бы могъ;

Что юношей въ благихъ ея совѣтахъ,
Въ ея любви я не имѣлъ вождя,
Что не былъ другомъ ей я въ зрѣлыхъ лѣтахъ,
Опорой не былъ я въ дни старости ея...

Теперь въ одной могилѣ одинокой
Безмолвное преданіе о ней.
Я пробудить хотѣлъ бы сонъ глубокій,
Чтобъ съ нею пережить всю жизнь минувшихъ дней,

Предъ ней раскрыть весь путь мой шагъ за шагомъ,
Сердечной книги свѣтлые листы
И темные, когда я лживымъ благомъ
Дань немощи платилъ подъ игомъ суеты.

Хотѣлъ бы я искать въ ея улыбкѣ
Судъ и награду мыслямъ и дѣламъ,
Прощенье увлеченью и ошибкамъ,
Въ слезахъ ея язвительнымъ страстямъ.

Была бъ она мнѣ совѣстью надежной
И зеркаломъ, гдѣ бъ отразился я;
Себя самихъ обманывать намъ можно,
Но сердца матери намъ обмануть нельзя:

Зародыши и счастья, и печали,
Всѣ нашихъ чувствъ и помысловъ родныхъ
Любви ея доступныя скрижали
И переводятся на внятнѣйшій сей языкъ.

Въ ея любви апостольская сила
И много жертвъ свершаемыхъ въ тиши;
Какъ ладона куренье изъ кадила,
Такъ теплится ея молитва изъ души.

Но съ матерью ни слезы, ни молитвы
Не могъ дѣлать святую благодать;
Усталого съ полей житейской битвы
Меня у очага не ожидала мать.

Пустое мѣсто въ грустномъ домѣ было,
И въ книгѣ жизни грустный былъ пробѣлъ.
Здѣсь счастья нѣтъ, чтобъ мать замѣнило,
И скорби тотъ не зналъ, кто съ матерью скорбѣлъ.

Чѣмъ старше я, тѣмъ память все моложе
И тѣмъ свѣжѣй любви родникъ во мнѣ,
И на живую съ каждымъ днемъ похожѣй
Тѣнь, что мерещится и просится ко мнѣ.

Введенскихъ горъ владбище сердцу свято:
Сроднилось тамъ оно съ однимъ крестомъ,
И сердце трепетомъ младымъ объято,
Когда къ кресту прильну я старческимъ челомъ.

На чуждомъ мнѣ кладбищѣ я какъ дома,
И на душу повѣсть дѣтскій сонъ:
И той звѣздой, что съ дѣтства мнѣ знакома,
Забрезжится теплѣй мой темный небосклонъ.

И на Дѣвичьемъ Полѣ есть могила,
Которая съ Введенской мнѣ сродни:

И тамъ, и здѣсь равно ихъ пещель милый
Скрѣпилъ въ одинъ завѣтъ сочувствія мой.

Какъ будто я готовлюсь на свиданье,
Мнѣ слышатся родные голоса,
И на меня нисходитъ упованье,
Какъ на палящій день вечерняя роса.

Кладбище намъ урочище смиренья
И отрезвляетъ душу въ насъ и умъ:
Въ затишьѣ семъ спятъ жизни тревоженья,
И преній суетныхъ здѣсь замираетъ шумъ.

Целебныхъ тяжбъ мнѣ распри ненавистой
Здѣсь на кладбищахъ забываю ихъ,
Здѣсь смерти судъ безстрастный безкорыстный
Забвенью предаетъ дѣла страстей мірскихъ.

Такъ пастырь-смерть въ одно собираетъ стадо
Разрозненныхъ въ земной лукавой мглѣ
Въ усопшихъ міръ: и намъ бы въ жизни надо
Любовью всѣхъ обнять въ землѣ и на землѣ.

ДСОХХХІХ.

Тихія равнины,
Ель, ветла, береза,
Сѣверной картины
Облачная даль,

Сѣренькое море,
Сѣренькое небо,
Чуется въ васъ горе,
Но и прелесть есть.

Праздничнымъ нарядомъ
Воздухъ, волны, горы,
Разцвѣтая садомъ,
Облачаетъ югъ.

Вѣчнымъ воскресеньемъ
Тамъ глядитъ природа,
Вѣчнымъ упоеньемъ
Нѣжится душа.

Будничныя дѣти
Будничной природы,
Рѣдко знаемъ эти
Праздничные дни.

День денской намъ трудень,
 Жизнь не безъ лишеній,
 Темень кровь нашъ, скудень
 Нашъ родной очагъ,

Но любовь и ласки
 Матери, хоть бѣдной,
 Дѣтямъ тѣ же ласки,
 Та же все любовь.

Въ рублищѣ убогомъ
 Мать—любви сыновней
 Предъ людьми и Богомъ
 Та же другъ и мать.

Чѣмъ она убоже,
 Тѣмъ для сердца сына
 Быть должна дороже,
 Быть должна святѣй.

Грѣхъ за то влословить
 Нашу мать-природу,
 Что намъ изготовить
 Пиршествъ не могла.

Здѣсь родныхъ могилы,
 Здѣшними цвѣтами
 Прахъ ихъ, сердцу милый,
 Усыпаемъ мы.

Не съ родного ль поля,
 Нѣжно, мать цвѣтами
 Украшала, холя
 Нашу колыбель.

Все, что сердцу мило,
 Чѣмъ оно страдало,

Чѣмъ живетъ и жило,
Здѣсь вся жизнь его.

Струны есть живыя
Въ этой тихой пѣсни,
Что поетъ Россія
Въ сумракѣ своемъ.

Тѣ родныя струны
Умиляютъ душу
И въ нашъ возрастъ юный,
И въ тѣни годовъ;

Имъ съ любовью внемлю,
Имъ я вторю, глядя
На родную землю,
На родную мать.

ДССХЛ.

Если вѣтеръ вдругъ подуетъ
Съ темныхъ облачныхъ небесъ
И встревожить, и взволнуетъ
Сномъ глубокимъ спящій лѣсъ,
Заунывные напѣвы
Раздаются въ тьмѣ лѣсной
И въ влюбленномъ сердцѣ дѣвы
Отзываются тоской.

Сердце поетъ, сердце жметъ,
Чуетъ горе впереди,
И запуганное бьется
Въ замирающей груди.
Словно давить сонъ лукавой,
Сердцу страшно и темно,
И съ рыдающей дубравой
Зарыдаетъ и оно!

ДОСХЛІ.

Мѣсячной ночи сіянье
Стелется молча кругомъ;
Смотрить дѣвица на мѣсяцъ
Въ тихомъ уныньи своемъ.

Мѣсяцъ ее обливаетъ
Блескомъ волны золотой,
Нѣжно ее онъ ласкаетъ,
Ей улыбается онъ.

Думой завѣтной глубоко
Сердце пропитано въ ней:
Тамъ, на чужбинѣ, далеко
Милый тоскуетъ по ней.

Сердцу нѣтъ съ сердцемъ разлуки,
Сердцемъ и вчужѣ живемъ;
Что намъ и слезы, и муки,
Если ихъ терпимъ вдвоемъ!

Думаетъ дѣва: Быть можетъ,
Въ этой ночной тишинѣ
Также глядитъ онъ на мѣсяцъ,
Сердцемъ заочно при мнѣ.

Наши сердца съ первой встрѣчей
Зажиги чувствомъ однимъ;
Въ мѣсячномъ блескѣ, далече,
Встрѣтится взоръ мой съ твоимъ.

ДССХЛЦ.

ИЛЬИНСКІЯ СПЛЕТНИ.

(НОВОЕ ИЗДАНИЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ).

1.

Ты спросишь, что въ Ильинскомъ дѣемъ?
Здѣсь снова рай земной насталь,
Мы нѣжимся, весьма потѣемъ.

Благодарю, не ожидалъ!

Бдимъ съ ботвиньей простовашу,
Хоть Трубецкой и запрещалъ,
Желудку не даемъ шабашу.

Благодарю, не ожидалъ!

Цыгановъ слушаемъ съ участиемъ,
За то и таборъ поздравлялъ
Насъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

Благодарю, не ожидалъ!

У насъ и Патти есть, и Лукба,
Цыганскихъ соловьевъ хораль,
Букетъ изъ смуглыхъ розъ и лука.

Благодарю, не ожидалъ!

Весь міръ въ враждѣ, весь міръ въ раздорѣ,
 Кто въ жизни горя не встрѣчалъ?
 А здѣсь есть пристань: не чуй горе.

Благодарю, не ожидалъ!

Въ Ильинскомъ съ вѣжливой споровкой
 Пророкъ въ свой день не бушевалъ:
 Агà, знать, царедворецъ ловкій!

Благодарю, не ожидалъ!

Съ царями жизнь не жизнь — искусство,
 Отъ умныхъ я людей слыхалъ;
 Здѣсь съ ними жить научить чувство.

Благодарю, не ожидалъ!

Бренчить заморская гитара,
 И контра-басъ захохоталъ:
 Съ миссѣ Идой тароторить Ара.

Благодарю, не ожидалъ!

Надъ Трубецкимъ трунить Толстая,
 Въ ней виденъ родственнй закалъ:
 Войны и Мира часть седьмая...

Благодарю, не ожидалъ!

Марья Аркадьевна, о Боже!
 Такая тишь, такой кристалъ,
 А Трубецкаго травить тоже...

Благодарю, не ожидалъ!

Не защищайся и мизинцемъ
 Онъ все Аркадьевнѣ шепталъ:
 Когда бъ я былъ Аркадскимъ принцемъ...

Благодарю, не ожидалъ!

Въ романахъ нашу баронессу
 Плѣняетъ дикій идеалъ,

Сердечкинъ скучень, дай повѣсу!
 Благодарю, не ожидаль!

Мивстурой, чаще анекдотомъ,
 Нашъ Гартманъ ближнихъ врачеваль,
 Все больше хохотомъ, не пѣтомъ.
 Благодарю, не ожидаль!

Самаринъ въ Нѣмцамъ чорта строже,
 А вотъ Кареля бѣ онъ узналь:
 Прямой русакъ въ нѣмецкой кожѣ...
 Благодарю, не ожидаль!

Воейковъ Адлерберга трусить,
 Хоть самъ отличный генераль;
 Все такъ и чуетъ: вотъ укусить...
 Благодарю, не ожидаль!

Арсеньевъ, нынче менторъ строгой,
 Въ сердечныхъ школахъ самъ бываль
 И телемачничаль немного.
 Благодарю, не ожидаль!

Вотъ Озеровъ! — Честь сцены нашей.
 Нѣтъ, онъ Моинъ не сочиняль;
 Живыхъ красавицъ онъ папашей.
 Благодарю, не ожидаль!

Нашъ Вяземскій все риѣмы сучить,
 Хоть въ дѣтство дряхлое онъ впаль,
 Его и оспа не проучить.
 Благодарю, не ожидаль!

2.

Ты спросишь, что въ Ильинскомъ дѣемъ?
 Здѣсь снова рай земной насталь,

Мы нѣжимся, весьма потѣемъ.

Благодарю, не ожидалъ.

Вдимъ съ ботвиньей простовашу,

Хоть Трубецкой и запрещалъ;

Желудку не даемъ шабашу...

Благодарю, и пр.

Цыганокъ слушаемъ съ участьемъ,

За то и таборъ поздравлялъ

Насъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

Благодарю, и пр.

Въ Москвѣ и Патти есть, и Лукка,

Цыганскихъ соловьевъ хоралъ,

Смѣсь смуглыхъ лицъ съ приправой лука.

Благодарю, и пр.

Знакома ль вамъ здѣсь княжна Ара,

Здоровья милый идеалъ,

Хоть съ Идъ дружна, но ей не пара.

Благодарю, и пр.

Въ романахъ нашу баронессу

Плѣняетъ дикій идеалъ,

Сердечкипъ скучень, дай повѣсу!

Благодарю, и пр.

Надъ Трубецкимъ трунить Толстая,

Въ ней виденъ родственный закалъ:

Войны и Мира часть седьмая...

Благодарю, и пр.

Воейковъ Адлерберга трусить,

Хоть самъ отличный генералъ;

Все такъ и чуетъ: вотъ укусить...

Благодарю, и пр.

Нашъ Вяземскій все рѣшмы сучить,
Хоть въ дѣтство дряхлое попалъ ¹⁾,
Его и оспа не проучить.

Благодарю, и пр.

Мивстурой, чаще анекдотомъ,
Нашъ Гартманъ ближнихъ врачевалъ,
Все больше хохотомъ, не пѣтомъ...

Благодарю, и пр.

Арсеньевъ, нынче менторъ строгой,
Въ сердечныхъ школахъ самъ бывалъ
И телемачничалъ немного...

Благодарю, и пр.

Самаринъ Нѣмцамъ чорта строже,
А вотъ Кареля бѣ онъ узналъ:
Прямой русакъ въ нѣмецкой кожѣ...

Благодарю, и пр.

3.

Ты спросишь, что въ Ильинскомъ дѣемъ?
Здѣсь снова рай земной насталь;
Мы нѣжимся, весьма потѣемъ.

Благодарю, и пр.

Вѣдимъ съ ботвинней простоквашу,
Хуть Грубецкой и запрещалъ;
Желудку не даемъ шабашу.

Благодарю, и пр.

Цыганокъ слушаемъ съ участиемъ,
За то и таборъ поздравлялъ
Насъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

Благодарю, и пр.

¹⁾ При этомъ стихѣ рукою Елисаветы Дмитриевны Милютинной замѣчено:
„Je proteste avec énergie“.

Въ Москвѣ и Патти есть, и Лукка,
 Цыганскихъ соловьевъ хораль,
 Смѣсь смуглыхъ лицъ съ приправой лука.
 Благодарю, и пр.

Знакомы ль вы съ княжною Арой?
 Прекрасный, полный генераль
 Съ миссъ Идой смотритъ брачной парой...
 Благодарю, и пр.

(ВАРИАНТЪ ОЗЕРОВА:

Знакома ль вамъ здѣсь княжна Ара,
 Здоровья милый идеаль,
 Хоть съ Идъ дружна, но ей не пара.
 Благодарю, и пр.)

Въ романахъ нашу баронессу
 Плѣняетъ дикій идеаль,
 Сердечкинъ скучень, дай повѣсу!
 Благодарю, и пр.

Надъ Трубецкимъ трунить Толстая,
 Въ ней виденъ родственнй закаль:
 Войны и Мира часть седьмая...
 Благодарю, и пр.

Воейковъ Адлерберга труситъ,
 Хоть самъ отличный генераль;
 Все такъ и чуетъ: вотъ укуситъ.
 Благодарю, и пр.

(ВАРИАНТЪ ОЗЕРОВА:

Воейковъ труситъ командира,
 Хоть самъ исправный генераль,
 То знаетъ главная квартира.
 Благодарю, и пр.)

Нашъ Вяземскій все риѣмы сучить,
Хоть въ дѣтство дряхлое попалъ ¹⁾,
Его и оспа не проучить.

Благодарю, но ожидалъ!

Микстурой, чаще анекдотомъ,
Нашъ Гартманъ ближнихъ врачевалъ,
Все больше хохотомъ, не потомъ.

Благодарю, и пр.

Арсеньевъ, нынче менторъ строгій,
Въ сердечныхъ школахъ самъ бывалъ
И телемачничалъ немного.

Благодарю, и пр.

Самаринъ Нѣмцамъ чорта строже,
А вотъ Кареля бѣ онъ узналъ:
Прямой русакъ въ нѣмецкой кожѣ.

Благодарю, и пр.

(ВАРИАНТЪ ОЗЕРОВА:

Шталмейстеръ басомъ обладаетъ,
Варганъ гудить здѣсь во весь залъ,
А онъ подъ музыку читаетъ.

Благодарю, и пр.)

---

¹⁾ Приниска Озерова: Опять онъ юныхъ силъ набралъ.

ДОСХЛІЦІ.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЯ СПЛЕТНИ.

Въ Слѣпцовѣ Захаржевскій слышенъ,
Въ немъ и Ледрю-Ролленъ возсталъ,
Имъ баррикадъ здѣсь рядъ возвышенъ.
Благодарю, не ожидалъ!

Но не прослыть ему Рошфоромъ,
Онъ фонарей не расточалъ,
Въ ночь городъ смотритъ темнымъ боромъ.
Благодарю, не ожидалъ!

А Страусъ въ Павловскѣ толпами
Всѣхъ зрѣлыхъ дамъ заколдовалъ;
Всѣ такъ и слушаютъ—глазами.
Благодарю, не ожидалъ!

DCOXLIV.

СЛУХИ ИЗЪ ЛИВАДІИ.

Съ Бахчисараемъ случай разомъ
Шутя Ливадію сравнилъ:
Нашъ Озеровъ сталь водолазомъ.
Благодарю, не ожидалъ!

Онъ тезку трагика оставилъ
И Пушкинымъ быть пожелалъ:
Онъ свой фонтанъ собой прославилъ.
Благодарю, не ожидалъ!

Въ Крыму фонтанамъ жребій странный:
Одинъ поэта вдохновилъ,
Другой шталмейстеру сталь ванной.
Благодарю, не ожидалъ!

КЪ С. П. ШИНОВОЙ.

По Божьей милости и родовому праву
И красоты вѣнецъ, и красоты державу
Отъ матери своей наслѣдовали вы;
Вѣнецъ сей перешелъ съ прекрасной головы
На вашу голову прекрасно-молодую.
Минувшаго люблю въ васъ память дорогую
И настоящаго въ васъ прелесть я люблю;
Былое отъ того, что есть, не отдѣлю.
Преданье для меня при васъ живое слово;
Все, чѣмъ люблюсь въ васъ, мнѣ ново и не ново.
Съвозъ милый образъ я на образъ вашъ смотрю.
Въ бесѣдѣ ль искренней я съ вами говорю,
Мнѣ кажется, что я, обманутый годами,
Дованчиваю рѣчь, начатую не съ вами,
И что пророческимъ видѣньемъ или сномъ
Я тайно угадалъ васъ въ образѣ другомъ,
И съ вами встрѣтившись, — невольно, тайной силой,
И по сочувствію, и по привычкѣ милой
Признало сердце васъ, и отдалось оно,
Какъ подъ владычество знакомое давно.
Измѣны въ чувствѣ нѣтъ, хоть измѣнились лица!
Сердечной повѣсти завѣтная страница

Сліяла, освѣживъ преданій старину,
Два образа въ одинъ и пѣсни двѣ въ одну.
Какъ въ совѣсти своей, съ влеченьемъ чувствъ согласной,
Я вѣрноподаннымъ былъ матери прекрасной,
Такъ съ прежней вѣрностью, при сѣдинѣ волосъ,
Прекрасной дочери присягу я принесъ.

DCOXLVI.

Отсутствующій виновать:
Вотъ смыслъ пословицы извѣстной,
Ее вездѣ и всѣ твердятъ
Уликой вамъ не слишкомъ лестной;
Но и пословицы вѣдь врутъ,
Хоть дѣти мудрости народной,
Есть исключенія и тутъ,
И вотъ примѣръ кому угодно:
Когда придетъ ко мнѣ вашъ враль,
Присутствіе возненавижу,
Мнѣ всѣхъ отсутствующихъ жаль,
И въ нихъ я праведниковъ вижу.

1870 г.

DCOXLVII.

Мнѣ не къ лицу шутить, не по душѣ смѣяться,
Остаться долженъ я при немощи своей.
Зачѣмъ отжившему живымъ мнѣ притворяться?
Болѣзненный мой смѣхъ всѣхъ слезъ моихъ грустныхъ.

1871 г.

DCCLXVIII.

ЭПИТАФИЯ СЕБѢ ЗАЖИВО.

Лампадою ночной погасла жизнь моя,
Себя какъ мертваго оплакиваю я.
На мнѣ болѣзни и печали
Глубоко врѣзанъ тяжкій слѣдъ:
Того, котораго Вы знали,
Того ужь Вяземскаго нѣтъ

DCCLXIX.

Я пѣнье соловьевъ любилъ въ свой возрастъ дѣтскій,
И въ старости любилъ ихъ пѣснь въ лѣсахъ родныхъ:
Но соловьи поютъ здѣсь какъ-то по нѣмецки,
Пивное что-то есть въ тяжелой пѣсни ихъ.
Въ нѣмецкомъ соловьѣ нѣтъ нѣги, нѣтъ порыва,
Любовью пѣснь его не дышитъ, не звучитъ;
Какъ бургеръ съ трубкою во рту, за кружкой пива,
Такъ не поетъ и онъ, а только что сопить.

ДОСЛ.

ВИСБАДЕНСКІЕ СТИХИ.

1.

У васъ есть множество обителѣй въ дому:
Въ дому особенно есть оконъ изобилъе,
И можно каждое отмѣтить по фамилъѣ
Того, кто въ свой чередъ допущенъ былъ къ нему.
Вы не спѣсивы, нѣтъ: улыбка, ласка та же
Ждутъ каждаго, къ окну кто бѣ съ вами не подсѣлъ.
У васъ окошекъ рядъ и въ нижнемъ есть этажѣ, —
Что тутъ и говорить? У васъ я даже,
Ужъ если не окно, то форточку имѣлъ.

2.

Въ двухъ образахъ теперь я васъ заочно вижу:
Однимъ люблюсь я, другой я ненавижу,
И вы, и мысль о васъ всегда во мнѣ въ борьбѣ.
Одно я чувствую, одно твержу себѣ:
Есть Петербургская блестящая княгиня,
Но ужъ Висбаденской Маріи нѣтъ какъ нѣтъ.

Одну поработилъ себѣ лукавый свѣтъ,
Другая въ памяти сердечной, какъ святыня,
Хранится въ чистотѣ и прелести своей,
И какъ звѣзда зажглась въ ночи души моей.

DCCL.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Альбомъ вашъ старъ, но старъ и я,
Тавъ что жь? Тѣмъ лучше: съ нимъ мы пара,
И старой книги бытія
Мы ветхіе два экземпляра.

Той бібліотеки ужь нѣтъ,
Гдѣ мы въ красивомъ переплетѣ,
Съ узорной роскошью виньетъ,
При яркой, свѣжей позолотѣ,

У всѣхъ стояли на виду,
И люди любовались нами,
И въ молодомъ своемъ чадѣ
Собой мы любовались сами.

Той бібліотеки ужь нѣтъ,
Тѣ книги моль давно изъѣла,
Давнымъ давно забылъ ихъ свѣтъ:
Живому нѣтъ до мертвыхъ дѣла.

Теперь въ ходу, теперь въ чести
Другіе люди и новинки.

А мы? Мы на живомъ пути
Чего-то прошлаго поминки.

Что жь дѣлать? Каждому свой день.
Напрасны жалобы и пени:
Иные входятъ на ступень,
Другіе сходятъ со ступени.

Но, старину свою любя,
Ее признательно помянемъ,
Обломки, молча, про себя,
Другъ друга утѣшать мы станемъ.

ДОСЛІІ.

ШУТОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

1.

Изъ памяти своей совсѣмъ меня вы выжили:
Какъ полный сочностью лимонъ
До капли, до конца совсѣмъ меня вы выжали
И тутъ же выбросили вонъ.

2.

Хочешь зло бичевать?
Не ходи по окрестностямъ;
Есть тебѣ гдѣ гулять
И по собственнымъ мѣстностямъ.

Не забудь, человѣкъ,
Сынъ земного отечества,
Что и ты—имя рекъ—
Бѣдный членъ человѣчества.

Будемъ, братья, скромнѣй,
То-есть, будемъ же братьями,

Не особь отъ людей
Выдвигаясь изъятъями.

Нѣтъ ничьей тутъ вины,
И въ чему разглагольствіе?
Всѣ мы злы и смѣшны,
Всякъ въ свое удовольствіе.

ДСОЛІІІ.

ИЗЪ ЦАРСКАГО СЕЛА ВЪ ЛИВАДІЮ

(ПОЗДНЕЮ ОСЕНЬЮ 1871 ГОДА).

Посвящается Елисаветѣ Дмитриевнѣ Милютинной.

Смотрю я вашимъ Аю-Дагомъ,
Въ берлогѣ какъ медвѣдь сижу,
Иль медленно, медвѣжьимъ шагомъ
Въ саду пустынномъ я брожу.

Но, какъ медвѣдю ради скуви,
Сосать мнѣ лапу не подстать:
Мои такъ исхудали руви,
Что въ нихъ ужъ нечего сосать.

И умъ, и чувство исхудали;
Побить былъ стужей жизни цвѣтъ.
Того, котораго вы знали,
Того ужъ Вяземскаго нѣтъ.

Есть развѣ темное преданье
О свѣтлой нѣкогда судьбѣ,
На камнѣ гроба начертанье,
Поминки по самомъ себѣ.

Тамъ, гдѣ сѣннемъ вѣчно новымъ,
Ласкается къ вамъ южный день,
Вы помяните добрымъ словомъ
Мою тоскующую тѣнь.

1872 г.

DOCLIV.

26 ЯНВАРЯ 1872 г.

Моя поэзія и дни мои угасли.
Но если чувствовать еще способенъ я,
За чувство свѣтлое благодарить не Васъ ли
Должна душа моя?
Высоко я цѣню честь царскаго вниманья,
Достойно же воспѣть царицу не могу;
Но въ царскомъ образѣ былъ ангелъ состраданья,
И молча образъ тотъ я въ сердцѣ сберегу.

DCCLV.

Всѣ сверстники мои давно ужь на покоѣ,
И младшіе давно сошли ужь на покой:
Зачѣмъ же я одинъ несу ярмо земное,
Забытый каторжникъ на каторгѣ земной?...

DCCLVI.

Жизнь ѣдой горечью проникнута до дна,
Нѣтъ въ ближнему любви, нѣтъ кротости въ поминѣ,
И душу мрачную обуреваютъ нынѣ
Одно отчаянье и ненависть одна...

1873 г.

DOCLVII.

Л Ъ С Ъ.

Въ лѣсу за листомъ листъ кругомъ
Съ деревьевъ валится на землю:
Самъ въ увяданіи моемъ
Паденью ихъ съ раздумьемъ внемлю.

Глухой ихъ шорохъ подъ ногой
Въ моей прогулкѣ одинокой,
Какъ шорохъ тѣни въ тьмѣ ночной,
Тревожить лѣса сонъ глубокой.

Кладбища сонъ и тишина!
А жизнь съ улыбкой обаянья
Вчера еще была полна
И нѣги, и благоуханья.

Не листья ль жизни нашей дни?
Насъ и они въ свой срокъ обманутъ,
Какъ листья, опадутъ они,
И какъ они, печально вянутъ.

Гдѣ лѣсъ былъ зеленою обвить,
Теперь одни листы сухіе:

Такъ память грустная хранить
Отцвѣтшей жизни дни былие.

Но свѣжей роскошью вѣтвей
Весной очнется вновь дуброва,—
А намъ на пеплѣ нашихъ дней
Цвѣтущихъ не дождаться снова!

DCCLVIII.

Когда вамъ нечего сказать мнѣ,
Зачѣмъ ко мнѣ вамъ подходить?
Зачѣмъ съ днемъ каждымъ непонятнѣй
И все страннѣй со мною быть?
Когда вамъ нечего сказать мнѣ,
Зачѣмъ ко мнѣ вамъ подходить?

Зачѣмъ вашъ взоръ, какъ бы случайно,
По мнѣ разсѣянно скользить?
Иль вопросительно и тайно
Глубоко въ душу мнѣ глядить?
Зачѣмъ вашъ взоръ, какъ бы случайно,
По мнѣ разсѣянно скользить?

Зачѣмъ, когда встрѣчаюсь съ вами,
Смущаться вамъ отъ нашихъ встрѣчъ,
И торопливыми словами
Съ другимъ заводите вы рѣчь?
Зачѣмъ, когда встрѣчаюсь съ вами,
Смущаться вамъ отъ нашихъ встрѣчъ?

Зачѣмъ плѣнять меня улыбкой?
Зачѣмъ холодною пугать?
Зачѣмъ коварствомъ, иль ошибкой,
Меня ласкать и волновать?

Зачѣмъ плѣнять меня улыбкой?
Зачѣмъ холодностью пугать?

Зачѣмъ надежды и сомнѣнья
Сбиваютъ съ толку страсть мою?
Зачѣмъ беречь отъ обольщенья
И привлекать меня къ огню?
Зачѣмъ надежды и сомнѣнья
Сбиваютъ съ толку страсть мою?

Зачѣмъ приманкою участья
Съ ума вы сводите меня
И не даете чувству счастья
Дожить до завтрашняго дня?
Зачѣмъ приманкою участья
Съ ума вы сводите меня?

1874 г.

DCCLIX.

ПОЭТУ-АРХЕОГРАФУ ИЛИ АРХЕОГРАФУ-ПОЭТУ

ДОБЛЕСТНОМУ ПОТОМКУ ЗНАМЕНИТАГО ГРЕЧЕСКАГО ПЬСНОПЬВЦА
Тимоѳея.

(Александрѣ Ильичу Тимоѳееву).

Скажу вамъ: Исполать! любезный Тимоѳеевъ,
Любезнѣйшій изъ всѣхъ наличныхъ стиходѣевъ,
Въ которомъ самъ пѣвецъ мадамъ де Курдюковъ
Соперника себѣ признать въ гробу готовъ.
Меня въ сухой глуши чужого захолустья
Вы вспрыснули живой водой родного устья,
И русскій смѣхъ, скуламъ нѣмецкимъ не сродни,
Чуть-чуть не надорвалъ животикъ мой.
Спасибо за письмо: оно такъ Русью пахнетъ,
Словечкомъ удалымъ такъ по сердцу шарахнетъ,
Что сердце, вздрогнувъ, вдругъ кувыраться начнетъ,
Колѣнцами юлить, дрыгаетъ и поетъ.
Когда я васъ читалъ, сдавалось, васъ я слушалъ
И съ вами я блины на масляницѣ кушалъ ¹⁾,
И запивалъ ихъ жиръ настоячкой тройной.
Съ археографіей, старушкою сѣдой,

---

¹⁾ А вотъ блинъ и вышелъ комомъ.

Хоть обвѣнчались вы давно законнымъ бракомъ,
Но съ нею на мели вы не засѣли ракомъ.
Въ васъ удалъ и задоръ, въ васъ забубенный хмель,
Вы, кажется, не прочь и отъ мамзель фанъ-Гель.
Что жь? На здоровье! Желая вамъ веселья!
А я средь колбасовъ и въ царствѣ пиводѣля
Съ печальной завистью на вашу прыть смотрю,
И колбасовъ не ѣмъ, и пива я не пью.
Что жь, дѣлать нечего! Но только, ради Бога,
Хоть разъ свезите въ Буффъ архи-идеалога,
То-есть, Владиміра, что Павловъ сынъ ¹⁾: въ тому жь
Онъ любознательный и велемудрый мужъ,
Но какъ онъ ни ученъ, а кажется, доселѣ
Онъ мало практики имѣлъ на счетъ мамзелей.
Натуру показавъ *in naturalibus*
Вы въ буффографіи ему привейте вкусъ.
Тогда опять скажу: Ура! О, Тимоѳеевъ,
Любезнѣйшій изъ всѣхъ стихо- и чудо-дѣевъ!

---

¹⁾ Титовъ.

DOCLX.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ И ПРЯТЕЛСКОЕ ПОЖЕЛАНІЕ
А. И. ТИМОФЕЕВУ.

Самъ счастья своего виновникъ,
Поэтъ ты и археографъ,
Къ тому же доблестный чиновникъ,
Въ тройную цѣль уже попалъ,
Послѣдній сдѣлай ты пифъ-пафъ!
И хоть Титовъ наложить штрафъ,
Жюдики смѣлый будь любовникъ
И всѣхъ мамзелей Голяевъ.

DCCLXI.

ГРАФИНЪ АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВНЪ О. СУФЬЕВОЙ.

Мы въ Гомбургѣ сошлись и здѣсь же разойдемся,
Путь каждому изъ насъ судьбой опредѣленъ.
Приснится на пути намъ радость? Вдругъ проснемся, —
И радость ужъ зашла за дальній небосклонъ.
Старикъ, вамъ бью челомъ я старыми стихами
И вамъ скажу въ прощальный часъ:
Въ дорогѣ встрѣтившись я любовался вами,
А дома буду помнить васъ.

ДССЛХІІ.

ГРАФУ МОДЕСТУ АНДРЕЕВИЧУ КОРФУ.

Съ родного очага судьбиной
Давно отрѣзанный ломоть,
Закабаленъ я былъ чужбиной
И осужденъ въ ней дни молоть.

Какъ ни мелю, все по пустому:
Не перемелется мука,
Одну мявину да солому
Сбираетъ нехотя рука.

Между собой все такъ похоже:
День каждый завтрашнему дню
Передаеть одно и то же,
И ночи ночь тоску свою.

Бессонница, какъ вѣдьма злая,
И съ нею дочь ея хандра,
Ночь напролетъ надоѣдая,
Торчатъ у празднаго одра.

И вы здоровья, силы свѣжей,
Какъ я, пришли сюда исвать:

Въ насъ помощь и недуги тѣ же,
И сна чужда намъ благодать.

Кажись, выносимъ трудъ не малый,
Чтобъ только сномъ глаза сомкнуть,
Читаемъ русскіе журналы,
А все не можемъ мы заснуть.

Такая, знать, у насъ натура,
Что ни подушки, ни тюфльъ,
Ни русская литература
Не убаюкають никакъ.

Досадно, тяжело и больно!
Такъ горемычный часовой
Стоить и слышитъ, какъ привольно
Весь станъ храпитъ во тьмѣ ночной.

Посмотришь, всѣ благополучно
Спятъ русскимъ сномъ отъ русскихъ книгъ:
Отъ нихъ мнѣ до зѣвоты скучно,
А сна не выжмешь ни на мигъ.

Судьба свела насъ издавеча
Въ чужой и тихой сторонѣ:
Будь въ добрый часъ памъ эта встрѣча!
Чего желать и вамъ, и мнѣ?

„Царевичу младому Хлору“
Молюсь, чтобъ въ намъ онъ, доброхотъ,
„Насъ взвелъ на ту высокую гору,
„Гдѣ безъ хлорала сонъ растетъ“.

ДССЛХІІІ.

Дня прекраснаго разсвѣтомъ
Все въ васъ дышетъ и цвѣтетъ,
Жизнь улыбчивымъ привѣтомъ
Васъ на праздникъ свой зоветъ.

Свѣтлый праздникъ новоселья!
Блескъ безоблачныхъ небесъ,
Откровенья и веселья
Поэтическихъ чудесъ,

И мечты воображенья,
И надеждъ блестящій рой
Расточаетъ угощенья
Гостѣмъ жизни молодой

Путь цвѣтами вашъ украшень;
Старь, угрюмъ я и завяль, —
Потому-то вамъ и страшень,
Вамъ и пугаломъ я сталъ.

Обратите въ состраданье
Страхъ, который не подь стать;
Старость есть ужь наказанье,
И прощенья ей не знать.

Мы, изъ жалости сердечной,
Лепту нищему даемъ,
Ничего хотъ нѣтъ, конечно,
Привлекательнаго въ немъ.

Все бѣднѣй я съ каждымъ годомъ!
Къ вамъ протянута рука:
Вы улыбкой, мимоходомъ,
Осчастливьте старика!

DCCLXIV.

СЕРГЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ НИКОЛАЕВСКОМУ.

Съ моею музой престарѣлой
Любезничать хотите вы,
Но не вскружить вамъ посѣдѣлой
И ужь остывшей головы.

Нѣтъ, муза трезво пробудилась
Отъ соблазнительнаго сна,
Съ годами и остепенилась,
И образумилась она.

Цвѣты поблѣкли на дорогѣ,
И небо пасмурно глядитъ,
И дома грустно на порогѣ
Она задумавшись сидитъ.

Въ дни молодости беззаботной
Когда намъ въ радость все, что есть,
И легковѣрно, и охотно
Она выслушивала лесть.

Теперь не вѣрять обольщеньямъ,
Не вѣрять льстивымъ похваламъ:

Съ самопознаньемъ и смиреньемъ,
Она поворстуетъ судьбамъ.

Передовымъ и книги въ руки!
Она жь въ обозѣ отсталыхъ:
И если иногда, отъ скуки,
Къ стиху еще подводитъ стихъ,

То развѣ изъ одной привычки,
Какъ на лежанкѣ, въ вечерокъ,
Сквозь сонъ передвигая спички,
Старушка вяжетъ свой чулокъ!

DCCLXV.

О С Е Н Ь.

Коветничаетъ осень съ нами:
Красавица на западѣ своемъ
Послѣдней ласкою, послѣдними дарами
Приманиваетъ насъ нѣжнѣе съ каждымъ днемъ.

И вотъ я, воловита старый,
Люблю ухаживать за ней
И жадно допивать за каплей ваплю, чары
Прельстительной волшебницы моей.

Все въ ней мнѣ нравится: и пестрота наряда,
И бархатъ, и парча, и золота струя,
И яхонтъ, и янтарь, и гроздья винограда,
Которыми она обвѣшала себя.

И тѣмъ дороже мнѣ, чѣмъ ближе ихъ утрата,
Еще душистѣе цвѣты ея вѣнка,
И въ свѣтломъ заревѣ прекраснаго заката
Силь угасающихъ нѣга, и тоска.

DCCLXVI.

Когда изъ родины, намъ и заочно милой,
Доходить голосъ въ намъ на дальнемъ берегу,
Насъ переноситъ онъ таинственной силой
Хоть мелькомъ, хоть на мигъ въ родному очагу.

Вдругъ память проблескомъ минувшее освѣтитъ,
И въ настоящемъ мы, и въ прошломъ заживемъ,
И сердце чуткое знакомый голосъ встрѣтитъ
Улыбкой тихою, задумавшись на немъ.

Не звученъ голосъ мой и слуха не чаруетъ,
Но отголосокъ въ немъ преданій, думъ родныхъ;
Быть можетъ, вашего вниманья не минуетъ
Случайно на глаза попавшійся мой стихъ.

Въ немъ скажутся мои сердечныя былины
И тѣнь, и призраки того, чего ужъ нѣтъ;
Глубокіе лѣса отчизны и равнины,
Нева, ея ночей безсумрачныхъ разсвѣтъ.

Тамъ волны южныя съ ихъ роскошью прибрежной,
Тамъ нѣга теплая, тамъ воздухъ голубой;
Здѣсь свѣтлая зима съ своей парчою снѣжной,
Съ своей суровою и бодрой красотой.

Примите дань мою съ радушьемъ и участиемъ:
При новыхъ чувствахъ вы не разлюбили насъ,
Въ васъ счастье новое сроднилось съ прежнимъ счастьемъ,
Вамъ съ новою звѣздой лучъ прежній не угасъ.

Теперь мой чуждый стихъ отвликнется далеко,
Пройдутъ мечты мои въ вашъ пышный, чудный край,
Какъ пѣснь, чрезъ степь, несется одиноко
И слухъ проѣзжаго пробудитъ невзначай.

DCCLXVII.

Въ Парижѣ вы: да, именно въ Парижѣ!
Хоть знаю я, а вѣрить не могу:
Себя въ лунѣ вообразить мнѣ ближе,
Чѣмъ васъ искать на Сенскомъ берегу.

Парижъ и вы — двѣ крайности, и трудно
Ихъ примирить и приложить къ нимъ слѣдъ;
Событьями нашъ вѣкъ вертитъ такъ чудно,
Что ничего несбыточнаго нѣтъ.

Случайностямъ мудренымъ, многосложнымъ,
Открытый путь! Мы — жертвы ихъ затѣй:
И что всегда бывало невозможнымъ,
Теперь всего возможнѣй и вѣрнѣй.

Вы любите спокойныхъ дней теченье
И свѣтлый миръ души и бытія;
Сокровище для васъ и утѣшенье —
Родной очагъ, Россія и семья.

Ни внѣшній блескъ, ни всѣ его соблазны
Въ свой кругъ волшебный васъ не увлекутъ:
Дороже вамъ вашъ міръ однообразный,
Но міръ, гдѣ вашимъ чувствамъ есть приютъ;

Гдѣ дома вы, гдѣ сердце старожиломъ
Устроилось, хозяйствомъ завелось
И бережно хранить въ затишьѣ миломъ
Все, чѣмъ оно на жизнь отозвалось;

Гдѣ старыя преданья и привычки,
Сочувствія, повѣрья прежнихъ лѣтъ,
Въ завѣтный часъ сердечной переклички,
Всѣ на лицо и вамъ даютъ отвѣтъ.

Съ свѣтыни сей, съ домашняго порога
Васъ перенесъ судьбины произволь
На шумный путь, гдѣ вѣчная тревога,
Гдѣ всѣхъ страстей клокочущій котель.

Тамъ впопыхахъ и опрометью, жадно,
Жизнь безъ оглядки все бѣжить впередъ
И рубить силою деревья безпощадно,
Чтобъ съ нихъ скорѣй сорвать невѣрный плодъ;

Тамъ септенать, семь пятницъ на недѣлѣ,
У каждаго во рту семь языковъ,
Есть семь чудесъ, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ,
Но врядъ ли тамъ найти семь мудрецовъ.

Добро бы мнѣ во имя Оффенбаха
Въ Парижѣ быть: нѣтъ, въ Гомбургъ я попалъ,
Сюда, гдѣ жизнь ползеть, какъ черепаха,
Гдѣ самъ за ней я черепахой сталъ.

А не смущаясь юныхъ лѣтъ измѣной,
Тамъ отыскать я могъ бы прежній пылъ
И за одно съ прекрасною Еленой
Парисомъ я въ Парижѣ бы вутиль.

Вотъ какъ бѣгутъ превратно дни за днями,
Вотъ какъ судьба, съ повязкой на глазахъ,
Насъ не спросясь, играетъ въ жмурки съ нами
И на угадъ насъ ловить второпяхъ.

DCCLXVIII.

„ЕЩЕ ОДНО ПОСЛѢДНЕЕ СКАЗАНИЕ“.

Посвящается А. Д. Баратынской.

Послѣдніе я доживаю дни,
На ихъ ущербъ смотрю я безъ печали:
Все, что могли сказать, они сказали
И дали все, что могутъ дать они.

Ждать новаго отъ нихъ мнѣ не возможно,
А старое все знаю наизусть:
Знакомы мнѣ и радость ихъ, и грусть,
И все, что въ нихъ дѣйствительно и ложно.

Подъ опытомъ житейскихъ благъ и грозъ
Я все прозрѣлъ, прочувствовалъ, извѣдалъ,
Соблазновъ всѣхъ я сладкій ядъ отвѣдалъ,
Вкусилъ и горечь всѣхъ возможныхъ слезъ.

Что на берегъ одной волны порывомъ
Приносится, уносится другой:
Я испыталъ и зыбь ихъ, и прибой,
Волнуясь ихъ приливомъ и отливомъ.

Все это было, и какъ въ смутномъ снѣ
Мерещатся дневныя впечатлѣнья,
Такъ этихъ дней минувшихъ отраженья
Въ туманныхъ образахъ скользятъ по мнѣ.

Изъ книги жизни временемъ сурово
Всѣ лучшіе повыдраны листы:
Разрозненныхъ ужь не отыщешь ты
И не вплетешь ихъ въ книгу жизни снова.

Не поздно ли ужь зачитался я?
Кругомъ меня и сумракъ, и молчанье:
„Еще одно послѣднее сказанье
„И лѣтопись окончена моя“.

DCCLXIX.

Куда дѣвались вы съ своимъ закатомъ яснымъ,
Дни бодрой старости моей!
При васъ ни жалобой, ни ропотомъ напраснымъ
Я не оплакивалъ утраты юныхъ дней.

Нѣтъ, бремя позднихъ лѣтъ на мнѣ не тяготѣло,
Еще я полной жизнью жилъ;
Ни умъ не увядалъ, ни сердце не старѣло,
Еще любилъ я все, что прежде я любилъ.

Не чужды были мнѣ налеты вдохновенья,
Трудъ мысли, свѣтлыя мечты,
И впечатлительность, и жертвоприношенья
Души, познавшей власть и прелесть красоты.

Какъ вѣтръ порывистый ломаетъ дубъ маститый,
Такъ и меня сломилъ недугъ.
Всѣ радости земли внезапной тьмой покрыты
Во мнѣ, и все кругомъ опустошилось вдругъ.

Съ днемъ каждымъ жизни путь темнѣй и безнадежнѣй,
Порвались струны бытія:
Страдающая тѣнь, обломовъ жизни прежней,
Себя, живой мертвецъ, переживаю я.

Изъ жизни уцѣлѣть могли одни мученья,
Ихъ острый ядъ къ груди приросъ.
И спрашиваю я: гдѣ жь благодѣнья?
И нѣтъ отвѣта мнѣ на скорбный мой вопросъ.

DCCLXX.

ЗАМѢТКИ.

1.

ПО СОВРЕМЕННОМУ ЗООЛОГИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ.

Орангъ-утангъ ли нашъ Адамъ?
Отъ обезьянъ идемъ ли мы?
Такой вопросъ рѣшать не намъ:
Рѣшать ученые умы.

Въ наукѣ неучъ и профанъ,
Спрошу: не больше ль правды въ томъ,
Что вовсе не отъ обезьянъ,
А въ обезьяны мы идемъ?

Ученье новое для насъ не безъ изъяна:
Я самъ смущаюсь имъ, какъ ни упрямъ мой нравъ.
Посмотришь на нныхъ, и скажешь; Дарвинъ правъ;
Праматерь ихъ и впрямъ должна быть обезьяна!

2.

СЛОВО ШАМФОРА.

Мы можемъ комива съ побѣдою поздравить:
 Вся публика въ восторгѣ отъ него.
 „А сколько дураковъ потребно для того,
 Чтобъ публику составить?“

3.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ ПРИОБРѢТЕНІЙ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Есть слово модное и всѣмъ на вкусъ пришло:
 Всѣ игнорировать пустились вкривь и вкось.
 — „Такого слова нѣтъ у Пушкина“.— Таакъ что же?
 Для насъ ужь Пушкинъ старъ, давай намъ помоложе.
 Жуковскій, Батюшковъ все это старина,
 Все школа старая временъ Карамзина.
 Мы игнорируемъ дѣла ихъ, вниги и заслуги,
 Ученья новаго повлонники и слуги,
 Мы пишемъ на обумъ и чаще безъ ума;
 Учиться некогда учителямъ печати:
 Врожденныхъ силъ своихъ напрасно не губя,
 Мы призваны другихъ учить, а не себя.
 Безъ лишняго труда ждетъ генія побѣда,
 А всѣ мы геніи отъ а до зеда.
 Когда же какъ-нибудь нѣтъ мысли на лицо,
 Пускаемъ въ оборотъ мы новое слово,
 Мы любимъ щеголять словъ чужеземныхъ кражей,
 Хоть языкамъ чужимъ и плохо учены.
 „Богъ въ помощь, господа! Прогресса вы сыны!
 „Лингвистики у васъ нѣтъ въ авторской поклажѣ,
 „Но игнористивой вы щедро снабжены:
 „Вы игнорируете даже,
 „Какъ вы въ концѣ концовъ и жалки, и смѣшны!“

4.

ЗАГАДКА.

Есть на землѣ чета родная,
 Двойчатки, но въ нихъ сходства нѣтъ:
 Одна — красавица, другая —
 Уродъ курносый и скелеть.

Весь міръ имъ данъ на прокормленье.
 Одна пируетъ, но въ распахъ
 Придетъ сестра — и все въ мгновенье
 Проглотитъ до послѣднихъ крохъ.

5.

Мудрецъ или лѣнтяй, иль просто добрый малый,
 Но книгу жизни онъ съ вниманьемъ не читалъ,
 Хоть долго при себѣ ее онъ продержалъ.
 Онъ перелистывалъ ее рукою вялой,
 Онъ мимо пропускалъ мудренныя главы,
 Головоломныя для слабой головы:
 Онъ равнодушенъ былъ въ ея загадкамъ темнымъ,
 Которыя она не встати иль подъ стать,
 Какъ сфинксъ, передаетъ читателямъ несвромнымъ,
 Узнать желающимъ, чего не можно знать;
 Не подведешь въ итогъ гадательныхъ ихъ чиселъ;
 Пытливаго ума не чувствовалъ тоски:
 Нѣтъ, этотъ виноградъ ему всегда былъ кисельъ,
 Онъ не протягивалъ къ нему своей руки.
 Простая жизнь его простую былъ вмѣщаетъ:
 Тянулъ онъ данную природой канительъ,
 Жилъ, не заботившись провѣдать жизни цѣльъ,
 И умеръ, не узнавъ, зачѣмъ онъ умираетъ.

6.

Лукавый рокъ его обчель:
Родился рано онъ и поздно,
Жизнь одиночную прошелъ
Онъ съ современной жизнью розно.

Въ немъ стараго добра былъ владъ,
Родникъ и будущихъ стремлений;
За то и былъ онъ виноватъ
У двухъ враждебныхъ поколѣній.

„Воздвигъ я памятникъ себѣ!“
Не могъ сказать онъ умирая:
Онъ много выстрадалъ въ борьбѣ,
Но та борьба была глухая.

Къ такой борьбѣ вниманья нѣтъ:
Кто въ глубь души борцу заглянетъ?
Не перекрестится и свѣтъ,
Пока успѣха громъ не грянетъ.

1875 г.

DCCLXXI.

Пробудится ль мой слухъ напѣвами Травьяты,
Въ которыхъ скорбь любви и жалобы утраты
Изъ глубины души рыданьями звучать,
Во мнѣ отъливнуться и вторить имъ спѣшать
Мои сочувствія, мечты, воспоминанья.
Какъ будто въ чудномъ снѣ ихъ силой обаянья
Заблещетъ предо мной въ сіяньи яркомъ дня
Картина, нѣкогда плѣнявшая меня.
Въ дремотѣ чувствъ моихъ есть и тоска, и нѣга,
Въ заглохшей памяти, какъ будто изъ-подъ снѣга,
Цвѣты забытые выглядываютъ вновь,
Цвѣты минувшихъ дней, и прелесть, и любовь.
Вотъ берегъ, залитый небесъ и солнца блескомъ,
Вотъ море синее, своимъ прибрежнымъ плескомъ
И тихимъ говоромъ, иль грохотомъ волны,
Пѣснь. заунывную изъ темной глубины
Поющее въ своей пустынѣ одиночной;
И утренней зарей, и въ сумракъ полуночной
Здѣсь воздухъ льется въ грудь медовою струей.
Все дышетъ нѣгою, все блещетъ красотой.
Край чудный, край тепла, роскошнаго приволья!
Здѣсь пальма стройная и свѣжая магноля,
Луга пропитаны благоуханьемъ розъ.
Разсадникъ маслинъ здѣсь и виноградныхъ лозъ,
Здѣсь померанцевыхъ деревьевъ лѣсъ душистый,

Серебряный цвѣтовъ и плодъ ихъ золотистый
 Изъ зелени густой заманчиво глядятъ;
 Какъ разноцвѣтенъ здѣсь и пышенъ дня закатъ.
 Вотъ вечеръ. Всѣ въ театръ на празднество искусства:
 Слились въ одинъ потокъ и мысли, и всѣ чувства.
 На югѣ музыка потреба изъ потребъ,
 На югѣ опера душѣ насущный хлѣбъ.
 Съ начала царствуетъ безмолвное вниманье,
 Вдругъ вздрогнетъ вся толпа, какъ моря колыханье,
 Восторгу нѣтъ границъ: восторга южный пылъ,
 Рукоплесканій взрывъ всю залу огласилъ,
 Восторгамъ, вызовамъ и кликамъ нѣтъ границъ!
 И Верди торжество, и торжество пѣвицъ!

Мнѣ чудится, бытѣемъ обратнымъ я живу,
 Видѣнья прошлыхъ дней мнѣ снятся на яву;
 И сердцу тяжело, но сладостиѣе вдвое
 Въ затишьи памяти переживать былое
 И видѣть въ зѣрвальной прозрачности ея
 И тѣни прошлаго, и самого себя.
 Еще звучитъ во мнѣ молодой пѣвицы пѣнье;
 Она передо мной: болѣзненность, томленье,
 И все, что выстрадать душа ея могла,
 Когда весна любви такъ скоро отцвѣла,
 Все видится на ней въ слезахъ ея и мукахъ,
 И все въ ней слышится въ ея предсмертныхъ звукахъ;
 Какъ много страсти въ нихъ и пережитыхъ грезъ,
 Утраты, тяжкихъ жертвъ и потаенныхъ слезъ.
 Погибшей юности всю повѣсть и всю участь
 . . . . .
 Разбитой юности, какъ бурная волна,
 Когда въ крутой утесъ ударится она.
 Напрасно, въ часъ борьбы послѣдней, предъ порогомъ
 Могилы, счастье вновь знакомыхъ благъ залогомъ
 Довѣрчивой душѣ блеснуло впереди:
 Пѣснь счастья замерла въ надломленной груди;

Какъ порванной струны трепещетъ стонъ печальный,
Какъ пѣсня лебедя, завѣтъ его прощальный,
Такъ чувству одному обрекшая себя
Въ созвучьи и любви угасла жизнь ея.

ДОСЛХХІІ.

Какъ сердце, такъ и вашъ мизинчикъ
Не говорятъ вамъ обо мнѣ,
И кажется, вашъ старый принчикъ
У васъ остался въ сторонѣ.

Два мѣсяца онъ, горемычной,
Хворалъ и взаперти сидѣлъ,
И во все время неприлично
Сморкался, кашлялъ и сопѣлъ.

Его унылое сопѣнье
Понять въ васъ сердце не могло:
Меня вы погребли въ забвенье,
И все травкою поросло.

Отъ сердца женскаго догадки
Напрасно было бѣ старцу ждать,
Подъ старость всѣ надежды шатки,
Подъ старость грустно и желать.

Желанья ваши на просторѣ:
Что вздумаютъ—и будетъ вдругъ;
Мы помнимъ, да и то намъ горе,
А вамъ и помнить недосугъ.

Вамъ — жизни прелесть и веселья,
Приволье, солнце и цвѣты;
Намъ, старивамъ, какъ бы съ похмѣлья,
Постыло все до тошноты.

DCCLXXIII

КРАСИВЫЙ ЭМСЪ.

Красивый Эмсъ съ цѣлебными водами
И зеленью обвитыми скалами,
    Какъ свѣжимъ бархатнымъ ковромъ,
И съ тихою, извиистою Ланой,
Струящейся лѣниво подъ охраной
    Горъ, оцѣпившихся кругомъ!

Красивый Эмсъ съ ущельями, садами!
Развалины разбросаны вѣвами
    По крутизнамъ твоихъ вершинъ:
Здѣсь носятся минувшаго преданья,
И здѣсь молвой собираются сказанья
    Для свѣтлыхъ будущихъ былинъ.

Къ тебѣ во дни живительнаго мая
Прекрасный Гость изъ сѣвернаго края
    Пришелъ силъ новыхъ почерпнуть:
На немъ лежить судебъ народныхъ бремя,
И онъ въ твое приволье, хотъ на время,
    Пришелъ отъ царства отдохнуть.

Величіе и власть ему не нужны,
Ни высшій санъ, ни блескъ его наружный,
    Ни ратныхъ силъ могучій строй:
Ему легко господствовать надъ свѣтомъ
И вротостью, и ласковымъ привѣтомъ,
    И сердца теплою добротой.

Изъ всѣхъ даровъ, присвоенныхъ Державѣ,
Изъ всѣхъ путей, ведущихъ въ громкой славѣ,
    Онъ избралъ лучшее въ удѣлѣ:
Закону даль быть подданнымъ покровомъ,
Вражду страстей онъ безкорыстнымъ словомъ
    . И умирилъ, и одолѣлъ!

Красивый Эмсъ, любимый небесами,
Гдѣ здѣсь и тамъ мелькаютъ предъ глазами
    Картины чудной красоты!
Цѣлебныхъ благъ придай его здоровью,
И съ нѣжною, признательной любовью
    Помянуть нами будешь ты!

DCCLXXIV.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

Стою съ глубокимъ умилениемъ,
Съ поникнувшимъ отъ думъ челою
Предъ поэтическимъ видѣньемъ,
Предъ историческимъ лицомъ.

И развернулась предо мною
Въ суровой истинѣ своей
Съ своей поэзіей живою
Легенда современныхъ дней.

Вчера и слава, и сіянье,
Успѣховъ шумъ и блескъ двора;
Сегодня въ грустное преданье
Сошло прекрасное вчера.

Онъ, знавшій славу, власть и силу,
Міръ переполнившій молвой,
Въ чужой землѣ нашелъ могилу,
Отверженный своей землей.

Волна подъ бурю народной
Взнесла его на пышный тронъ:

Волной другою, съ первой сходной,
 Съ престола былъ низринуть онъ.

Онъ царствамъ далъ судьбу иную,
 Европы карту измѣнилъ
 И, вызвавъ бурю боевую,
 Подъ бурей палъ и опочилъ!

Онъ свыше имя роковое
 Въ наслѣдство славное пріялъ:
 Въ немъ зрѣлъ онъ знаменье святое
 И славолюбиемъ воспылалъ.

Звѣзда его отъ колыбели
 Ему свѣтилась впереди,
 И голосъ, увлекаая въ цѣли,
 Твердилъ ему: Иди, иди!

И онъ дошелъ. Но кто постигнетъ,
 О Промыслъ, тайнства твои?
 Счастливецъ зданіе воздвигнетъ
 На нескончаемые дни, —

И вспыхнетъ вдругъ подземный пламень,
 Вдругъ грозно почву потрясетъ,
 Не устоитъ на камнѣ камень,
 И зодчій съ зданьемъ въ прахъ падетъ.

Разить ли жертву намъ упрекомъ?
 Нѣтъ, пожалѣемъ мы о ней,
 Смиряясь молча предъ урокомъ
 Властителя земныхъ властей.

II.

Природой призванная къ счастью,
 Уже царица красотой,
 Она и царственною властью
 Была увѣнчана судьбой.

Ей поклонялися народы,
Цари сочувствовали ей,
И торжествомъ и счастьемъ годы
Ей дань платили все щедрѣй.

Ей все цвѣло и улыбалось
Въ пылу кадилъницъ и похвалъ;
И солнце въ ней свѣтлѣй ласкалось,
И путь съ днемъ каждымъ расцвѣталъ.

Гдѣ жъ лавръ, а съ нимъ и плющъ красивый,
Которымъ нѣжно былъ обвить?
Сразили ихъ грозы порывы,
И кто предъ ними устоитъ?

Все рушилось, промчалось мимо!
И мы предъ новою главой
Изъ книги, писанной незримо
Судебъ таинственныхъ рукой.

Вдова супруга и престола,
Мать и державный сирота!
На нихъ набросилась крамола:
Забыли лживыя уста

И святость блятвъ своихъ, и блики
На вызовъ царскій, чтобы вновь
Запечатлѣли власть владыки,
Народный выборъ и любовь.

Нѣтъ, не надежна память черни,
Къ измѣнамъ ей не привыкать.
Вѣнецъ царя былъ не безъ терпій:
Въ изгнаньи сынъ, въ изгнаньи мать!

Но санъ случайный оправдала
Она сердечной добротой

И часто слезы осушала,
Своей внимательной рукой.

Среди соблазновъ обаянья,
Въ мечтахъ чарующаго сна
Въ ней благи и состраданья
Звучала чуткая струна.

Подъ блескомъ высшаго удѣла,
Съ вѣдомъ на молодомъ челѣ,
Она душой уразумѣла,
Что есть и скорби на землѣ.

И въ шумѣ жизни были вняты
Ей скорби плачь и нищеты,
И лучъ отрадно-благодатный
Сходилъ въ нимъ тайно съ высоты.

О, какъ непрочны, хоть и льстивы,
Житейскихъ радостей цвѣты!
Ихъ время косить съ нашей нивы
Въ порѣ ихъ лучшей красоты.

Но не страшится увяданья
Добро, души завѣтный цвѣтъ,
Онъ по себѣ благоуханья
Намъ оставляетъ долгій слѣдъ.

Нѣтъ, у царицы въ день крушенья
Не все похитила гроза:
Есть душъ утѣшенныхъ моленья,
Есть благодарности слеза.

И прелесть женская, которой
Отнять не могутъ никогда
Ни гнѣвный ровъ невзгодой сворой,
Ни своевольная вражда,

Еще полна въ ней самовластья:
И если нѣтъ отъ прежнихъ дней
Льстецовъ величества и счастья,
Поклонники еще при ней.

И тѣмъ милѣй для нихъ царица,
Что въ ней досады не видать,
Что плечъ прекрасныхъ багряница
Уже не можетъ осѣнять.

Своею ясностью сповойной,
Кого она не убѣдитъ;
Что почести была достойной,
Что выше почести стоять.

Быть можетъ, облакомъ кручина
Подчасъ ложится ей на грудь,
Когда она глядитъ на сына
И на его невѣрный путь.

Свое минувшее отнынѣ
Вдова, поворная судьбѣ,
Хранить во внутренней святинѣ
Безропотно въ самой себѣ.

Вѣкъ чудный, вѣкъ волшебный прѣжить!
Всѣхъ благъ земныхъ ей сонъ знакомъ,
Но въ будущемъ ее тревожить
Забота нѣжная о немъ,

Что Промыслъ сыну предназначить?
Священна матери любовь!
Она и молится, и плачетъ,
И въ сынѣ оживаетъ вновь.

И я съ глубокимъ умиленьемъ
Стою въ раздуміи своемъ
Предъ историческимъ видѣньемъ,
Предъ поэтическимъ лицомъ!

DCCLXXV.

Спрошу: зачѣмъ землетрясенье,
Зачѣмъ холера и чума,
Зачѣмъ тревоги и мученья
Души, и тѣла, и ума?

На свѣтѣ есть одно здоровье,
А всѣхъ болѣзней не сочтешь;
Дается радость подѣ условье,
Что ты ее переживешь.

Но скорбь такое достоянье,
Что можешь съ нимъ весь вѣкъ провесть.
Нѣтъ, жизнь не даръ, а наказанье.
Вопросъ: За что? Отвѣтъ: Богъ вѣсть!

Природа мать щедра любовью
На все, что ни къ чему нейдетъ,
И зломъ засѣянная нива
Роскошной жатвою цвѣтетъ.

Все, что не нужно, все, что вредно,
Вездѣ въ обилии большомъ;
Добро жь такъ рѣдко и такъ бѣдно,
Что добывается съ трудомъ.

DCCLXXVI.

ЗАМѢТКИ, РАКЕТКИ, СИЛУЭТКИ.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

1.

Разнесся слухъ про новую потерю:
Изъ сплетниковъ еще нѣтъ одного.
Что умеръ онъ, я тѣмъ охотнѣй вѣрю,
Что эту вѣсть узналъ не отъ него.

2.

Быть можетъ, вытерпѣлъ нашъ авторъ много хлѣпотъ,
За то всеобщее возмездіе стяжалъ:
Трагедіямъ своимъ единогласный хохоть.
Когда жъ онъ промѣнять винжалъ
На кисть фонъ-Визина почувствовалъ охоту,
Стяжалъ комедіямъ во весь театръ зѣвоту.

3.

Игрокъ задорный, рокъ пасмѣшливый и злобный
Жизнь и самихъ людей подводитъ подъ сюркупъ;
Способный человѣкъ бываетъ часто глупъ,
А люди умные какъ часто неспособны!

Post-scriptum.

Вотъ, напримѣръ, хотя бы грѣшный я:
Судьбой дилетантизмъ во многомъ мнѣ дарованъ,
Моя по всѣмъ морямъ носилась ладія,
Но берегъ ни одинъ мной не былъ завоеванъ,
И въ мірѣ проскользить безслѣдно жизнь моя.
Потомству дальнему народныя скрижали
Объ имени моемъ ничѣмъ не возвѣстятъ;
На дни безплодные смотрю я безъ печали,
И что не славенъ я, въ своемъ смиреньи радъ.
Нѣтъ, слава лестная, но часто злое бремя,
Для слабыхъ мышцъ моихъ та ноша тяжела..
Что время принесетъ, пусть и уноситъ время:
И человѣкъ есть персть, и персть его дѣла.
Я все испробовалъ отъ альфы до іоты,
Но беззаботная и праздная пчела,
Спускаясь на цвѣты, не собиралъ я соты,
А медъ ихъ выпивалъ и въ улей не вносилъ.
„День мой—вѣкъ мой“ всегда моимъ девизомъ былъ,
Но все же, можетъ быть, рожденъ я не напрасно:
Въ семьѣ людей не всѣмъ, быть можетъ, я чужой,
И хоть одна душа отъливнулася согласно
На улетающій минутный голосъ мой.

DCCLXXVII.

На взяточниковъ громъ все съ каждымъ днемъ сильнѣй
Теперь гремитъ со всѣхъ журнальныхъ батарей.
Прекрасно! По дѣломъ! Къ чему спускать пороку?
Хотя и то сказать: въ сихъ запахахъ мало проку,
И какъ ни жарь его картечью общихъ мѣстъ,
Коть-васька слушаетъ да преспойно ѣстъ.
Фонъ-Визина слыхалъ, слыхалъ онъ и Капниста,
И мало ли кого? Но шиванья и свиста
Ихъ волкихъ эпиграммъ не убоился котъ,
Все также жиренъ онъ и хорошо живетъ.
Конечно, въ деньгамъ страсть есть признакъ ненавистный,
Но сами, господа, вы вовсе ль безкорыстны?
Не гнетесь ли и вы предъ золотымъ тельцомъ?
И чисты ль вы рукой, торгующей перомъ?
Кто спорить! Взятчикъ есть человѣкъ презрѣнный,
Но сребролюбія недугомъ омраченный
Писатель во сто разъ презрѣннѣй существо.
Даръ слова—Божій даръ, онъ въ торгъ пустилъ его.
Свой благородный гнѣвъъ, и скорбь, и желчь, и слезы,
Все цѣнить опъ, торгашъ, по таксѣ рямъ и прозы.
Сей изрекаемый надъ грѣшниками судъ,
Сей проповѣдникъ нашъ, сей избранный сосудъ,
Который такъ скорбитъ о каждой нашей язвѣ,
Никакъ онъ не прольетъ цѣлебной капли,—развѣ
За деньги чистыя, чтобы купить на нихъ
Чѣмъ утолить задоръ всѣхъ алчностей своихъ.

ДОСЛХХVIII.

ПАМЯТИ М. И. ПОГОДИНА.

Еще нѣтъ одного изъ спутниковъ, когда-то
Отправившихся въ жизнь на подвигъ и на трудъ;
Паломники свою хоругвь держали свято,
И каждый бодро несъ завѣтный свой сосудъ.

Кругомъ земля цвѣла и на небѣ свѣтло:
День майскій разсвѣталъ въ прозрачной синевѣ,
И каждый шелъ впередъ восторженно и смѣло
Съ надеждою въ груди и думой въ головѣ.

Въ дали таинственной, въ краю обѣтованномъ
У каждаго была мечта и цѣль своя,
Но породнила всѣхъ въ служеньи постоянномъ
Единодушная и дружная семья.

Не знали зависти, однимъ соревнованьемъ
Горѣли доблестно свободныя сердца:
И каждаго успѣхъ былъ общимъ достояньемъ,
И братьевъ озарялъ блескъ братскаго вѣнца.

Въ дни трудные они другъ друга выручали,
Вносили въ свой союзъ всѣ помыслы свои:

Кто старше былъ, тому довѣрчиво внимали,
А младшихъ старшіе съ любовью берегли.

Все было въ той порѣ заманчиво и ново:
Духъ свѣжій обхватилъ сподвижниковъ молодыхъ.
Въ народѣ отзывъ былъ на каждое ихъ слово,
Заслушивался онъ рѣчей и пѣсней ихъ.

Прекрасенъ былъ тотъ день, и путь тотъ былъ прекрасенъ.
Струей обильной жизнь лилась въ младую грудь;
Казалось, до конца день этотъ будетъ ясенъ,
Казалось, до конца надеженъ будетъ путь.

И гдѣ жь сей свѣтлый день надеждами богатый?
Затмился онъ въ тѣни ненастныхъ облаковъ,
И этотъ свѣтлый путь усѣяли утраты,
И многихъ не слышать знакомыхъ голосовъ.

Такъ пали многіе, не доходя до цѣли,
Не довершивъ труда, который созрѣвалъ;
И грустно старшіе подъ бурей уцѣлѣли,
Когда жестокой вихрь за вѣтвью вѣтвь срывалъ.

И онъ, жрецъ-труженикъ науки, посвятившій
Ей плодотворные и многіе года,
Цыль бодрой юности до старости хранившій,
Палъ доблестнымъ бойцомъ на поприщѣ труда.

На голосъ родины всѣ чувства въ немъ звучали,
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ, и въ живыхъ;
Съ любовью провѣрялъ народныя скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь въ нихъ.

На старца падали кощунства молодежи,
Самопадѣльной въ тщеславіи своемъ,
Но онъ не унывалъ и, вѣря въ Промыслъ Божій,
Шелъ твердо, съ юныхъ лѣтъ предъизбраннымъ путемъ.

Онъ былъ изъ тѣхъ временъ и твердъ былъ тѣмъ заваломъ,
Что бранью пошлою встревоженъ быть не могъ:
Судъ равныхъ былъ ему судомъ передъ зеркаломъ,
Но наглыхъ лжесудей онъ вопли пренебрегъ.

Въ вопросахъ дня, въ шуму житейскихъ тревоженій
Горячимъ былъ и онъ участникомъ въ борьбѣ,
Но не заискивалъ чужихъ страстей и мнѣній:
Онъ ошибаться могъ, но вѣренъ былъ себѣ.

Онъ современникъ былъ плеяды лучезарной,
Созвѣздя свѣтлаго онъ самъ звѣздою былъ.
Почтимъ же памятью глубоко-благодарной
Почившаго въ семьѣ родныхъ ему могилъ.

1876 г.

DCCLXXIX.

ГРАФИНЪ ТОЛЬ.

Во имя Фауста и Гретхенъ, въ память Гёте,—
О Мефистофелѣ грѣшно и поминать—
Я снова встрѣтилъ васъ: а жизнь въ своемъ полетѣ
Успѣла много дней и радостей умчать.

Но я состарѣлся, а вы похорошѣли,
Одѣлась ваша жизнь и цвѣтомъ, и плодомъ,
И чувства свѣжія вы уберечь умѣли
Съ нажитымъ опытомъ и зрѣющимъ умомъ.

Въ краю поэзи, гдѣ процвѣталъ когда-то
Зеленый лавръ и миртъ великаго пѣвца,
Мы съ вами справили по немъ поминки свято,
И въ насъ на пѣснь его откликнулись сердца.

Картиной вымысловъ мы любовались съ вами.
Въ нашъ позитивный вѣкъ мечтаній жаждетъ грудь,
И убаюканнымъ преданьями и снами
Въ тѣни минувшаго намъ сладко отдохнуть.

Я радъ, что встрѣтилъ васъ, хотя подъ чуждымъ кровомъ,
Что въ дальней сторонѣ сошлись мы, земляки,

Что обмѣнялись мы роднымъ, сердечнымъ словомъ
И молча дружескимъ пожатіемъ руки.

Примите мой привѣтъ, а, можетъ быть—прощанье,
Но близокъ-ли, иль нѣтъ, таинственный мой срокъ,
О свѣтломъ Веймарѣ, о васъ воспоминанье
Внесется мной, какъ перль, въ сердечный мой вѣнокъ.

DCCLXXX.

ИЗЪ СОБРАНІЯ СТИХОТВОРЕНІЙ: ХАНДРА СЪ ПРО-
БЛЕСКАМИ.

1.

Я ночью пью хлоралъ запоемъ,
Привыкшій въ яду Митридатъ,
Чтобъ усладить себя покоемъ
И сномъ, хотъ взятымъ на проватъ.

Мнѣ въ тягость жизнь, хочу забыться,
Хочу не знать, что я живу,
Хочу отъ жизни отрѣшиться
И отъ всего, что на яву.

Ничтожества сонъ непробудный,
Затишье по тревожномъ днѣ,
Возмездьемъ будь за подвигъ трудный,
За жизнь, столь тягостную мнѣ.

2.

И жизнь, и жизни всѣ явленья
Мнѣ чудятся какъ въ смутномъ снѣ,
Болѣзненно всѣ впечатлѣнья
Перерождаются во мнѣ.

Свучаю прежнимъ я весельемъ,
 Сержусь на то, что я любилъ:
 Недугъ вакимъ-то горькимъ зельемъ
 Мои всѣ чувства отравилъ.

Во мнѣ идетъ съ ожесточеньемъ
 Борьба враждебныхъ двухъ началъ:
 Умъ не скудѣетъ размышленьемъ,
 Но воли нѣтъ, но духъ упалъ.

Разумнымъ и пытливымъ взоромъ
 Я на борьбу свою гляжу,
 И самъ, какъ вчужѣ, я дозоромъ
 За нею пристально слѣжу.

Себя сознательнымъ упрекомъ
 Я осужденю предаю,
 Но судъ не дѣйствуетъ урокомъ
 На немощь и тоску мою.

Въ моемъ сознаньи проку мало,
 Въ немъ добрыхъ силъ не почерпнуть;
 Оно лишь новое мнѣ жало
 И такъ въ уязвленную грудь.

Своихъ страданій рабъ послушный,
 Не спорю съ ними, не борюсь:
 Нѣтъ, я, какъ воинъ малодушный,
 Безъ боя въ плѣнъ имъ отдаюсь.

3.

Чувствъ одичалыхъ и суровыхъ
 Гнѣздилище душа моя:
 Я ненавижу всѣхъ* здоровыхъ,
 Счастливецъ ненавижу я.

Въ нихъ узнаю свои утраты,
И мнѣ сдается, что они —
Мои лихіе супостаты
И разорители мои,

Что подь враждебнымъ мнѣ условьемъ,
Съ лицомъ насмѣшливымъ и злымъ,
Они живутъ моимъ здоровьемъ
И счастьемъ, нѣкогда моимъ.

4.

Меня за книгу засадили,
Съ трудомъ читается она:
Въ ней смѣсь и вымысловъ, и были,
Плохъ вымыселъ и былъ скучна.

Кавъ много въ книгѣ опечатокъ,
Кавъ много непопятныхъ мѣстъ!
Силъ и охоты недостатковъ
Читать ее въ одинъ присѣсть.

Предъ догорающей лампадой
И въ ожиданьи темноты
Читаю съ грустью и досадой
Ея послѣдніе листы.

Все это опытъ, увѣряютъ,
Терпѣнье надобно имѣть,
И въ ободренье обѣщаютъ,
Что будетъ продолженье впредь.

Благодарю! Съ меня довольно!
Тавъ надоѣлъ мнѣ первый томъ,
Что мнѣ впередъ и думать больно,
Что вновь засяду на второмъ.

5.

Я—прозябаемаго царства:
 Мнѣ нужны воздухъ, солнце, тѣнь,
 На жизнь и всѣ ея мытарства
 Работать мнѣ тоска и лѣнь.

Въ юдоли сей трудовъ и плача
 Заботы, жертвы и борьба —
 Головоломная задача,
 А голова моя слаба.

Свяжу со скорбью и упрекомъ:
 Не приспособленъ я въ борьбѣ,
 И сотворенъ я человекомъ
 На зло природѣ и себѣ.

Нѣтъ, я—растительнаго царства,
 Питаюсь теплымъ блесвомъ дня,
 А жизнь и всѣ ея мытарства,
 Непроходимы для меня.

6.

Жизнь коротка, но въ ней не все же своротечно:
 Намъ измѣняютъ дни, но память намъ вѣрна,
 И въ темномъ небѣ нашемъ путь свой млечной
 Звѣздами золотить она.

Одинъ цвѣтокъ растетъ на рубежѣ могилы —
 Воспоминаніе: онъ старости цвѣтокъ,
 Благоухающій и неизмѣнно милый,
 Вилетаться любить онъ въ пашь старческій вѣновъ.

Воспоминаніе — чарующій напитокъ;
 И посреди опорожненныхъ чашъ,

Отъ пиршествъ молодыхъ оставшійся избытокъ,
Струей отрадной вновь онъ лется въ кубокъ нашъ.

Да здравствуетъ минувшее! Вотъ наша
Пѣснь лебединая, прощальное ура!
Счастливы юноши! Надѣйтесь: завтра—ваше,
А наша собственность—вчера.

И неотъемлема она, пова мы живы;
И съ жатвой въ будущемъ мы вамъ передаемъ
И нами вспаханныя нивы,
И память, и преданье о быломъ.

7.

Цвѣтокъ.

Зачѣмъ не увядаемъ мы,
Когда часъ смерти паступаетъ,
Какъ съ приближеніемъ зимы
Цвѣтокъ сповойно умираетъ?

Къ нему природы благъ законъ,
Ему природа мать родная:
Еще благоухаетъ онъ,
Еще красивъ и увядая.

Его изсохшіе листки
Еще хранятъ свой запахъ нѣжной,
Онъ даръ намъ памятной руки
Въ день слезъ разлуки безнадежной.

Его мы свято бережемъ
Въ завѣтной книгѣ думъ сердечныхъ,
Какъ вѣсть, какъ пѣсню о быломъ
О дняхъ тавъ грустно-своротечныхъ.

Для насъ онъ памятникъ живой,
Хотя онъ жизнью ужь не дышетъ,
Не вспрыснуть утренней росой
И въ полночь соловья не слышитъ.

Какъ съ другомъ, съ нимъ мы говоримъ
О прошломъ намъ родномъ и общемъ,
И молча вмѣстѣ съ нимъ грустимъ
О счастьѣ, ужь давно усопшемъ.

Цвѣтку не тяжевъ смертный часъ:
Сегодня насъ онъ блескомъ манитъ,
А завтра намъ въ послѣдній разъ
Онъ улыбнется и увянетъ.

А насъ и корчить, и томить
Болѣзнь предъ роковой могилой,
Намъ дивимъ пугаломъ грозить
Успенья гевій бѣловрылой.

Мертваций холодъ въ грудь проникъ,
Жизнь одичала въ мутномъ взорѣ,
Обезображенъ свѣтлый ликъ
Друзьямъ и ближнимъ въ страхъ и горе.

А тамъ насъ въ тѣсный гробъ владутъ,
Опустятъ въ мраки подземелья
И сытной пищей предадутъ
Червямъ на праздникъ новоселья.

Въ предсмертныхъ мукахъ и въ борьбѣ
Неумолимой, беспощадной,
Кавъ позавидую тебѣ,
Цвѣтокъ мой ненаглядной!

Будь ласковой рукой хранимъ,
Загробнымъ будь моимъ преданьемъ,
И въ память мнѣ друзьямъ моимъ
Еще повѣй благоуханьемъ.

8.

„Что выѣхалъ въ Ростовъ“.

И. Дмитриевъ.

„Такой-то умеръ“ — что жь? Онъ жилъ да былъ и умеръ.
 Да, умеръ! Вотъ и все. Всѣмъ жребій намъ таковъ.
 Изъ книги бытія одинъ былъ вырванъ нумеръ,
 И въ книгу внесено, что „выѣхалъ въ Ростовъ“.
 Мы всѣ попутчики въ Ростовъ. Одинъ поранѣ,
 Другой такъ подпозднѣй, но всѣмъ почлегъ одинъ,
 Есть подорожная у важдаго въ карманѣ,
 И похороны всѣмъ послѣдствіе крестинъ.
 А послѣ? Вотъ вопросъ. Какъ знать, зачѣмъ пришли мы,
 Зачѣмъ уходимъ мы? На всемъ лежитъ покровъ,
 И думаютъ себѣ земные пилигримы,
 А что-то скажетъ намъ загадочный „Ростовъ“?

9.

Вхожу съ надеждою и трепетомъ въ твой храмъ,
 Хочу я волю дать молитвѣ и слезамъ.
 О, да исправится молитва предъ Тобою,
 Какъ изъ вадильницы Тебѣ моей рувою
 Возженный чистый оиміамъ,
 Вечерней жертвы приношенье.
 Боецъ уязвленный, томлюсь я битвой дня:
 Въ Твое убѣжище, въ Твое упокоенье,
 Прими, о Господи, меня.

10.

Ужь падаютъ желтые листья
 И воздухъ прозрачный свѣжѣй,
 На землю спускается вечеръ
 Все раньше, съ днемъ каждымъ темнѣй.

Прощайте, прекраснаго лѣта
Цвѣтущіе ярвіе дни!
Какъ были они благодатны!
Какъ быстро промчались они!

Такъ съ жизнью прощается старость,
И молча, понивнувъ челомъ,
При вянущихъ мысляхъ и чувствахъ
Горюетъ о лѣтѣ своемъ.

Прощайте вы, радости жизни,
Надежды, желанья, мечты,
Вы, бодрья, свѣтлыя думы,
Вы, нивы житейской цвѣты!

И старецъ въ печальномъ раздумьѣ
Глядитъ на сходящую тѣнь,
На желтые, павшіе листья,
На близкій послѣдній свой день.

DCCLXXXI.

П Р И В Ы Ч К А.

Я въ жизни не люблю крутого перелома,
Тревожно не ищу все лучшаго добра,
Въ лѣнливой мудрости и на людяхъ, и дома
Хочу сегодня жить, какъ прожилъ я вчера.

За счастьемъ не гонюсь, когда бъ и вѣрилъ счастью:
Не по лѣтамъ моимъ о счастьѣ помышлять.
Когда придетъ пора осеннему ненастью,
Жаровъ и ярвихъ дней іюльскихъ можно ль ждать?

Все счастье мое—привычка и привычка;
Печально счастье моихъ печальныхъ дней:
Когда бы въ влѣтѣ былъ я запертая птичка,
Мнѣ было бъ тяжело не оставаться въ ней.

Привычка въ ласку мнѣ, и я ее лелѣю.
Другъ съ другомъ мы сжились, какъ съ матерью дитя,
И убаюванный кормилицей моею,
Подъ пѣсньъ обычную дремлю и нѣжусь я.

Подъ женскимъ образомъ съ привѣтливой улыбкой
Привычки сѣти насъ пріютнѣй въ плѣнъ берутъ.

Туть нѣтъ любви: любовь растеть на почвѣ зыбвой;
Привычка, цвѣтъ, и совѣ, и ворни въ глубь идутъ.

Но люди и судьба мнѣ не даютъ покоя:
Примвну ль въ чему-нибудь—они забьютъ въ набать.
Тревога! Все вверхъ дномъ! Бѣги на мѣсто боя,
И жизнь срываетъ съ плечъ обычный свой халатъ.

Жизнь сызнова начни: легко сказать, а трудно
Твань новую затвать, и также мудрено
Приняться вновь за цѣль, когда въ лампадѣ скудно,
Чуть пламя теплится, а на дворѣ темно.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА СО СЛОВЪ ФИГАРО.

У Эмля Жирардена
Былъ съ визитомъ Адлербергъ;
Хоть и тугъ онъ на движенья,
Зва его онъ не отвергъ.

Гостя ждетъ нетерпѣливо
Стряпчій всѣхъ журнальныхъ дѣлъ,
И въ Парижъ нашъ графчивъ живо
Изъ Ливадіи поспѣлъ.

И въ кафтанѣ онъ съ иглами,
Весь въ цвѣтахъ и весь въ шелкахъ,
Онъ въ парадной треуголкѣ,
И въ короткихъ оиъ штанахъ.

(Попрошу я фотографа
Выслать графскій медальонъ:
Любопытно видѣть графа,
Кавъ въ штанахъ затянуть онъ).

„Ваша ль подпись?“ вопрошаетъ
Растерявшись журналистъ,

И онъ графу представляетъ
Вздоромъ начиненный листъ.

Много ль преній, пересуда
Было тутъ? Молчить молва.
Но сдается мнѣ повуда,
Что мораль ихъ такова:

Жирарденъ попалъ въ витіи,
Публицистъ онъ и острякъ,
Но воспется ль до Россіи,
Вотъ и Жирарденъ — дуравъ.

DCCLXXXIII.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Бывало сырною недѣлей,
Во дни балетовъ и блиновъ,
Еще я нѣжусь на постели,
А ужь фельдъегерь тутъ готовъ.

Онъ благосклоннымъ царскимъ словомъ
На утренній спектакль зоветъ,
Гдѣ съ каждымъ днемъ въ волшебствѣ новомъ
Миръ баснословный возстаетъ.

Картина за картиной блещетъ,
И въ полдень, при лучахъ луны,
Фонтанъ зимой струями плещетъ
И вѣетъ нѣгою весны.

Несутся музы на напѣвы,
И вереницею живой
Порхаютъ молодая дѣвы,
Какъ свѣтлыхъ сновидѣній рой.

Движенья нѣжны ихъ и гибки,
Печать молчанья на устахъ...

Но есть поэзія улыбки,
Но есть поэзія въ ногахъ!

Все помню, старый грѣховодникъ,
Все радужно рябитъ въ глазахъ;
И какъ въ тюрьмѣ своей володникъ
Груститъ о прежнихъ вольныхъ дняхъ,

Тавъ и меня въ ночи безсонной
Беретъ отчаянье и злость,
Какъ вспомню, какъ во время оно
И я былъ масляничный гость.

Въ тоскѣ моей, въ пылу задоровъ,
Еще мнѣ въ уши отдаеть,
Какъ громогласно князь Суворовъ
Хохочетъ и въ ладоши бьетъ.

Предамся весь очарованью —
Искусство, роскошь, красота!
Мечтаешь, — тутъ же за мечтаньемъ
И воплощается мечта.

И вдругъ я забываться стану,
Ужъ дремлется во слѣдъ мечтамъ,
Не знаешь, вѣрить ли обману?
Не знаешь, вѣрить ли глазамъ?

DCCLXXXIV.

Всегда мы через край переполняемъ чашу;
Въ натурѣ нашей нѣтъ, чтобъ въ мѣру намъ хлебнуть.
Всегда запоемъ тѣшимъ нашу
Широкую жаждущую грудь.

Способны вызывать въ театрѣ мы Жюдику
Пятнадцать, двадцать, сорокъ разъ,
Пока ужь не совсѣмъ собьемся съ панталыку,
Или потухнетъ въ залѣ газъ.

Событья ль на другой театръ насъ переносятъ,
Все тотъ же въ насъ задоръ и тотъ же буйный врикъ.
„Что горячитесь вы?“ нечаянно ль насъ спросятъ, —
Мы путаться начнемъ и станемъ мы въ тупикъ.

Путемъ добра, путемъ ошибокъ
Бѣжимъ мы, голову и чувства очертя;
Мужать умѣемъ мы въ пылу житейскихъ сшибокъ,
Но осмотрительность нужна ли, мы—дита!

Мы часто для другихъ загадка,
За тѣмъ, что и себѣ загадка мы подъ часъ.
Нѣтъ въ нашихъ доблестяхъ провѣрви и порядка,
И въ нашихъ немощахъ сознанья нѣтъ у насъ.

Намъ, будто личнымъ намъ, особымъ провидѣньемъ
Къ таинственнымъ судьбамъ проложенъ темный слѣдъ.
Какъ часто промахъ нашъ бываетъ намъ спасеньемъ!
Какъ часто нашъ успѣхъ бываетъ намъ во вредъ!

Намъ чужды общіе законы и преданья,
Не отъ Адама мы ведемъ свой родъ и вѣкъ;
Днемъ раньше или днемъ позднѣе мірозданья
Былъ созданъ русскій человѣкъ.

DCCLXXXV.

ЗАМѢТКИ.

1.

Чего-то нѣтъ въ его натурѣ,
И это „нѣтъ“ одна изъ главныхъ въ немъ примѣтъ:
Нѣтъ жизни у него въ литературѣ,
Литературы въ жизни нѣтъ.

2.

„Скажи, какъ могъ попасть ты въ либералы?“
Да такъ пришлось, судьбы не побѣдить:
Нѣтъ ни гроша, къ тому жь и чинъ мой малый,
Такъ чѣмъ же мнѣ прикажете вы быть?

3.

Съ его ль душою свободою цѣну знать?
Вотъ онъ и шляется мишурнымъ либераломъ,
Бойся краснымъ быть, чтобъ не пугалась знать,
И пишетъ подъ тишкомъ статьи въ журналѣ аломъ.

4.

Съ одними бѣлъ онъ, то-есть, зеленъ,
Какъ форменный мундирный фракъ;

Съ другими также пустомеленъ,
Но красенъ, какъ вареный ракъ.

5.

Разпообразной острою
Не блещетъ русскій фельетонъ:
Онъ туповать, за то порою
Ужасно неприличенъ онъ.
Для мысли не найдешь поживы.
Въ его бездонной болтовнѣ,
А только подписи игривы,
И всё изъ азбуки онѣ.
Игреки, и всы тавъ и рвутся,
Толкуютъ, рядятъ, судятъ зря,
Тавъ пусть опи и наревутся —
Фельетонисты бумвара.

6.

Не говорю, что я пишу умно,
Не говорю: пишу по европейски,
Но говорю, что врешь ты все одно,
Но говорю, что пишешь по халдейски.

7.

Судьба насъ за носъ водить всёхъ,
То насъ лаская, то дурача;
Вотъ выпала и мнѣ на грѣхъ
Довольно трудная задача.
Верчусь въ неправильномъ кругу
И средоточья не имѣю:
Быть молодымъ ужъ не могу,
А старымъ быть я не умѣю.

8.

Ударомъ молніи растрескается камень,
А сердце старое, забывшее любовь,
Отъ вашихъ черныхъ глазъ—тавь всемогущъ ихъ пламень—
Забьется и тайкомъ задумается вновь.

1877 г.

DCCLXXXVI.

Въ воспоминаіяхъ ищу я вдохновенья,
Одною памятью живу я наизусть;
И радости мои не чужды сожалѣнья,
И мнѣ отрадою моя бываетъ грусть.

Жизнь мысли въ нынѣшнемъ, а сердца жизнь въ минувшемъ.
Средь битвы я одинъ изъ братьевъ уцѣлѣлъ:
Кругомъ умолкнулъ бой, и на полѣ уснувшимъ
Я занятъ набожно прибраньемъ братскихъ тѣлъ.

Хоть мертвые, но мнѣ они живые братья:
Ихъ жизнь во мнѣ, ихъ дней я пасмурный закатъ,
И ждутъ они, чтобъ въ ихъ загробныя объятья
Припалъ ихъ старый другъ, ихъ запоздавшій братъ.

DCCLXXXVII.

ПОМИНКИ.

Когда, въ часъ сумерекъ, перечислять мы станемъ
Друзей, ужь выбывшихъ изъ нашего кружка,
И имя мы одно, межъ прочими, помянемъ,
У всѣхъ, какъ на заказъ, сорвется съ языка:

„Такихъ людей, какъ онъ, уже не встрѣтишь болѣ!“
Онъ дня блестящаго прекрасный былъ закатъ,
Онъ былъ послѣдній цвѣтъ въ благоухавшемъ полѣ,
И съ нимъ погасъ его и блескъ, и аромат.

И нынѣ есть цвѣты: земля не оскудѣла;
Есть люди, коими гордиться можетъ свѣтъ,
Но какъ-то все не то: жизнь будто устарѣла,
Нѣтъ въ ней той свѣжести и простодушья нѣтъ.

Нашъ вѣкъ—спесивый вѣкъ: онъ смотритъ педагогомъ,
Указкой школьничковъ своихъ по пальцамъ бьетъ.
Онъ мало чувствуетъ, витѣйствуетъ о многомъ,
Онъ сочиняетъ жизнь, а жизнью не живетъ.

Нашъ другъ не славился ни громкою войною,
Ни мирнымъ торжествомъ зиждительныхъ трудовъ,

И вѣщая молва стоустной болтовнею
Не прокричитъ о немъ въ исторіи вѣвовъ.

Скромнѣй былъ путь его: онъ въ жизни шелъ проселкомъ.
Но сей проселокъ былъ и свѣтелъ, и красивъ;
И любовался онъ прогулкой тихомолкомъ,
И попросту былъ мудръ, и попросту счастливъ.

Любезный человѣкъ и человѣкъ любимый:
— Вся біографія его въ стихѣ одномъ —
Онъ сталъ незамѣнимъ, какъ былъ необходимый;
Какъ дорожили имъ, такъ сѣтуемъ о немъ.

Онъ старостою былъ, душой и зацѣваломъ
Бесѣдъ аттическихъ и дружескихъ трапезъ,
Съ Жуковскимъ чокался онъ пѣнистымъ бокаломъ,
И съ Пушкинымъ въ варманъ онъ за словомъ не лѣзъ.

Разсѣянностью насъ до смѣха онъ забавилъ:
Его промововъ всѣхъ былъ перечень великъ;
Намъ нравилось и то, что мило онъ картавилъ,
Что на бекреиь подчасъ надѣтъ на немъ парикъ.

Природа съ щедростью любимца надѣлила
И многихъ въ немъ даровъ посѣяла залогъ,
Но жизнь безпечная не всѣ ихъ въ ростъ пустила:
Иные онъ забылъ, другіе пренебрегъ.

Онъ не любилъ борьбы, не выносилъ онъ скуки;
Онъ жизни упростилъ затѣйливый вопросъ,
Онъ дилеттанте былъ искусства и науки,
И въ жизнь изящную дилеттантизмъ онъ внесъ.

До невозможности онъ былъ разнообразенъ,
Въ немъ съ зрѣлой осенью еще цвѣла весна,
Но многострунный міръ былъ общимъ строемъ связанъ,
И нота вѣрная во всемъ была слышна.

Всего прекраснаго поклонникъ иль сподвижникъ,
 Онъ въ книгѣ жизни всѣ перебиралъ листы:
 Былъ мистикъ, теософъ, пожалуй, черновнижникъ
 И нѣжный трубадуръ подъ властью врасоты.

Равно въ масонскую и въ оперную ложу
 Былъ вхожъ онъ: и вездѣ былъ дома, былъ онъ свой.
 Въ немъ старой Франціи могли признать вельможу,
 Онъ польскій былъ магнатъ и русскій коренной.

Закуривался онъ съ профессоромъ нѣмецкимъ,
 Съ нимъ заносился въ даль заоблачныхъ границъ.
 Для дѣтства могъ бы онъ у насъ быть новымъ Бецкимъ
 Иль быть директоромъ танцовщицъ и пѣвицъ.

Все было для него средою благодарной:
 Въ немъ отыскался бы и тонкій дипломатъ,
 Энциклопедіи ручной и популярной
 Онъ сокращенный былъ и щегольской форматъ.

Способный въ споръ вступать съ раввиномъ о талмудѣ,
 Съ Россіи, какъ знатокъ, Моцарта оцѣнить,
 Съ врачомъ про мозгъ спинной, про тифъ и о простудѣ,
 Какъ будто врачъ, онъ самъ могъ съ толкомъ говорить.

Былъ легкомысленъ онъ, былъ и сосредоточенъ,
 Съ побережья наблюдалъ житейскихъ волнъ игру;
 Легко забывчивый, былъ аккуратно точенъ
 Онъ въ часъ обѣденный и на призывъ къ добру.

Тутъ лѣни не было, раздумья и отсрочки.
 Былъ онъ и бодръ, и скоръ на добрыя дѣла,
 И въ ближнему любовь, безъ пышной оболочки,
 Души его святымъ совровищемъ была.

Всемирной ярмаркой и выставкой всесвѣтной
 Былъ кабинетъ его, открытый настежь всѣмъ:
 Кто приносилъ туда залогъ мечты завѣтной,
 Кто мысль, кто плодъ труда, кто приходилъ ни съ чѣмъ.

Авторъ, магнетизеръ, мыслитель величавой,
 Скриначь, и бувинистъ, и теноръ, и хирургъ,
 И всѣ искатели, которые за славой
 Да и за деньгами тѣснятся въ Петербургъ,

Всѣ проявлялись здѣсь на пробѣ и повлонѣ;
 Здѣсь былъ ихъ первый шагъ съ задаткомъ на усиѣхъ;
 Хозяинъ ласковый, въ домашнемъ Вавилонѣ
 Умѣлъ все выслушать и надоумить всѣхъ.

Онъ, свѣтскій человѣкъ во всемъ значеніи слова,
 Любилъ и тишину, и вѣгу сельскихъ дней:
 Заслушивался онъ, какъ шепчется дуброва,
 Заглядывался онъ на свѣжій блескъ полей.

Помѣщикъ, занятъ былъ онъ жатвой и цвѣтами,
 Здѣсь рощу онъ сажалъ, тамъ мостъ спѣшилъ навѣсть,
 Любилъ и въ дальній лѣсъ ходить онъ за грибами,
 Особенно жь любилъ ихъ подь сметаной съѣсть.

Онъ царедворецъ былъ, но въ причетѣ придворныхъ
 Умѣлъ быть самъ собой въ чести и впопыхахъ,
 Не расточалъ царямъ словъ приторно-притворныхъ,
 Онъ былъ Гораціемъ у Августа въ гостяхъ.

На жизненномъ пути, тернистомъ и невѣрномъ,
 Онъ мудрость съ радостью любезно сочеталъ,
 Онъ розы Пестума опрыскивалъ фалерномъ,
 Онъ былъ поэтъ, хотя стиховъ не сочинялъ.

П Р И П И С К А.

Вамъ, знавшимъ подлинникъ и, слѣдственно, любившимъ,
Вамъ слабый снимокъ мой мнѣ хочется поднести.
Люблю я вѣсть давать сердцамъ уже отжившимъ,
Какъ будто и отъ нихъ отвликнется мнѣ вѣсть..

Вы угадаете ль портретъ мой безымянной?
Иль я другой „Ефремъ, россійскихъ странъ маляръ“,
Который нѣкогда своей мазилкой странной
„Кузьму писать Лукой“ имѣлъ особый даръ ¹⁾.

Нѣтъ, не на кисть свою, не на свое искусство
Надѣюсь, а на Васъ, на Вашъ сердечный судъ,
На память чутвую, на смѣтливое чувство:
Къ загадочнымъ чертамъ они и ключъ найдутъ.

На милый прахъ владу и испарись, и розы,
Дань теплыхъ чувствъ моихъ, но осудѣвшихъ силъ,
И въ своенравный стихъ, съ улыбкою сквозь слезы,
Я внесь, что чувствую, что помню, что любилъ.

---

¹⁾ Эпиграмма Дмитриева.

DCCLXXXVIII.

ВЕСНА 1877 ГОДА.

(ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ ПЯШКОМЪ).

Опять все зелено, земля помолодѣла,
Тепломъ и нѣгою повѣялъ свѣтлый день,
Узорчатымъ вовромъ весна луга одѣла,
И такъ и чуется, что зацвѣтеть сирень.

Природа радостной улыбкой міръ ласкаетъ,
Какъ мать нѣжная и полная заботъ
Передъ младенцемъ грудь съ любовью обнажаетъ,
Когда проснется онъ и въ ней съ любовью льнетъ.

Все встрѣтило весну веселымъ трепетаньемъ;
Весь міръ растительный, вся дышущая тварь;
Благоуханными цвѣтами и сіяньемъ
Земля украсилась, какъ праздничный алтарь.

А люди? Нѣтъ, они весны не разумѣютъ!
Ожесточились въ нихъ и чувства, и умы;
Природы голоса въ нихъ гложутъ и нѣмѣютъ,
Лучъ Божій не пройметъ сгустившейся въ нихъ тьмы.

Напрасно въ нимъ весна ласкается съ любовью;
Весна для нихъ нужна, чтобы зачать войну,

Чтобъ нивы Божія залитьъ горячейъ кровью,
 Чтобъ возмутить полей и весей тишину,

Чтобы предать огню несчастныхъ жертвъ жилища,
 Чтобъ слушать битвы шумъ и братьевъ вопль и стонъ,
 Чтобъ землю претворить въ открытыя владбища,
 Гдѣ трупамъ братьевъ нѣтъ ни слезъ, ни похоронъ.

Нѣтъ, не для нихъ весна роскошествуетъ снова
 И Божій людъ зоветъ на свой семейный пиръ!
 Нѣтъ, не для нихъ любовь Евангельскаго Слова
 Намъ проповѣдуетъ смиреніе и миръ.

Тамъ, на поляхъ весны кровь братьевъ ужь дымится!
 Вотъ отъ чего и здѣсь красивая весна
 Печальной думою мнѣ на душу ложится,
 И скорбью вся душа моя возмущена.

Мнѣ грустно за Царя, мнѣ за Россію больно,
 Грущу и за нее, цвѣтущую весну:
 Миръ, Божью благодать, встревожили крамольно
 Братоубійственнымъ возваньемъ: на войну!

Вы, лжеапостолы, апостолы убійства,
 Вы, именемъ Христа, съ крестомъ Его въ рукахъ,
 Вы ухищреньями преступнаго витійства
 Стремитесь возбуждать одну вражду въ сердцахъ!

Вы опозорили святое слово: братство.
 Не только что любовь, и жалость вамъ чужда,
 И ваша набожность есть то же святотатство,
 Въ васъ и любовь узва, и широка вражда!

Вы любите однихъ, чтобъ прочихъ ненавидѣть!
 О вамень алтаря вы точите свой ножъ.
 Даны вамъ и глаза, чтобъ истины не видѣть,
 Даны и уши вамъ, чтобъ только слушать ложь.

Для васъ, воснѣющихъ во тѣмѣ предубѣжденья,
 Христосъ какъ будто бы на землю не сходилъ.
 Вашъ богъ не Богъ любви, а гнѣва богъ и мщенья,
 Въ громахъ и молніяхъ господь онъ грозныхъ силъ.

Возпосите ему вы дикія молитвы,
 Вамъ въ помощь вы его зовете на убой,
 Его вы молитесь, чтобъ въ день кровавой битвы
 Благословилъ онъ васъ кровавою рукой.

Нѣтъ, не нуждается Господь въ защитѣ вашей;
 Онъ рекъ: подъявшій мечъ самъ отъ меча падеть,
 Онъ не кровавою, а свѣтлой скорби чашей
 Съ людьми запечатлѣлъ Божественный завѣтъ.

Онъ—Пастырь: соберетъ въ Свой день Свое Онъ стадо
 И Божье царствіе устроить на землѣ.
 Ему ни вашихъ битвъ, ни вашихъ жертвъ не надо,
 Ни вашей болтовни въ журнальномъ ремеслѣ.

Славянофильства нѣтъ въ апостольскомъ ученьи;
 Но отъ Аксакова евангеліе есть,
 Которымъ учить насъ радѣтъ объ избіеньи
 Всѣхъ не-Славянъ, чтобъ ихъ Славянамъ въ даръ принести.

Правительство пагубой и язвою народовъ
 Пророки лживые родятся въ наши дни.
 Дай волю имъ—отъ нихъ нѣтъ громовыхъ отводовъ,
 И съ неба яснаго накличатъ громъ они.

Они мутятъ умы и совѣсти морочатъ,
 Пугаютъ тѣмъ, чего и не было, и нѣтъ,
 И благо въ будущемъ безумно намъ пророчатъ,
 Когда въ законъ себѣ мы примемъ ихъ совѣтъ.

Средь общей тишины они забьютъ тревогу,
 Подымутъ имъ въ бреду приснившійся вопросъ,

И увѣрять начнутъ, что онъ угоденъ Богу,
И что въ вопросѣ томъ замѣшанъ самъ Христосъ.

Вы ставите себя всемірнымъ средоточьемъ,
И думаете вы, слѣпыхъ страстей рабы,
Что свѣше облеклись вы Божьимъ полномочьемъ,
Чтобъ челоуѣчества устраивать судьбы.

Кто вамъ священство далъ? Кто васъ поставилъ въ судьи,
Чтобъ въ тяжбахъ Промысла брать на себя починъ?
Невѣдомъ Промыслъ намъ: и Турки тоже люди,
И Турки братья намъ, Отецъ у насъ одинъ.

Насъ раньше просвѣтилъ Онъ словомъ благодати
И милосердымъ быть насъ раньше научилъ:
Но старшинствомъ своимъ гордиться намъ не встать...

. . . . .

Лжепроповѣдники ученій сумасбродныхъ,
Печати кривуны и площади бойцы,
Вы, подстрекатели дурныхъ страстей народныхъ
И популярности трусливые льстецы!

Всѣ ваши буйные, неистовые крики —
Не гласъ народа, нѣтъ, не Божій гласъ и судъ:
Въ Двѣнадцатомъ году на подвигъ свой великій
Смирениѣй и трезвѣй шелъ православный людъ.

Къ борьбѣ онъ приступалъ безъ гаерства и шума,
Запоемъ уличнымъ не разжигалъ умы;
У всѣхъ одинъ обѣтъ, одна святая дума:
Россію отстоять, и отстояли мы.

Преступно призывать вамъ все имя Божье,
Грѣшно кощунствовать вамъ именемъ Святымъ
И подставлять Его въ подмости и подножье...

. . . . .

Что жь? Въ бой пошлите ихъ, охотниковъ до крови,
 Лихихъ застрѣльщиковъ и словомъ, и перомъ:
 Посмотримъ, какъ они въ виду другихъ условій
 Захорохорятся въ бою передъ врагомъ!

Имъ изъ порожняго переливать въ пустое
 Легко, чернилами они не дорожатъ;
 Но пули съ ядрами заговорятъ другое...

Россія создана на то, чтобъ быть Россіей,
 Чтобъ совершить тотъ путь, что Промысломъ ей данъ,
 А не чужую кладь нести на гордой выѣ
 И быть прислужницей какихъ-нибудь Славянъ.

Объ исторической вы бредите задачѣ:
 Тутъ нѣтъ исторіи и тутъ задачи нѣтъ,
 А праздный вымыселъ одной мечты горячей,
 Которой разумъ вашъ болѣзненно задѣтъ.

Нѣтъ, не однѣ у насъ съ Славянами скрижали,
 Путь историческій у насъ былъ не одинъ,
 Власть чуждую съ себя мы сами низвергали
 Народной доблестью и смѣлостью дружинъ.

Они, какъ нищіе, и руку, и денегъ просятъ,
 Умѣютъ бунтовать, но побѣждать не имъ;
 Въ душѣ и на челѣ они глубоко носятъ
 Стыдъ рабства долгаго подъ племенемъ чужимъ.

Богъ съ ними! Пусть съ себя сдеретъ покровъ свой вдовій
 И цѣпи съ рукъ своихъ опальная страна,
 Но только не цѣной потоковъ русской крови:
 Въ насъ лишней крови нѣтъ, она и намъ нужна.

Зачѣмъ такъ чутви мы на чуждые намъ стоны,
 А страждущей семьи намъ голосъ часто чуждъ?

Зачѣмъ по сторонамъ выдаемъ милліоны,
Когда у насъ ихъ нѣтъ для нашихъ кровныхъ нуждъ?

Какъ будто нѣтъ у насъ ни скорби, ни страданья,
Какъ будто нѣтъ у насъ ни туги, ни страды,
Ни хлѣба алчущихъ, ни алчущихъ познанья,
Ни жадно чающихъ движенія воды!

Нѣтъ, многія поля у насъ еще безводны —
Для орошенья ихъ да брызнетъ свѣжій влючь!
Торговлѣ, грамотѣ упрочьте путь свободный,
Степямъ вы дайте жизнь, потемкамъ — Божій лучь.

Нѣтъ, почва русская, томясь безъ удобренья,
И много проситъ рувь, и много денегъ ждетъ,
Чтобъ зрѣлой жатвою добра и просвѣщенья
Насытиться вполнѣ могъ доблестный народъ.

Нѣтъ, нужны вамъ запой и гамъ, и гвалтъ журнальной,
И барабанный бой, и балаганный трескъ,
И уличной толпы тревожной и нахальной
Восторги пьяные и дивій вой и плескъ.

Что выиграетъ Курскъ, Чембаръ, Курмышъ и Вятка,
Когда Черняевъ дастъ Бѣлграду вороля,
И, задыхаяся отъ счастья и порядка,
Червасскимъ процвѣтетъ Болгарская земля?

И меньше ль подати внесетъ, и меньше ль пота
Прольетъ нашъ труженивъ,
Когда Болгаріи Червасскаго забота
Дастъ канцелярскій строй, а съ нимъ и рай земной?

DCCLXXXIX.

Какъ много слезъ, какое горе
Въ запасѣ на сердечномъ днѣ!
Такъ ужасы таятся въ морѣ,
Въ его пучинной глубинѣ.

При ясномъ днѣ и сердце ясно,
И море чисто, какъ стекло:
Все такъ привѣтно-безопасно,
Все такъ улыбчиво-свѣтло.

Но свѣжій вѣтеръ ли повѣетъ,
И молча туча набѣжитъ, —
Вдругъ море смутно потемнѣетъ
И подъ испугомъ задрожитъ.

Вступаетъ въ бой волна съ волною,
Какъ звѣрь щетинится волна,
И море, взрытое грозою,
Готово высвочить со дна.

И сердцу не безвѣстны бури:
Волна и сердца глубока,
И въ немъ есть блескъ своей лазури,
И въ немъ свои есть облака.

Когда нечаянно обложатъ
Они сердечный небосклонъ
И чувства смутныя встревожатъ
Затишье сердца, свѣтлый сонъ, —

Подобно морю подъ волнами,
Когда ихъ буря бороздитъ,
Зальется сердце въ насъ слезами
И тяжвой сворбью загудитъ.

СССХС.

Жизнь наша въ старости—изношенный халатъ:
И совѣстно носить его, и жаль оставить;
Мы съ нимъ давно сжились, давно, какъ съ братомъ братъ;
Нельзя насъ починить и за ново исправить.

Какъ мы состарѣлись, состарѣлся и онъ;
Въ лохмотьяхъ наша жизнь, и онъ въ лохмотьяхъ тоже,
Чернилами онъ весь расписанъ, окропленъ,
Но эти пятна намъ узоровъ всѣхъ дороже;

Въ нихъ отпрыски пера, которому во дни
Мы свѣтлой радости иль облачной печали
Свой всѣ помыслы, всѣ тайнства свои,
Всю исповѣдь, всю быль свою передавали.

На жизни также есть минувшаго слѣды:
Записаны на ней и жалобы, и пени,
И на нее легла тѣнь сворби и бѣды,
Но прелесть грустная таятся въ этой тѣни.

Въ ней есть преданія, въ ней отзывъ нашъ родной
Сердечной памятью еще живетъ въ утратѣ,
И утро свѣжее, и полдня блескъ и зной
Припоминаемъ мы и при дневномъ закатѣ.

Еще люблю подчасъ жизнь старую свою
Съ ея уцербами и грустнымъ поворотомъ,
И, какъ боецъ свой плащъ, прострѣленный въ бою,
Я хожу свой халатъ съ любовью и почетомъ.

DCXXCI.

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

Мы часто дѣйствуемъ случайно,
Хандримъ и любимъ невзначай;
Все въ насъ отъ насъ творится тайно,
Какъ за собой ни примѣчай.

Жизнь наша, чувства, впечатлѣнья —
Не заведенные часы:
Нельзя намъ класть для уравненья
Движенья сердца на вѣсы.

Нѣтъ равновѣсія въ нашей долѣ:
Какъ ни держись, не ровень часъ,
А волей, иль скорѣй неволей
Куда-нибудь да блонить насъ.

Мы, какъ тростникъ подъ вѣтромъ, гибки,
Подъ нами почва не вѣрна;
Мы впечатлительны и зыбви,
Какъ мимотечная волна.

И цвѣтъ, и обливъ свой мѣняя,
Все, что надъ ней, все, что кругомъ,

Волна пріемлетъ, отражая
Въ скользящемъ зеркалѣ своемъ.

Въ рѣкѣ, что жизнью называемъ,
И мы—зеркальная струя,
И мимоходомъ отражаемъ
Всѣ впечатлѣнья бытія.

Случайностей своихъ и встрѣчныхъ
Жизнь непрерывная игра:
Въ волнахъ дней нашихъ скоротечныхъ
Не тѣ мы нынѣ, что вчера.

Кого ничто не растревожитъ,
Кто стоекъ, стойкъ и утесъ,
Въ теоріи мудрецъ, быть можетъ,
Но въ жизнь едва ли жизнь онъ внесъ.

Средь волнъ, когда онѣ прибоемъ
Разятъ его со всѣхъ сторонъ,
На нихъ взираетъ онъ съ покоемъ,
Но все не хладный камень онъ.

ДССХСІІ.

ЗАМѢТКИ.

1.

Объясненіе и разрѣшеніе Восточнаго вопроса.

ВАСНЯ.

Гора рождаетъ мышь: извѣстно намъ давно,
По гору мышь родить: вотъ это мудро,
Хоть и сбылось.

Идемъ, подобно Божьей карѣ,
Россію и за ней Европу всю поджечь,
За тѣмъ, чтобы Авсаковъ на пожарѣ
Славянофильское яичко могъ испечь.

2.

Ma profession de foi.

Нѣтъ, я не туркофилъ и не стою за Порту,
Но чтобъ рѣшить вопросъ Восточный, вотъ мой планъ:
Всѣхъ Турковъ, сколько ихъ ни есть, отправить къ чорту,
Но съ тѣмъ, чтобъ и отъ всѣхъ отдѣлаться Славянъ.

ДССХСІІІ.

МОЯ ЛЕГЕНДА.

Худо, худо, ахъ, Французы,
Въ Ронсевалѣ было намъ:
Карлъ Великій тамъ лишился
Лучшихъ рыцарей своихъ.
Карамзинъ.

Худо, худо, Петръ Андренчъ,
Въ „Vor der Höhe“ было вамъ:
Тамъ лишились вы внезапно
Лучшихъ рыцарей своихъ.

Рыцарь духа, рыцарь силы,
Въ бодромъ мужествѣ своемъ
Озаряли вашу старость
Золотымъ своимъ щитомъ.

Стары были вы годами,
Но казались молодымъ;
Вы въ обманъ вдавались сами,
И обманъ вашъ льстилъ другимъ.

Подъ какимъ-то обаяньемъ
Годы были вамъ легки,
И скрывали лба морщины
Облетавшихъ розъ листви.

Въ старческой бесѣдѣ вашей
Средь любезныхъ дамъ и дѣвъ
Слышался знакомой пѣсни
Не старѣющей напѣвъ.

Сердцу сердце отвѣчало,
И сливались въ стройный ладъ
Жизни свѣтлое начало,
Жизни гаснущей завать.

Но, соскучась долгой службой,
А быть можетъ, старикомъ,
Ваши рыцари пропали
Вдругъ, неожиданно и тайкомъ.

Съ ними разлетѣлись чары!
Что-то замерло въ груди:
Голова и поги стары,
Хоть сейчасъ ихъ въ гробъ клади.

Вы теперь, чѣмъ быть вамъ должно,
Старикомъ, какъ есть старикъ,
То-есть, гадкій и подложной
Быта прежняго двойникъ;

Допотопный звѣрь, что молча
Въ хранилѣ наукъ стоитъ,
На котораго за гривну
Въ балаганахъ чернь глядитъ

Петра Перваго обноски
Не Полтавскіе ль штаны?
Ихъ и васъ ужь моль изѣла,
Васъ, останки старины.

Въ темномъ лѣсѣ иль въ пустынѣ
Вы—часовня древнихъ лѣтъ,

О которой и въ поминѣ
Въ новомъ племени ужь нѣтъ.

Предъ часовней, машинально,
Перекрестишься подчасъ:
Вамъ поклониться случайно
И проходишь мимо васъ.

Такъ прощайте жь, Петръ Андреечъ,
Нашъ разрывъ необходимъ:
Пѣшій коннымъ не товарищъ,
Мертвый не ходокъ съ живымъ.

Такъ я, заживо отпѣтый,
Одинокій средь людей,
Самъ пою свою легенду
Въ злой бессонницѣ своей.

Прписка.

Былъ еще мнѣ вѣрнымъ другомъ,
Попечителемъ ночей,
Примиритель мой съ недугомъ
Также добрый чародѣй:

Былъ хлораль, посоль Морфея,
Но и тотъ мнѣ измѣнилъ:
Сонъ, какъ прежде, не лелѣя,
Кубокъ чудный опъ разбилъ.

Ужъ не леть струей цѣлебной
Опъ забвеніе въ меня,
Миръ и отдыхъ отъ враждебной,
Злой дѣйствительности дня.

Онъ сестрѣ своей злорадной
Сдалъ бессонницѣ меня:

Нѣтъ ни почи мнѣ прохладной,
Нѣтъ ни радостнаго дня.

Днемъ тоскую, ночью тоже,
Ночи съ днемъ не различить.
Да на что жь это похоже,
Васъ осмѣлюсь я спросить!

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИМЪЧАНІЯ.

1863.

- DLXXXV. Печатается со списка, на которомъ рукою Автора сдѣланы поправки; подъ спискомъ рукою же автора написано карандашомъ: „Киссингенъ. 1863“. (*Старая Записная Книжка*, 1863).
- DLXXXVI. Автографъ писанъ карандашомъ. Подъ спискомъ рукою Автора написано карандашомъ же: „Киссингенъ. 1863“.
- DLXXXVII—DXCI. Печатается со списка, исправленнаго рукою Автора (№ DLXXXIX. См. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864).
- DXCII. *Замѣтки* 1—3 напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863, № 9; *Замѣтки* 4 и 6—*Старая Записная Книжка*, 1863; 5-я со списка.
- DXCIII. Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1864, № 4. Въ современномъ спискѣ значится: „Декабрь 1863“. На томъ же спискѣ имѣются слѣдующія критическія двѣ замѣтки В. П. Титова: „См. на оборотѣ 2 замѣтки во вкусѣ Майхровскихъ *Гребней* 1854 года: 1) Нельзя ли „совѣсть“ (стр. 19) поверстать единственнымъ чнсломъ для уравненія съ здравымъ смысломъ? Но какъ? Это дѣло поэта (Залившей совѣсть, смыслъ и логику въ Европѣ)? 2) *До*, можетъ быть, опечатка. „Для жажды“ казалось бы правильнѣй; но главное—„червякъ, червяка заморить“ (стр. 19) въ русскомъ просторѣчїи говорится только про голодь, никогда про жажду. Не лучше ль:

. . . . . Каждый
Свою сивуху, горѣлку, дешевку пьетъ
во (для) утоленье (я) жажды.

Нельзя многоходомъ не подивиться богатству русскихъ синонимовъ по питейной части. Кстати, слышали вы, что Кошелевъ назначенъ въ Варшаву министромъ финансовъ?“

Стр. 19. Истокъ всей этой лжи—въ *помойномъ* журнализмѣ.

- DXCIV. Первоначально напечатано въ Венеціи, въ Армянской типографїи, а потомъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863, № 12.
- DXCV. *Утро*, литературный и политическій сборникъ, издаваемый М. Погоднымъ. М. 1866, стр. 159.
- DXCVI. Съ современнаго списка.

- DXCVII. *Старая Записная Книжка*, 1863.
DXCVIII. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864.
DXCIX. *Утро*, стр. 169.
DC. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864. „27 октября 1863“.
DCI. Тамъ же.
DCII. Тамъ же.

1864.

- DCIII. Съ современнаго списка, на которомъ рукою Автора написано карандашомъ: „Федору Ивановичу Тютчеву. Январь 1864“.
- DCIV. Списокъ съ этого стихотворенія доставленъ князю П. П. Вяземскому при слѣдующемъ письмѣ А. Д. Баратынской: „*Cher Prince. Voici des vers de votre père adressés à la Princesse Maria Maximilianovna à Venise ou Elle a trouvé vos parents l'année 1861. S. A. I. aimerait que vous les missiez dans les Oeuvres Complètes du défunt. Je vous les envoie en vous priant de me dire que vous les acceptiez c. à. d. si ce n'est pas trop tard. Toute à vous Anna Baratinsky*“.
- Дата на списокъ: „Венеція. 10/22 января 1864“.
- DCV. *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1864, № 66.
- DCVI. Стихотвореніе это сохранилось въ двухъ спискахъ, сдѣланныхъ рукою княгини В. Ф. Вяземской и исправленныхъ рукою Автора. На одномъ изъ этихъ списковъ его рукою написано карандашомъ: „Изъ стихотвореній Венеціанскихъ: Къ Императрицѣ“.
- DCVII. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. 3 іюня 1864 г. Авторъ писалъ П. А. Плетневу изъ Мерана: „*Но мнѣ ль съ поэтами другими споря: Конечно, слѣдующія четыре строфы лишнія и, какъ вы замѣчаете справедливо, измѣняютъ характеръ пьесы. Но она посвящена Императрицѣ и въ такомъ видѣ была къ ней послана. Слѣдовательно, неловко ихъ исключить*“ (*Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. С.-Пб. 1885. III, 503).
- DCVIII. Современный списокъ. Въ томъ же письмѣ Авторъ писалъ Плетневу: „*Я было разлюбилъ: конечно, въ разговорѣ поставишь частичку было послѣ глагола, но въ стихахъ, кажется, можно воспользоваться правомъ перестановлять слова, даже часто раздѣляя прилагательное отъ существительнаго. Да и въ Словарѣ Академическомъ сказано просто, что было ставится при глаголахъ, а не сказано послѣ глагола. Однородную частичку бишь тоже, полагаю, можно употреблять какъ хочешь. Можно сказать: какъ бишь зовутъ его? и какъ его бишь зовутъ? Тутъ даже правильно ставить бишь предъ глаголомъ. Почему же не поставить и было? Но во всякомъ случаѣ, кажется, нельзя сказать въ стихѣ и въ отношеніи къ ударенію: я разлюбилъ было*“.
- DCIX. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.
DCX. Тоже.
DCXI. Тоже.
DCXII. Современный списокъ.

- DCXIII. *Старая Записная Книжка*, 1864. „Январь 1864“. *Утро*, стр. 160—162.
- DCXIV. Современный списокъ.
- DCXV. *Старая Записная Книжка*, 1864. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ, рукою котораго карандашомъ написано: „Владимиру Николаевичу Карамзину“.
- DCXVI. Стихотвореніе это было прислано Авторомъ изъ Венеціи, при письмѣ къ В. Н. Карамзину отъ $\frac{21 \text{ марта}}{2 \text{ апреля}}$ 1864 года. *Утро*, стр. 169—170.
- DCXVII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ, на которомъ рукою его написано карандашомъ: „Ернестинѣ Федоровнѣ Тютчевой“. *Утро*, стр. 169—170.
- DCXVIII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.
- DCXIX. Тоже. *Утро*, стр. 162—165.
- DCXX. Современный списокъ.
- DCXXI. *Утро*, стр. 170—171.
- DCXXII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.
- DCXXIII. Современный списокъ.
- DCXXIV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. Замѣчено въ скобкахъ: „Мысль взята изъ Гете“.
- DCXXV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. *Утро*, стр. 159—160.
- DCXXVI. Современный списокъ.
- DCXXVII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864.
- DCXXVIII. Современный списокъ.
- DCXXIX. Тоже.
- DCXXX. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.
- DCXXXI. Тоже.
- DCXXXII. Тоже, съ помятой: „23 мая 1864 г. Переѣздъ утромъ въ Дезеп-запо и оттуда въ коляскѣ въ Салд“. (*Старая Записная Книжка*).
- DCXXXIII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.
- DCXXXIV. *Утро*, стр. 157—158.
- DCXXXV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. „ $\frac{15}{27}$ іюля 1864“.
- DCXXXVI—DCXLI. Современный списокъ.
- DCXLII. *Старая Записная Книжка*, XXIX. *Русскій*, изд. М. П. Погодинымъ, 1867, № 7—8.
- DCXLIII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.
- DCXLIV. *Вевейская Рябина*, стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. С.-Пб. 1892.
- DCXLV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ, съ слѣдующею автографическою надписью: „Екатериѣ Петровнѣ Ермоловой“. Дата: „Веве. 1864, $\frac{19}{7}$ декабря“.
- DCXLVI. Отрывокъ автографа, писанный карандашомъ. Дата: „Веве. Ноябрь 1864“.
- DCXLVII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. Дата: „Веве. Декабрь 1864“.
- DCXLVIII. Современный списокъ. Дата: „Женева. 1864“.
- DCXLIX. Современный списокъ съ поправками и дополненіями Автора.

Тропинка тѣсная, крутая,
Вкругъ виноградника вляя
По скалѣ.

Дата: „Веве. Декабрь 1864“.

DCL. Списокъ съ автографа, сдѣланный О. Н. Бергомъ.

DCLI. Изъ Ниццы, 1 февраля 1865, князь П. А. Вяземскій писалъ П. А. Плетневу:

„О, этотъ югъ, о, эта Ницца,
О, какъ ихъ блескъ меня тревожить.

А между тѣмъ подстрѣленная птица и въ самомъ дѣлѣ не-
можетъ

Твоя подстрѣленная птица и пр.

Тютчевъ такъ надѣялся на этотъ югъ, что ходилъ по обыкно-
венію своему весь на распашку, волоса, жилетъ, платье, пледъ,
все на распашку, даже рубашка, и такимъ образомъ доходилъ
себя до сильной простуды. Теперь ему лучше; а вотъ прочли
вы и мой отвѣтъ на его стихи, посланные изъ Веве“. (*Сочи-
ненія и Переписка П. А. Плетнева*. С.-Пб. 1885. III, 507—508).
Старая Записная Книжка, XXX.

DCLII. Списокъ, сдѣланный рукою княгини В. О. Вяземской. Тиснуть
на отдѣльномъ листѣ, подъ заглавіемъ *Фрегатъ Александръ Нев-
скій*. Paris. — Imprimerie international de G. Towne, rue de
Fossés-Monmartre, 9. Дата: „Ницца. ^{31 декабря 1864} _{12 января 1865}“

DCLIII. 1) *Утро*, стр. 171. 3) *Старая Записная Книжка, XXVIII*; *Утро*,
стр. 171. 4) Автографъ; *Утро*, стр. 172. 5—6). Современный
списокъ, просмотрѣнный Авторомъ; *Утро*, стр. 172—174. 7—8)
Утро, стр. 175. 9) *Старая Записная Книжка, XXVIII*. 10—16)
Современный списокъ. 18—19) Автографъ. 20—23) Современ-
ный списокъ. 24) Автографъ и современный списокъ, просмо-
трѣнный Авторомъ. Варианты:

Недугъ кощунства и безвѣрья
Его сжигаетъ какъ гроза...

Въ запой злости, словно хмеля,
Чтобъ наполнять свои листы,
Онъ попуай и пустомеля
Всѣхъ сплетней, дрязгъ и клеветы...

На фразакъ стронть баррикады,
Чтобъ рисоваться изъ-за нихъ.

Рука разрушить все готова:
Но эти подвиги лежки,
А нѣтъ зиждительною слова,
На блага нѣтъ благой руки.

Одно кощунство и проклятья!
Учить начнетъ ли молодежь—
Давно избитыя понятья,
Давно извѣданную ложь,

Предъ юностью и братьей нишею
Онъ раскрываетъ, словно кладъ,
Лукавствомъ отравленной пиши
Онъ раздражаетъ изъ алчность радъ.

Все это знаемъ мы!—Пожали
Мы горькій плодъ стѣмянъ тилыгъ,
Давно народныя скрижалы
Позоромъ заклеили ихъ.

Передовымъ себя онъ числитъ,
Но видѣвшаясь вѣсь въ примѣръ,
Умомъ чужимъ и заднимъ мыслитъ
Сей закостылый (перезрѣлый) старовѣръ...

25—30) Современный списокъ. 31) Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. *Старая Записная Книжка*, XXVIII.

DCLIV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.

1865.

DCLV. Современный списокъ, который рукою Автора озаглавленъ: *Мари Федоровнѣ Тютчевой (въ день ея свадьбы)*, и его же рукою сдѣлано примѣчаніе: „Она въ дѣтской комедіи играла роль Маіора“. Дата: „⁵/17 февраля 1865. Ницца“.

DCLVI. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ. Стихотворенія, посвященныя ей княземъ П. А. Вяземскимъ. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1890, стр. 7—10. „Ницца. 19 февраля 1865“.*

DCLVII. Тамъ же, стр. 11. „Ницца. 1 апрѣля 1865“.

DCLVIII. Тамъ же, стр. 12—14. „На желѣзной дорогѣ. Мая 1 1865“.

DCLIX. Тамъ же, стр. 15.

DCLX. Тамъ же, стр. 16.

DCLXI. Современный списокъ.

DCLXII. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ*, стр. 18—21.

DCLXIII. Тамъ же, стр. 22—25.

DCLXIV. Тамъ же, стр. 26—27.

DCLXV. Тамъ же, стр. 17. („Изъ Пруссіи“).

DCLXVI. Тамъ же, стр. 28—29. 1) „Петербургъ. 15 мая 1865“. *Складчина. Литературный Сборникъ. С.-Пб. 1874, стр. 30.* 2) „Петербургъ. Май 1865“.

DCLXVII. Списокъ, сдѣланный рукою графини М. И. Ламздорфъ.

DCLXVIII. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ*, стр. 31. Рукою Автора: „Кажется, переводъ съ арабскаго или провансальскаго, а вѣроятнѣе съ мериландскаго. Царское Село. 14 іюня 1865“.

- DCLXIX. Тамъ же, стр. 32—33. „Царское Село. 16 іюня 1865“.
- DCLXX. Тамъ же, стр. 34—35. „Царское Село. 19 іюня 1865“.
- DCLXXI. Тамъ же, стр. 36—37. „Петергофъ. Іюль 1865“.
- DCLXXII. Списокъ, сдѣланный рукою С. И. Пономарева.
- DCLXXIII. Списокъ, сдѣланный рукою Ѳ. Н. Берга.
- DCLXXIV. Списокъ сдѣланъ рукою княгини В. Ѳ. Вяземской, на которомъ рукою Автора написано карандашомъ: „И. Марія Алекс. Петергофъ. 27 іюля 1865“. *Русскій Вѣстникъ* 1865, № 8. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича.
- DCLXXV. Современный списокъ, озаглавленный рукою Автора: *Дача за Петергофомъ*; тою же рукою вписаны слѣдующіе стихи:
- Когда въ прогулкѣ я зайду на эту дачу,
Гдѣ зелень есть и тѣнь, и море на придачу,
Съ иривой прихотью есть сердца теплота,
Въ ней прелесть женщины и дѣтства простота.*
- „Петергофъ. 12 августа 1865“. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ*, стр. 38.
- DCLXXVI. Списокъ, сдѣланный рукою княгини М. А. Вяземской. „Царское Село. 26 августа 1865“. Въ концѣ тою же рукою сдѣлана слѣдующая приписка: „Стихи князя Вяземскаго Ея Им. Высочеству Евгениі Максимильяповнѣ Пр. Ольденбургской. Печатать дозволяется“.
- DCLXXVII. Современный списокъ. „Петергофъ. 4 августа 1865“.
- DCLXXVIII. „Подмосковная съ глубочайшею преданностью и признательностью посвящается Звенигородской Помѣщицѣ“. Село Ильинское. Сентябрь 1865. Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ 6 октября 1865. Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича.
- DCLXXIX. Списокъ.
- DCLXXX. Списокъ, сдѣланный съ автографа рукою графа С. Д. Шереметева. Дата: „Царское Село. 29 сентября 1865“. Въ началѣ рукою автора написано: „Permettez moi, Madame, de déposer aux pieds de Votre Majesté une modeste fleur éclose dans mes heures de réclusion“.
- DCLXXXI. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ*, стр. 42—43. „С.-Петербургъ. Декабрь 1865“.

1866.

- DCLXXXII. Списокъ, сдѣланный рукою Ѳ. Н. Берга. Дата: „С.-Петербургъ. 2 января 1866“.
- DCLXXXIII. Современный списокъ, просмотрѣнный авторомъ. Въ письмѣ, отъ 15 января 1866 года, князь П. А. Вяземскій писалъ М. П. Погодину: „Вотъ еще шутка, которая, Богъ знаетъ съ чего, забрела мнѣ въ голову. Не пригодится ли она вамъ“.
- DCLXXXIV—DCLXXXV. Списокъ, сдѣланный рукою Ѳ. Н. Берга.

- DCLXXXVI. Современный списокъ, на которомъ рукою автора написано карандашомъ: „Мои стихи, записанные въ книгу съ бѣлыми листами О. И. Тимирязевой“. Дата: „С.-Петербургъ. 19 марта 1866“.
- DCLXXXVII. Списокъ съ подлинника, хранящагося у великаго князя Сергія Александровича.
- DCLXXXVIII. *Съверная Почта* 1866, № 90. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. По поводу этого стихотворенія князь П. А. Вяземскій (27 апрѣля 1866) писалъ П. А. Валуеву: „Бросьте на четверть часа внутреннiя дѣла и прочтите со вниманiемъ мои стихи. Если найдете нужнымъ что замѣтить, милости просимъ, и пришлите мнѣ ваши замѣчанiя. Если не найдете точекъ преткновенiя, то покорнѣйше прошу приказать переписать покрасивѣе. Вотъ и бумага. Но если при четкомъ и болѣе крупномъ почеркѣ стихи на моей бумагѣ не упишутся, то велите переписать на большемъ листѣ. Послѣ словъ на первой страницѣ *вождь единый* нужно отступить. Также и послѣ словъ на 2-й *единый часъ*, а послѣднiй перiодъ *народная любовь* также отдѣлить. За всѣ ваши труды послѣ представленiя стиховъ принесу ихъ жертвою на алтарь *Съверной Почты*. Часа въ 3 или въ 4 въ пятницу заѣду къ вамъ. Въ смыслѣ записки вашей буду отвѣчать Погдину“. На замѣчанiе П. А. Валуева князь П. А. Вяземскій отвѣчалъ: „Вмѣсто *чистаго* вставить *яснаго*. Вмѣсто *горячiй*—*запытный слѣдъ*. *Благоухаетъ въ немъ*, не лучше ли сказать *благоуханье мѣтъ*, хотя выраженiе будетъ менѣе точно. Предоставляю вамъ рѣшить какъ угодно. Почему не нравится вамъ, что *на ней*, то-есть, на *истовѣди*, въ смыслѣ *profession de foi*, *твердыня Русская* то-есть, подразумевается *зжидется, основана*? Воля ваша, кажется, можно оставить. Предъ рiеюмою *Боже* вставить стихъ, написанный на концѣ страницы:

Во всѣхъ и мысль одна и бьется сердце тоже.

Сложилась вмѣсто *стлотилась*.

Стихи *богаче* и *горяче* замѣщаются стихами:

Издавна на Руси родникъ ея обилень:

Въ царѣ народъ живеть, и царь народомъ силенъ.

Кажется, такъ идетъ, и благословясь можно пуститься переписывать. Впрочемъ, если еще сомнѣвiе въ васъ родится, не щадите меня.

Заглавiя *16 Апрель 1866* не писать. Я самъ напишу его. Въ перепискѣ соблюсти отступленiя, которыя означены мною въ первомъ письмѣ.

Если можно, прикажите изготовить и другой списокъ, простой, не каллиграфическiй. Онъ послѣ пригодится для напечатанiя въ газетѣ.

Простите, что мучу васъ своею метроманiею: Я хотѣлъ сказать *какъ*, а ошибкою написалъ такъ, то-есть, какъ *въ храмъ, когда*

онъ уже опустѣетъ еще благоухаетъ etc. Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ лучше принять вашу редакцію. Если вы забыли ее, вотъ она:

Такъ, въ храмѣ, гдѣ молитвъ окончаны обряды,
Передъ иконами горять еще лампады,
И вечеромъ, когда ужь опустѣетъ храмъ,
Благоухаетъ въ немъ потухшій еуміамъ.

Спасибо за всѣ ваши труды, а я сегодня боленъ какъ собака и ужасно gripствую“.

DCLXXXIX. *Старая Записная Книжка*, XXX. На автографѣ означено въ началѣ: „Царское село. 20 іюня 1867“; а въ концѣ: „Записано въ Лембергѣ. Графиня М. И. Ламздорфъ скончалась 9 мая 1866 г. въ Женевѣ.“

DCXC. Списокъ, сдѣланный рукою Ив. П. Барсукова и просмотрѣнный Авторомъ.

DCXCI. Черновой автографъ, писанный карандашомъ.

DCXCII. Списокъ, сдѣланный рукою графини Е. П. Шереметевой, просмотрѣнный Авторомъ, и его рукою означено: „3 іюля 1866.“

DCXCIII. *Съверная Почта* 1866, № 200. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „Царское Село. 12 сентября 1866“.

DCXCIV. Списокъ, сдѣланный съ современнаго списка.

DCXCV. Списокъ, сдѣланный рукою графини Е. П. Шереметевой.

LCXCVI. *Съверная Почта* 1866, № 259.

LCXCVII. 1) Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „17 мая 1866. Царское Село“. 2) Современный списокъ. 3—5) Списки.

1867.

DCXCVIII. Списокъ, снятый съ подлинника, хранящагося у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „Мартъ 1867“.

DCXCIX. Списокъ, сдѣланный рукою А. А. Половцова и просмотрѣнный Авторомъ.

DCC. *Современная Лѣтопись* при *Русскомъ Вѣстникѣ* 1867 г.

DCCI—DCCXIII. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 1—29.

DCCXIV—DCCXVI. Списки, сдѣланные рукою Ѡ. Н. Берга.

DCCXVII. Современный списокъ, просмотрѣнный авторомъ. Въ началѣ его рукою написано карандашомъ:

А.—Арсеньевъ.

Б.—Философовъ.

М. де Курдюкова—Княжевичъ.

На другомъ спискѣ, сдѣланнымъ рукою С. И. Пономарева, рукою автора написано чернилами: „Театральная шутка, написанная мною въ Ливадіи, кажется, 30 августа“.

Madame de Курдюкова—Княжевичъ.

Г. Болтуновъ, путешественникъ—Философовъ.

Г. Ориандопуло, чиновникъ—Баронъ Мейендорфъ.

Г. Коврижинъ, сочинитель изъ Вязьмы—Арсеньевъ“.

Варианты:

ЯВЛЕНИЕ I.

А.

Какіе же еще были пріѣзжіе?

Б.

Были Турки, которые привезли арабскихъ коней.

А.

Вѣроятно, въ надеждѣ вмѣстѣ съ ними промять, то-есть, замять Кандійскій вопросъ. Но, авось, кони не вывезутъ ихъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

А.

... Секретъ то же что шло: его въ мѣшкѣ не утаишь, что знаетъ одинъ, то знаютъ и другіе, узнаетъ весь домъ, узнаетъ все семейство, всѣ родные до третьяго поколѣнія.

DCCXVIII. Автографъ. Въ концѣ замѣчено: „Задумано въ Севастополѣ и въ Ливадіи. Сочинено дорогою—вечеромъ, записано въ Кишиневѣ 22 октября 1867. Пушкинъ, благослови, Владыко!“

DCCXIX—DCCXX. Современный списокъ, просмотрѣнный авторомъ.

DCCXXI. 1—3) *Старая Записная Книжка*, XXX. 4) Списокъ, сдѣланный рукою графа С. Д. Шереметева. 5) *Старая Записная Книжка*, XXX.

1868.

DCCXXII. Отдѣльно напечатанный листъ. „Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 24 апрѣля 1868 года“. Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. Величества Канцеляріи.

DCCXXIII. Современный списокъ, просмотрѣнный авторомъ, рукою котораго озаглавлено карандашомъ: „Императрицѣ“.

DCCXXIV. Списокъ. Дата: „Іюль 1868“.

DCCXXV. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 41.

DCCXXVI. Списокъ съ современнаго списка, просмотрѣнный Авторомъ, которымъ замѣчено: „Написано по просьбѣ Кворинга, нашего посланника въ Голландіи, который жаловался, что въ Сардамскомъ домикѣ нѣтъ никакой надписи, свидѣтельствующей о посѣщеніи покойнаго Цесаревича Николая Александровича“. Просматривая это и другіе стихотворенія въ сентябрѣ 1871 года, въ Царскомъ Селѣ Авторъ писалъ: „Въ моемъ больномъ расположеніи, какъ грустно мнѣ все это перечитывать“.

DCCXXVII. Списокъ съ современнаго списка, просмотрѣннаго Авторомъ.

DCCXXVIII. 1—6. Препровождены къ Погодину при слѣдующемъ письмѣ Автора (изъ Царскаго Села, 31 іюля 1868 года): „А я все еще

не получалъ вашего *Русскаго* ни въ Москвѣ, ни здѣсь. Между тѣмъ вотъ мои смиренныя ленты. Можете сказать отъ себя, что онѣ взяты изъ собранія новыхъ сочиненій князя Вяземскаго, которыя должны появиться въ печати, нынѣшнею зимою“. Въ томъ же письмѣ князь Вяземскій писалъ Погодину: „Въ *Запискахъ* Греча (Русск. Вѣстн., июнь, стр. 377) сказано о Рылѣевѣ: „Въ *Посланіи къ Вяземскому*, написанномъ, будто бы, въ подражаніе Персіевой сатирѣ и напечатанномъ въ *Невскомъ Вѣстникѣ*, онъ говорилъ очень явно объ Аракчеевѣ“. Никогда не получалъ я подобнаго посланія. Въ заграничномъ изданіи стихотвореній Рылѣева на первой страницѣ есть *Посланіе къ временщику* (подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубелію), но имени моего и посвященія мнѣ тутъ нѣтъ. Не можете ли отыскать *Невскій Вѣстникъ*, должно быть, 20-го года, на который Гречъ ссылается. Если у васъ нѣтъ, то нѣтъ ли въ Чертовской Библиотекѣ? Передайте мою просьбу Бартеневу. Тайныя *Записки* Греча такъ и выказываютъ желаніе его, чтобы при жизни захвачены онѣ были III-мъ отдѣленіемъ и очистили его отъ всякаго участія и сообщества съ дѣятелями 14-го декабря“.

7--8. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 40—41. Дата: „Сентябрь 1868 г.“

DCCXXIX. Современный списокъ. Дата: „Юнь 1868“. *Притиска*: „Вы пишете: она еще похорошѣла“, сдѣлана въ Гомбургѣ въ мартѣ 1874 года.

DCCXXX. Списокъ, доставленный П. И. Бартеневымъ, рукою котораго озаглавлено: *Къ С. П. Шиловой*. Дата. „2 ноября 1868.“

DCCXXXI. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 33—34. Дата: „Царское Село. Ноября 1868 года.“

DCCXXXII. Списокъ.

1869.

DCCXXXIII. *Русскій Архивъ* 1869, стр. 175—182.

DCCXXXVI. Тамъ же, стр. 067—074.

DCCXXXV. Списокъ, озаглавленный и помѣченный П. И. Бартеневымъ: *Къ С. П. Шиловой*. „Съ подлиннымъ вѣрно. П. Бартевевъ“.

DCCXXXVI. Автографъ съ слѣдующею замѣткою: „Писано въ Петергофѣ во время дождливаго лѣта и послѣ моей оспы и предъ моею болѣзнью, а отъ того и стихи больные и плохіе“ (*Старая Записная Книжка*, XXXI).

DCCXXXVII. Автографъ. Дата: „1869 лѣтомъ, въ Петергофѣ“ (*Старая Записная Книжка*, XXXI).

DCCXXXVIII. Списокъ съ современнаго списка. Дата: „Москва. 1869“.

DCCXXXIX. Современный списокъ.

DCCXL—DCCXLI. Списокъ, сдѣланный рукою Е. Д. Милютиной. Дата: „Ильинское. 26 іюля 1869“. (*Гражданинъ*, 1875, № 5).

DCCXLII. 1) Подлинникъ (*Старая Записная Книжка*, XXXII). 2) Списокъ, сдѣланный рукою Е. Д. Милютиной. 3) Современный списокъ.

DCCXLIII. *Старая Записная Книжка*, XXXII.

DCCXLIV. Тамъ же. Дата: „Царское Село. 13 сентября 1869 г.“.

- DCCXLV. Списокъ, озаглавленный и помѣченный П. И. Бартеневымъ: *Къ С. П. Шиловой*. „Съ подлиннымъ вѣрно. П. Бартеневъ“. Дата: „Царское Село. Сентябрь 1869“.
- DCCXLVI. *Старая Записная Книжка, XXXII.*

1870.

- DCCXLVII. Изъ письма Автора къ княгинѣ М. А. Вяземской, отъ 23 декабря 1870 года.

1871.

- DCCXLVIII. Изъ письма Автора къ княгинѣ М. А. Вяземской, отъ 9 января 1871 г.
- DCCXLIX. Стихи эти присланы Авторомъ изъ Висбадена княгинѣ М. А. Вяземской (при письмѣ отъ 1 мая 1871 года), въ которомъ читаемъ: „Здѣсь восхищаются пѣснями соловьевъ, а вотъ что я о нихъ думаю“.
- DCCCL. Списокъ сдѣланъ рукою графа С. Д. Шереметева, которымъ отмѣчено: „Записаны 1 декабря 1871. Петербургъ“.
- DCCCLI. Списокъ.
- DCCCLII. Тоже.
- DCCCLIII. Современный списокъ.

1872.

- DCCCLIV. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергѣя Александровича.
- DCCCLV. Автографъ. Дата: „Царское Село. 12 іюня 1872“.
- DCCCLVI. Автографъ.

1873.

- DCCCLVII. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 41—42. Дата: „Гомбургъ. Ноябрь 1873“.
- DCCCLVIII. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергѣя Александровича. Авторъ писалъ къ графу С. Д. Шереметеву: „Заставьте графа Корфа попробовать: складно ли слова мои пойдутъ на эту музыку.“

1874.

- DCCCLIX. Стихотвореніе это прислано Авторомъ изъ Гомбурга А. И. Тимошееву при письмѣ (отъ 22 февраля 1874 г.), которое адресовано такъ: „Поэту-Археографу или Археографу-Поэту, доблестному потомку знаменитаго Греческаго пѣснопѣвца Тимошея, который, вѣроятно, во время оно также любовался Буффами и фанъ-Гелями“. Въ письмѣ же Автора мы читаемъ: „Шутки и вирши въ сторону, премного благодарю васъ за память обо мнѣ“

и за любезное письмо. Оно меня очень порадовало и потѣшило.— Не знаю, какъ именовать и величать васъ подобаешь. Извините! У меня прескверная, или просто старческая память на имена. Но сердце сердцу даетъ вѣсть и имя. Извините также, что поздно вамъ отвѣчаю. Отвѣтъ въ головѣ былъ давно готовъ, но я не могъ улучшить минуту, чтобы выложить его на бумагу. Все это время былъ я занятъ и озабоченъ печеніемъ хлѣбовъ для Самарцевъ, сырѣчь для *Складчины*. Прошу васъ тамъ ихъ покушать, если не побрезгуете.

„Я уже вамъ жаловался на память свою. За худымъ здоровьемъ моимъ въ Петербургѣ, за сѣшными сборами къ отъѣзду за границу, не могу припомнить, удовлетворилъ ли я расходы, которые вы понесли по части переписки и переплета etc. моего Остафьевскаго Архива. Сдѣлайте одолженіе помогите моей оскудѣвшей памяти. Скажите о томъ Барсукову, который передастъ мнѣ, что вы скажете! . . . Кромѣ стиховъ, передайте и въ прозѣ мой усердный поклонъ Владиміру Павловичу Титову и скажите ему, что получилъ письмо его“.

- DCCLX. Списокъ, сдѣланный рукою А. И. Тимоѣева.
- DCCLXI. Списокъ, сдѣланный рукою графа С. Д. Шереметева. Дата: „Гомбургъ. 28 мая 1874“. На спискѣ, доставленномъ П. И. Бартевымъ, отмѣчено: „Написано на книгѣ *Въ дорогѣ и дома*, собраніе стихотвореній князя П. А. Вяземскаго“.
- DCCLXII. *Гражданинъ* 1875, № 8—9. Дата: „Гомбургъ. 1874 августъ“.
- DCCLXIII. Списокъ, сдѣланный рукою Ф. Н. Берга. Дата: „29 августа“ (1874).
- DCCLXIV. *Старая Записная Книжка*, XXXII. *Гражданинъ* 1875, № 22. Дата: „Гомбургъ. 15 сентября 1874“.
- DCCLXV. Современный списокъ. Дата: „Гомбургъ. Октябрь 1874“. Означено: „Получено въ Лондонѣ“.
- DCCLXVI. Списокъ съ современнаго списка, просмотрѣннаго авторомъ, рукою котораго написано: „Daignez, Madame, agréer avec indulgence ma boutade poétique et mes vœux bien fervents pour que le séjour à San-Rémo puisse bientôt et parfaitement restaurer Votre Santé et Vos forces. Dans mes vœux et mes prières j'invoque le ciel bleu, les bosquets d'orangers et les douces brises de la mer. Et ces invocations sont très désintéressées et impartiales, car ici nous sommes en plein hiver. Nous n'avons pas de neige, mais le givre festonne les arbres avec beaucoup d'élégance. J'ose supplier Votre Majesté de me faire donner par quelqu'un des nouvelles de Votre Santé et de Votre prise de possession de San-Rémo. Les journaux russes sont très discrets, je dirai beaucoup trop discrets à Votre Sujet, et les journaux étrangers m'inspirent peu de confiance“.
- Дата: „17 ноября 1874 года. Homburg v. d. Höhe“.
- DCCLXVII. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „Гомбургъ. Октябрь 1874“.
- DCCLXVIII. Списокъ съ современнаго списка, просмотрѣннаго авторомъ, рукою котораго написано: „Посвящается А. Д. Баратынской“.
- Дата: „22 декабря 1874“ (*Старая Записная Книжка*, XXXII).

DCCLXIX. Списокъ съ автографа. Замѣтка автора: „Эти стихи написаны, или надуманы мною года два тому: Сюда записаны 16 сентября (1876 г.). (Стар. Зап. Кн., XXXIII, 35—36).

DCCLXX. Списокъ съ автографа (Стар. Зап. Кн., XXXII).

1875.

DCCLXXI. Списокъ съ автографа. Дата: „22 января 1875“ (Стар. Зап. Кн., XXXII).

DCCLXXII. Списокъ съ автографа. Адресъ: „Monsieur le Sénateur Karamsin“. Дата: „Homburg v. d. Höhe 8 апрѣля 1875“.

DCCLXXIII. Литографія. Дата: „Эмсъ. Май 1875“.

DCCLXXIV. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „Фридрихсгафенъ. 1875“. Имѣется французскій переводъ этого стихотворенія.

DCCLXXV. Списокъ.

DCCLXXVI. Списокъ съ автографа. 1) „Гомбургъ. 22 іюля 1875“. 3) Примѣчаніе Автора: „Чему служитъ примѣромъ азъ грѣшный: 4 сент. Во время прогулки пѣшкомъ“. (Старая Зап. Кн., XXXIII).

DCCLXXVII. Списокъ, сдѣланный рукою Ѡ. Н. Берга.

DCCLXXVIII. *Русскій Архивъ* 1876. № 2, стр. 262—263. Дата: „Гомбургъ предъ высотами. Декабрь 1875“.

1876.

DCCLXXIX. Списокъ съ автографа. Дата: „Май 1876.—Графиня Толь.“

DCCLXXX. Списокъ съ автографа. Къ стихотворенію *Цѣтокъ* (№ 7) Авторъ въ своей *Старой Записной Книжкѣ* сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Стихотвореніе это я написалъ, то-есть, надумалъ мннувшимъ лѣтомъ (1876 г.) въ вагонѣ, когда ѣхалъ изъ Гомбурга въ Эмсъ. Читалъ я его Гроту къ Гомбургѣ, и, кажется, былъ онъ имъ очень доволенъ. Много подобныхъ стиховъ у меня пропало, которые я мысленно сочинялъ въ прогулкахъ и ѣздѣ — и не успѣлъ записывать. Безнечность и лѣнь всему этому причиною. Дѣло въ томъ, что я люблю творить и охлаждаюсь къ сотворившемуся“. Стихотвореніе: *Вхожу съ надеждою* и пр. (№ 9) написано въ Эмсѣ, въ маѣ 1876 года.

DCCLXXXI. Автографъ. Дата: „9 августа 1876“. (Старая Записная Книжка, XXXIII, 65 об.—66).

DCCLXXXII. Списокъ съ автографа. Дата: „17 сентября 1876“ (Старая Записная Книжка, XXXIII, 74 и об.).

DCCLXXXIII. Списокъ съ автографа.

DCCLXXXIV. Списокъ, сдѣланный рукою графа С. Д. Шереметева.

DCCLXXXV. Списокъ съ автографа (Старая Записная Книжка, XXXIII, 66, 23, и об., 76, 73 об.).

1877.

- DCCLXXXVI. Списокъ съ автографа. Дата: „1877“ (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, 76 и об.).
- DCCLXXXVII. *Примѣчаніе графа С. Д. Шереметева*: Стихотвореніе это было мнѣ прислано княземъ П. А. Вяземскимъ, для передачи Государю Александру II, чрезъ посредство Цесаревича Александра Александровича; при чемъ князь Вяземскій выразилъ желаніе, чтобы Государь самъ догадался о комъ идетъ рѣчь, такъ какъ лицо не названо, что и было мною доложено Цесаревичу, при передачѣ ему стихотворенія. Когда стихотвореніе было передано по назначенію, то лично отъ Цесаревича услышалъ, что Государь тотчасъ же узналъ Віельгорскаго. Стихотвореніемъ остался чрезвычайно доволенъ.
- DCCLXXXVIII. Списокъ съ автографа.

Вариантъ:

„И популярности сановные льстецы“.

Рукою Автора замѣчено: „Всѣ эти записанныя строфы, à va-top готри, должны войти въ составъ стихотворенія моего: *Весна 1877 года*. Надобно ихъ прибрать и пригнать въ одно цѣлое“ (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, л. 118 об.—121 об., 123 и об.—124).

- DCCLXXXIX—DCCXC. Списокъ съ автографа. Примѣчаніе автора: „Эти два стихотворенія—плодъ поѣздки моей въ Бадень-Бадень“ (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, л. 125—126).
- DCCXCI. Списокъ съ автографа (тамъ же, л. 129 об.—130).
- DCCXCII. Списокъ съ автографа. Дата: 1) „14 апрѣля“; 2) 23 іюня 1877“ (тамъ же, л. 118, об. 126).
- DCCXCIII. *Русскій Архивъ* 1879, № 1, стр. 132—135. Дата: „Ноябрь 1877“.
-